

Владимир Эрль С кем вы, мастера той культуры?

Владимир Эрль

С кем вы, мастера той культуры?

Книга эстетических фрагментов

ЮЛУККА

Владимир Эрль

С кем вы, мастера той культуры?

Книга эстетических фрагментов

Санкт-Петербург

Julukka

2019

Э 79 В. Эрль. С кем вы, мастера той культуры? Книга эстетических фрагментов. – СПб.: Юолукка, 2019. – 240 с.

ISBN 978-5-904699-06-2

Первую страницу обложки украшает ранняя (15 мая 1950 г.) фотография автора в возрасте 1.097 дней; на четвёртой странице обложки помещена поздняя (январь 2006 г.) томография того же персонажа.

На внутреннем развороте обложки – некие «персонажи» же, отсылающие к известной цитате Беккета:

«Поговорим лучше о ……………»

ISBN 978-5-904699-06-2

© Владимир Эрль, 2019

© Издательство «Юолукка», 2019

Curriculum vitae

Владимир Ибрагимович Эрль (Vladimir Earl) – псевдоним *Владимира Ивановича Горбунова*, родившегося 14 мая 1947 г. в Ленинграде (в 1924–1991 гг. – временное название Санкт-Петербурга). Родители – Иван Фёдорович Горбунов (1901–1989, полковник в отставке) и Татьяна Григорьевна Горбунова (1904–1993, воспитатель детского сада). Образование среднее (в 1966 г. окончил Городскую общеобразовательную заочную школу). Пишет стихи с 1963, прозу с 1964; занимается текстологией, редактированием и т.п. с 1965 г. Публикуется с 1965 г.¹ Владимир Эрль –

¹ Около ста пятидесяти публикаций (стихотворения, проза, статьи, заметки и переводы) в журналах «Грани», «Часы», «37», «Транспонанс», «Северная почта», «Обводный канал», «Митин журнал», «Вестник новой литературы», «Кредо», «Поэзия и Критика», в сборниках и альманахах «Аполлонь-77», «Wiener Slawistischer Almanach», «Черновик», «24 поэта и 2 комиссара» и «Urbi»; в ряде петербургских, московских и тамбовских газет; в антологиях «Живое зеркало» (СПб., 1974), «Лепрозорий-23» (СПб., 1975), «Острова» (Л., 1982), «У Голубой лагуны» (т. 4А, Ньютонвилл, 1983), «Поздние петербуржцы» (СПб., 1995), «Самиздат века» (Минск; Москва, 1997) и др. изданиях. Произведения В.Э. включены также в хрестоматию Сергея Бирюкова «Зевгма: Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма» (М.: Наука, 1994). Владимир Эрль автор четырёх книг: «*Кнега Кинга* и другие стихотворения» ([Л.; Ейск], 1981), «Хеленуктизм (Книга Хеленуктизм)» (совместно с А. Ником, ВНЕ, Л. Ентиным, К. Кузьминским, Дм.М. и А. Мироновым. СПб., 1993), «Трава, Трава» (СПб., 1995), «В поисках за утраченным Хейфом» (СПб., 1999 <sic!>), а также Собрания произведений (т. 1. Л., 1987) и романа воспитания «Вчера, послезавтра и послезавтра» (1976).

Участвовал в подготовке изданий (составление, текстологическая подготовка, комментирование): Д. Хармс. Собрание произведений (Кн. 1–4. Времен, 1978–1988); «Памяти Леонида Аронзона» (Л., 1985); Л. Аронзон. Стихотворения (Л., 1990); К. Вагинов. Козлиная песнь: Романы (М., 1991); А. Введенский. Полное собрание произведений.

лауреат премии им. Андрея Белого (Ленинград, 1986) и Отметины им. Давида Бурлюка (Академия Зауми, [Тамбов], 1991); с октября 1999 г. – член международной Академии русского стиха.

Необходимо назвать следующих поэтов, художников и исследователей, – это (в хронологическом порядке): Дм. М., Н.И. Николаев, А. Миронов, Л. Аронзон (1939–1970), А. Хвостенко (1940–2004), А. Волохонский, Л. Богданов (1942–1987), Т.Л. Никольская, В.Н. Петров (1912–1978), А.А. Александров (1934–1994), А. Ник, К. Кузьминский, Г.М. Неменова (1905–1986), И. Бахтерев (1908–1996) М.Б. Мейлах, С. Сигей, Св. Кекова Н.И. Харджиев (1903–1996) и В. Кондратьев (1967–1999), – встречаю и творческому общению с ними В.Э. считает себя бесконечно обязанным.

Июль 1998; 2000 etc

В 2-х т. (М., 1993); А. Миронов. Метафизические радости (СПб., 1993); «Поэты группы “обэриу”» (Биб-ка поэта. СПб., 1994); А. Хвостенко. Продолжение (СПб., 1995); С. Кекова. Стихи о пространстве и времени (СПб., 1995); Д. Хармс. Дней катыбр: Избранные стихотворения. Поэмы. Драматические произведения (М., 1999); К. Вагинов. Полное собрание сочинений в прозе (СПб., 1999); А. Хвостенко. Страна Деталия (СПб., 2000); Л. Аронзон. Собрание произведений. В 2-х т. (СПб., 2006); В. Кондратьев. Показания поэтов. Сочинения и переводы (*В печати*). Ряд произведений Л. Аронзона, Л. Богданова, Конст. Вагинова, А. Введенского, А. Крученых, Д. Хармса и других авторов В.Э. публиковал в периодике.

О произведениях Владимира Эрля в разное время писали и высказывались Б. Констриктор, Ры Никонова и С. Сигей (журн. «Транспонанс»), Н.Н. [Н.И. Николаев] (журн. «Гласность»), В.Л. Топоров (газ. «Смена»), И. Кукулин (журн. «Знамя»), П.С. Выходцев, К.К. Кузьминский, Б.Л. Борухов, Д.Б. Волчек, Б.И. Иванов, В.И. Уфлянд, С.Е. Бирюков, А.И. Степанов, А.В. Скидан, Массимо Маурицио, И.С. Кукуй, Ю.Б. Орлицкий, Д.А. Суховой и П. А. Казарновский.

I. Эстетика и критика

Вступительная статейка Хеленуков

Сим торжественно объявляем, что мы <...> Хеленуктами
сделались.

Хеленукты всё умеют: что ни захочут, всё сделают.

<...>

Мы можем:

- а) стишки сочинять;
- б) прозу выдумывать;
- в) пиэсы разыгрывать;
- г) нарисовать там чего-нибудь;
- д) гулять;
- е) смеяться;
- ё) в шашки играть;
- ж) статейки писать;
- з) .....
- и) по телефону разговаривать;
- й, к) кашлять и сморкаться;
- л) стоять;
- м) сидеть;
- н) лежать;
- о) купаться;
- п) огурцы резать;
- р) в баню ходить;
- с) петь;
- т) ездить;
- у) зубы рвать;
- ф) думать;
- х) чаевничать;
- ц) нюхать;

- ч) на веревочке узелок завязать;
- ш) одеваться;
- щ) греться;
- ъ) лобзиком выпиливать;
- ы) сеять просо;
- ь) запоминать;
- э) бросать в воду камешки;
- ю) говорить не по-русски;
- я) гладить Епифана.

Эка!

Все Хеленукты очень красивые, смышленные и умные.

А еще все мы грамотные и отважные.

Мы – единственные живые стихотворцы.

Мы всё знаем: если нам чего-нибудь скажут, так сразу пойдем.

Лучше нас никого нет, да и вообще никого нет.

<...>

Хеленукты – brave молодые,

а все остальные – паршивые огурцы!

16 сентября 1966 г.

Дм. М. и Вл. Эрль

К вопросу о Хеленуктизме

Долой арендаторов!

В прошлом году один из наших критиков заметил: «Если ты хочешь быть услышан, – говори тише!» События последних дней заставляют нас согласиться с ним. Ещё бы! Ведь неоднократные нападки воинствующей прессы не раз заставляли нас убеждаться в справедливости его слов.

Но наши недавние выступления (как в печати, так и устные) могут с достаточной яркостью охарактеризовать наши убеждения или, по крайней мере, нашу правоту. Тем, кто ещё не ознакомлен с вопросами Хеленуктического творчества, остаётся только пожимать плечами с выражением крайнего недоумения на лице. Но пора, наконец, положить предел зарвавшимся! Хватит! Мы долго сносили их нападки, теперь пора приняться за оружие. Хеленуктические районы – не место прогулок всяческих недоумков! Они будут жестоко проучены.

С этих дней мы выступаем снова.

Нет среди нас места сомневающимся истеричным хлюпикам! Мы будем гнать их в шею!

Правильно возражал наш прошлогодний критик. Мы соглашаемся с ним, но не из-за злобного ворчания многочисленных василиев леонидовичей. Насущные вопросы зрелищ заставляют нас твёрже глядеть в глаза недоумков прошлого!

Мы боремся с ними, но отнюдь не сдаём своих позиций!

Мы – не арендаторы идейных полей!

Пусть они хорошенько запомнят это!

Август 1967

К вопросу о Хеленуктизме

Обуздать бздунув и обманщиков!

Прошло немало времени с тех пор, как мы впервые выступили в печати с мнением о производителях. Сейчас настало время высказаться и о некоторых неурядицах, усердно затеваемых целым полчищем безобразных бздунув. Они, эти двояковыпуклые гниды, и впрямь решили затеять склоки в малонаселенных районах. Жалкое огородничество! Они думают, что это им удастся.

Но давайте трезво осмыслим происходящее. Современное общество в свете последних достижений электротехники, ботаники и химии представляет собой довольно заурядную картину. На смену арендаторам пришли производители, за ними хлынули целые толпы коротконогих бздунув и обманщиков...

Они успокоятся только тогда, когда им укажут двери бани. Это шелудивое отребье нуждается в мочалке и мыле. И это они рассуждают о справедливости! Подобно клопам бегают они по стенам наших городов и пачкают наши жилища... Видно, нравы современного общества вполне их удовлетворяют.

Но помните: мы положим предел зарвавшимся!

Август 1967

Соавтор: Дм.М.

К выходу 1-го выпуска «Альманаха Могучей Кучки»

На берегу Невы произросла и образовалась новая литературная сила, спаянная коллективом молодых, но талантливых творческих интеллигентов. Возникнув из традиций классики и русской старины и принимая во внимание опыт реального искусства, это единение выдающихся представителей литературы занимается всевозможными ее отраслями: музыкой, живописью, архитектурой, керамикой, деревянным зодчеством, психологией, философией, земледелием и разведением живности...

Разумеется, мы не имеем возможности в этом кратком эссе упомянуть все занятия Хеленуков (так их называют в степях Башкирии и юртах Крайнего Севера), образовавшихся в сентябре чреватого событиями 1966-го года. В этом же году была написана «Вступительная статейка Хеленуков», необычайно ценный по своему историческому и литературному значению документ.

К сегодняшнему дню многое достигнуто и многое завоевано. Хеленуки объединились в *Могучую Кучку*; в скором времени они выйдут на широкого зрителя.

Предлагаемый читателю сборник литературного творчества Хеленуков – лишь первый зачин этой цели.¹

Ждите! Новые философские системы, новые абсолюты и причинности пройдут перед вами. Вас ждут новые встречи и полезные советы.

Будущее покажет!

Декабрь 1967

---

¹ Увы! Многократно упоминаемый на этих страницах Альманах по сию пору остаётся неизданным... – *Примеч. 2007 г.*

Соавтор: А. Миронов

А. Хвостенко (*Вступительная заметка*)

Поэт и художник Алексей Л. Хвостенко родился в 1940 году. Из его графических циклов наиболее известны «Vivos voco» (1965), «Инсулиновый шок» (1965 – 1966?) и «Как рушили Греческую церковь» (1966).

Как поэт, АХ широко известен с начала 60-х годов. В это время его называют первым из трёх ведущих ленинградских поэтов (второй и третий – Л. Ентин и И. Бродский). Стихов того периода осталось немного – автор к началу нашего знакомства (1965) уже отошёл от их поэтики и «сложил под спуд» – мы публикуем только одно из них: «Держитесь подальше...».

В 1964 – 1967 годах АХ основывает Верпу и пишет один за другим шесть разных по объёму и жанру книг: «Десять стихотворений Верпы посвящённых Игорю Холину» (1965), «Подозритель» (1965), «Собственно Верпаторий» (поэма, 1966) и, наконец, самый значительный, 6-ой сборник, – «Три цикла Верпы» (1965–1966). После окончания «Трёх циклов...» АХ задумал новую книгу стихов, «Захолустье», но намерение своё не реализовал. В это же время АХ пишет также и прозу; наиболее интересна его небольшая книга «Сообщение о делах в Петербурге».

Одним из первых АХ возродил жанр коллективного творчества: вместе с друзьями, – художником Ю. Галёцким, поэтом Л. Ентиным и другими, – он пишет ряд драмагедий (термин Вл. Эрля), стихов и рассказов «обэриутского», как несправедливо принято сейчас говорить, толка. Наиболее кромешны драмагедии АХ и Ю. Галёцкого «Сквозняк (пье-

са для среднего уха)» и «Ученик Басё».

Но наиболее, конечно, значительным было сотрудничество *АХ* и Анри Волохонского: ими совместно написаны поэма «Ветеринар», трагедия «Домкрат», три большие пьесы для театра (не были поставлены, ныне утеряны) и целый ряд стихотворений.

Творчество *АХ* и его круга оказало громадное и, к сожалению, ещё мало изученное влияние на целый ряд ленинградских поэтов и в первую очередь на поэтов и прозаиков группы Хеленуктов, функционировавшей в 1966–1968 годах (Вл. Эрль, Дм. М., В. Немтинов и А. Миронов; отметим, что *АХ* входил в группу почётным членом).

В 1968 году *АХ* переехал в Москву.

В свой московский период (по 1977 год) *АХ* начал писать и исполнять под гитару песни. Поёт он их в основном на известные мелодии (Баха, Колтрейна, русских и американских песен...), тексты также принадлежат разным авторам – от Мандельштама до Волохонского и собственно Хвостенко. Его песни справедливо пользуются большой любовью всех, слышавших их.

Возвращаясь к нашей краткой публикации, следует сказать, что она происходит под знаком Верпы¹. Стихи, публикуемые ниже, взяты из «Трёх циклов Верпы» и неосуществлённой книги «Захолустье».

В. Р.

Октябрь 1977

---

¹ Верпа – не летательный аппарат и не таящийся зверь. Верпования – не охота на Рпанга. У Верпы были многие, плывущие вдоль, но не все находили выход из зарослей. Многие впадали, не уясняя себе, – но это их ошибка. *АХ* был счастлив в Верпатории. – Бедный Рпанг!..

Ю.А. Дубасов, Поэт

Публикация Владимира Эряля

Предыстория

О книге Ю. Дубасова («От Волги до Эльбы», – издание Вильнюсского гарнизонного Дома офицеров Советской армии, 1966) я узнал из разгромной на нее рецензии в «Крокодиле» (1967, № 13). Прельстившись приведенными в ней отрывками стихотворений, я немедленно написал в выпустившее книгу издательство (см. выше), не сохранив, к сожалению, копии письма. Через некоторое время я – о, радость! – получил от автора ответ. Вскоре пришла и вождеденная книга.

Ниже публикуется (с незначительными сокращениями) моя переписка с Поэтом, представляющая, на мой взгляд, определенную литературно-историческую ценность. Мои письма подписаны фамилией Г.

Из-за недостатка места мы ограничились перепечаткой всего девяти стихотворений Ю. А. Дубасова, но не решаемся отказать себе в удовольствии привести здесь некоторые особенно понравившиеся нам места.

Ах, вы, песни, вы, песни! Как напеться уснуть? С вами жить интересней, Если можешь вас петь (стр. 14).

Клинок висит на ремешке, Кого-то тянет по башке (стр. 25).

Сосновые корки. Песчаный массив. Присел на пригорке Товарищ «Максим». По мускулам хвои Осенняя дрожь. И ветер воет. И плачет дождь. Но кто-то в траншее

Мишень пронесил – И бьет по мишени Товарищ «Максим» (стр. 26).

Был офицером Томаш Врубель, Погиб от пули палача, А до того в крестьянском срубе Жил у Ивана Ильича... (стр. 49).

Начав с Янины, девушки Куявской, Рассказ о встречах безо всяких тайн, Был очарован Зосею Поплавской, Чуть не приехавшею в Болькенхайн, Куда я переехал из Нойштадта. Но в этом Нина Попик виновата. ...И жизнь прожить я с нею был готовым, Когда б тому способствовал момент. Но не дождался этого момента Из-за описанного инцидента (стр. 75).

...фальшь и правда – это антиподы, Которые враждуют меж собой, Как свет и тень, и требуют свободы пространства за счет другой, С чем не согласна сторона другая, Натягиваясь, как струна тугая (стр. 85).

С ней в Польше познакомился, в трамвае, А в августе ее нашел едва. Запишем адрес, точно называя: Вроцлав, Август, 222, Квартира 2. Или отель «Монополь». Она была красавица, как тополь! (стр. 89).

Причем, самоубийство на охоте Случилось не по своей охоте. <...> Погиб Сорокин смертью пулевой – <...> в мирной обстановке Убит из револьвера или винтовки <...> От Болькенхайна в двадцати верстах, где я услышал о его капуте, Когда сам находился в тех местах. Как мы уже сказали, в Болькенхайне, Скорбя о гибели его нахальной (стр. 91–92).

А все же неприятно пахнут кони, С дороги сваленные под откос. И от противной, сладковатой вони Вам

*в сторону сворачивает нос, Хоть закрываете его ладонью,
Чтоб не дышать вам стопроцентной вонью* (стр. 188)...

– Может быть, дорогой читатель, процитированные здесь отрывки и публикуемые ниже стихи покажутся тебе несколько однообразными и растянутыми, но – вчитайся в них внимательнее, и постарайся ощутить их *charme discret*.

Декабрь 1978

Маргиналии к истории новой русской литературы

Недавно нам стали известны подробности двух трагических смертей, случившихся в 1914 году. Речь идёт о так называемых «самоубийствах» Ивана Игнатьева и Божидара. Вот истинные подробности этих трагедий, как их сообщил нам К.А. Тимирязев.

1

Как известно, за Иваном Васильевичем Игнатьевым, молодым издателем и поэтом приятной наружности, приударяли многие, в том числе и известный в русской литературе «через услуги задни» Рюрик Ивнев. Игнатьев же, будучи уайльдическим эстетом, ухаживания за собой принимал, но в скромных пределах. Наконец, решив окончательно переориентировать свою жизнь, И.В. предложил руку и сердце давно любимой им девушке и получил согласие.

В день свадьбы в доме Игнатьева (на 6-ой Рождественской улице в СПб) собрались все его друзья, знакомые и поклонники; присутствовал также и помянутый выше «Рюрик». Последний, совершенно распахавшись безобразной страстью, даже во время брачного застолья отзывал то и дело счастливого новобрачного и нашептывал ему непристойные предложения, вынуждая И.В. краснеть и отворачиваться. Наконец, «Рюрик», заметив, что Игнатьев поднимает оброненный Василиском Гнедовым веер, побледнел от ревности и выбежал из гостеприимного дома...

Через несколько часов молодые остались наконец одни.

Не успели они запереть двери, как перед ними внезапно появился дрожащий от бешеной злобы и ревности «Рюрик», сжимающий в руке раскрытую бритву. Через мгновение Игнатьев упал, обливаясь кровью, с перерезанным горлом, а убийца, вертя перед лицом новобрачной окровавленной бритвой, пробормотал ей несколько непристойностей, после чего скрылся через окно.

Дальнейшие события известны: овдовевшая невеста сошла от потрясения с ума, а мерзавец, выдавая себя за сердечного друга погибшего, сумел запутать следствие и сбить с толку общественное мнение, распространяя нелепые и вздорные слухи о несчастном поэте...

2

Летом того же 1914 года в Красной Поляне под Харьковом (где жила красавица Мария Синякова) отдыхали поэты, члены группы «Центрифуга».

Поздним вечером Асеев предложил пойти в лес – посидеть у костра, почитать стихи. Хозяйка, – поскольку в кресле спал Пастернак, а оставлять его в доме одного было небезопасно, – осталась вместе с ним и Сергеем Бобровым в доме. Остальные же – Асеев, Божидар и Петников – отправились.

Придя в лес и разведя костёр, они провели некоторое время за разговором. Наконец, убедившись, что поблизости никого нет, Асеев дал знак Петникову и, вскочив, они бросились на ничего не подозревавшего Божидара. Давно

лелеемый Асеевым план осуществился: связав несчастного юношу, злодеи оттащили его вглубь леса и повесили на высокой липе.

Когда через несколько дней исчезнувшего поэта всё-таки нашли, то все решили, что Божидар сам наложил на себя руки.

Заканчивая рассказ, К.А. добавил, что теперь, зная эту историю, становится совершенно очевидным, *какую* роль сыграл Н.Н. Асеев и в елабугской трагедии спустя двадцать семь лет...

*Записал и подготовил к публикации М.Р.
Январь 1981*

А.Н. Миронов. Его авторский вечер

29 марта 1983 года в зале музей-квартиры Ф.М.Достоевского состоялся авторский вечер поэта Александра Миронова. Автор прочитал около восьмидесяти стихотворений и одну небольшую поэму. Можно сказать, что предложенные слушателям стихотворения составляют книгу поэта, его «Избранное». Это было подчеркнуто и выделенными автором при чтении циклами – или группами – стихотворений. По окончании чтения со своим беллетризованным эссе, посвященном поэзии А.Миронова, выступил Е.А.Звягин, затем последовало неизбежное обсуждение.

К сожалению, данный вечер, если не считать 10-минутного участия в первом клубном вечере, – первое за семь лет противостояние поэта публике. Публиковался поэт тоже до обидного мало: всего лишь две-три публикации за те же семь лет. Именно поэтому, может быть, его творчество, судя по закончившему вечер обсуждению, оказалось почти совершенно не воспринято или воспринято в искажённом виде.

Обсуждение собственно творчества превратилось в спор о право- или неправомерности религиозных убеждений А.Миронова. Перевес мнений был в пользу ортодоксальной церковности и, отсюда, недопустимости «еретических» высказываний поэта (здесь в смысле Саши Миронова). Нам хотелось бы вставить и свою запоздалую реплику об одной из существеннейших черт поэтики Александра Миронова. Высказываясь всегда в первом

лице, он говорит чаще всего от лица своего современника, иногда даже собственного антипода, точнее, – поэт пропускает через себя чужое сознание, растворяя его в собственном Я. (После великолепных построений покойного М.М. Бахтина, – которого, если и не читали, то, по крайней мере, знают все, – нельзя забывать о диалогичности современного сознания как такового и в особенности сознания творческого). Это можно легко заметить даже по чисто формальным признакам его стихотворений, да и сам автор подчеркнул, что строил своё чтение во многом по *диалогическому* принципу. Однако эта «деталь» осталась, конечно же, незамеченной, и все выступавшие в прениях говорили в основном о допустимых или недопустимых формах «вероотступничества». Одним словом – «когда говорят поэты, Музы молчат». Впрочем, отрядное исключение среди выступавших составил Г.Л. Ковалёв (*не* поэт!), кратко и остроумно сказавший о формальном совершенстве произведений Александра Миронова.

Мы не берёмся характеризовать здесь творчество поэта, хочется сказать всего лишь несколько слов. Во-первых, Александр Миронов, – несомненно, один из интереснейших представителей современной ленинградской школы поэзии (признаемся, однако, что употребляем это определение скорее для читателей, поскольку сами мы довольно плохо представляем себе, что оно по своей сути значит). Главное, что отличает поэта от большинства его друзей и современников, – это наличие отчётливого собственного голоса, более того, голоса, наполненного лёгким и ясным лирическим дыханием. При этом Миронова нельзя назвать лириком в строгом смысле этого слова, так как каждое его

стихотворение подчинено строго проводимой в нём (на разных уровнях, часто многопланово) глубинной идее. Во-вторых, поэт в лучших своих произведениях достигает подлинной «прекрасной ясности», что также выгодно отличает его от большинства ныне здравствующих в литературе ровесников...

В заключение – ещё об одном недостатке вечера. Автор представил, с одной стороны, в большом, а с другой стороны, недостаточном объёме своё творчество. Слушатели достаточно полно ознакомились с произведениями 1970–80-х годов, но, к сожалению, не услышали стихотворений более ранних (условно говоря, первого периода творчества), в которых, заметим, Александр Миронов также предстаёт перед читателем ярким, своеобразным и вполне сложившимся поэтом.

*В. Р.
Май 1983*

Отрывок из письма другу, жительствующему в Китайске

Елена Шварц довольно редко выступает с чтением своих стихотворений, и каждое новое её выступление – всегда событие. На днях, 16 марта, она выступала в одной из самых больших аудиторий ЛИИЖТа; этим-то выступлением мы и собираемся занять Ваше внимание.

Народу, как это ни грустно, собралось мало: всего около 49 человек. Предварял выступление приехавший из столицы М.Я. Шейнкер, который довольно вяло и неясно говорил что-то о новых пространствах, присущих произведениям одной из лучших поэтесс Ленинграда; понять или хотя бы уловить мысль его предварения нам, однако, не удалось, – так *загадошно*¹ оно было.

Выступление самой Е.А. Шварц было весьма кратким для авторского вечера: она прочла всего 36 стихотворений и одну небольшую поэму (36 + 1 = 37) из своих двух первых («Войско, изгоняющее бесов» и «Оркестр») и четвёртой («Корабль») книг.

Первая книга была представлена «Элегией на рентгеновский снимок моего черепа», знаменитым «Плаванием» и «Чёрной Пасхой». К сожалению, мы не услышали ни «Соловья спасающего», открывающего книгу, ни таких замечательных стихотворений, как «Кошка-дирижёр», «Невидимый охотник» и «Бестелесное сладострастие», ставших поистине «золотым фондом» Елены Шварц.

---

¹ Слово «загадошно» было пять раз несчастливо употреблено М.Ш., – повторяем его седьмой и последний!

Затем был прочитан в отрывках цикл «Кинфия» (почти полностью первая часть и два стихотворения из второй) из второй книги. Почти полностью был прочтён цикл «Желания (цыганские стихи)», – если не ошибаемся, это было их первое публичное чтение. Особенно удачно было исполнено стихотворение «Чолк с прищёлком...».

Чтение стихотворений второй книги завершили отрывки из цикла (или книги в книге) «Лестница с дырявыми площадками»: была прочитана примерно половина первой части («5 этажа») этого цикла и три стихотворения третьей части («8 этажа»). Среди стихотворений «Лестницы...» хочется особо отметить «Идёшь и песенку свистишь...», замечательный «Сон», «Кровью Моцарта атласной...», широкоизвестный «Отземный дождь», одно из лучших (может быть, лучшее) стихотворений Елены Шварц – «Сириус и пьяница меняются местами» и, к собственному удивлению, «Я знала, чего я хотела...», – стихотворение, мягко говоря, вторичное (по крайней мере, в начале), но при этом удивительно пронзительное...

Из непрочитанных стихотворений второй книги можно, пожалуй, пожалеть об отсутствии вступительного («Зверь-цветок»), знаменитых «Простых стихов для себя и для Бога», а также «Воспоминания», «Полуденного ужаса» и «Как эта музыка скучна. Нет, это слишком!...» (три последние – из «Лестницы...»).

Третья книга («Разбивка парка на берегу Финского залива») была полностью обойдена молчанием, и, таким образом, собравшиеся остались без четырёх «Элегий на стороны света».

Четвёртая книга была представлена семью стихотворениями. Возможно, имеет смысл указать источники двух из них: у «Глухонемого и взрослого сына...» – это, конечно, Фолкнеровский «Шум» и его же «Ярость»; у «Орфея» – сравнительно недавние гастроли театральной труппы, приезжавшей с «Женщиной-змеей» Гоцци. Лучшие же из семисвечника «Корабля» – «Два стихотворения на особый распев», «Воробей» и фантазмагорическая «Ворона в монастыре».

Из новых произведений мы, к сожалению, также ничего не услышали.

Читала Е.А. как всегда замечательно (может быть, только начало чтения было несколько слабее обычного; начиная же с «Кинфии», она набрала, как говорится, голос и читала уже в полную силу). Особенно хорошо она прочитала цикл «Желания» и «Два стихотворения на особый распев» – цикл сопровождался прищёлкиванием пальцев и почти пелся, а «Два стихотворения...» пелись уже в открытую под отбиваемый по столику ритм.

Публика вела себя плохо: бóльшая её часть виновата тем, что была в таком немногочисленном количестве, а меньшая позволяла себе переговариваться, входить и выходить, а также опаздывать.

Ваш литературный спец
и корреспондент,

Е. П.

Март 1984

Ответ из Китайска другу, жительствоющему в литературной среде (или четверге, а м.б. и пятнице)

Поскольку перед самым отъездом за границу литературных молитв и прищёлкиваний я побывал незаметно на вечере, описанном Вами, мой драгоценный литературный спец и корреспондент, то могу сказать лишь, что вечер Елены Шварц был действительно хорош и был бы ещё лучше, если бы поэтесса не вредила своей манере чтения спиритическими постукиваниями по столу. Вызывая таким образом дух Поэзии, она как бы сознавала его отсутствие. Разумеется, на самом деле он был, но тогда стоило бы обдуманнее противоречить самой манере чтения: читать нарочито плохо и при этом-то именно и постукивать, вызывая. Но о таких тонкостях поэты в четверге Вашем ещё мало думают. Пожалуй, вот и всё, что можно добавить к Вашему письму, точному и тщательному.

Два поэта

Александр Альтшулер пишет стихи и прозу более тридцати лет, публикуется же впервые, если не считать довольно случайной публикации в рукописном альманахе поэтов Малой Садовой («Fioretti», – СПб: Народное просвещение, 1965), где он соседствовал со своим ближайшим другом, поэтом Леонидом Аронзоном.

Об Альтшулере можно говорить бесконечно долго, так как это, во-первых, один из интереснейших и разнообразнейших авторов Ленинграда и, во-вторых, один из оригинальнейших и симпатичнейших людей, каких мне доводилось знать. Его произведения отобраны – с разрешения автора – мной. Таким образом, я принимаю на себя ответственность за все недостатки подборки, какие только могут быть отмечены читателем. Замечу в скобках, что по ряду причин, о которых здесь говорить не место, я отобрал не все произведения, которыми хотел представить творчество А. Альтшулера. Я понимаю, что эта подборка и так получилась едва ли не самой большой за всю историю журнала, однако на своих словах всё равно настаиваю. Надеюсь, что в дальнейшем и те, и многие другие произведения ещё появятся на страницах «Транспонанса».

Публикуемые стихотворения Леонида Аронсона (1939–1970) относятся к его, если можно так выразиться, «непопулярным» стихотворениям, тем не менее они существеннейшим образом дополняют и, на мой взгляд, уточняют, корректируют представление о его творче-

стве¹. Первое из стихотворений Аронсона (недавно найденное) написано в 1965 или 1966 году и служит, по-моему, своеобразным мостом между его широко известными и «непопулярными» произведениями.

Эту заметку мне хочется закончить публикацией ещё двух стихотворений Леонида Аронсона. Первое из них написано в соавторстве с А. Альтшулером (А.А. принадлежат чётные строки первых двух строф и первые две строки третьей строфы; Л.А. – остальной текст). Второе, – так сказать, «концептуальное» – написано осенью (?) 1969 года и записано автором в записной книжке № 12 (л. 24); квадратные скобки – авторские.

Все стихотворения Л. Аронсона – как вошедшие в его подборку на сс. 74 – 80, так и публикуемые ниже – печатаются впервые.

***

Конь сидящий на кургане
курган сидящий на могиле
все сидящие курили
сидеть сидящего ругали

---

¹ Я ничего здесь не говорю о творчестве Л. Аронсона в целом, поскольку в настоящее время оно достаточно известно, – см., например, мою статью «Несколько слов о Леониде Аронзоне» (в кн.: «Историко-литературные чтения / на 1980 – 1981 годы: Н.С. Гумилёв». – [Л.: 1982]. С. 304 – 317). Кроме того А. Степановым завершается большая работа об Аронзоне, которая, надеюсь, будет вскоре опубликована. – См. позднейший вариант работы А. Степанова: <http://www.alestep.narod.ru/critique/index.htm> (Примеч. 2007 г.)

из астмы выросший цветок
и пеньюар чтеца из Рима
был ваших мыслей фотоснимок
текущий зовом в водосток

и голубой иглы глоток
и голубиной голи грани
как конь сидящий на стакане
кормился воздухом у ног.

1964

***

Стихотворение [КХА] –
читается на пленере с открытым небом: поднимется го-
лова читающего, поднимая глаза его, и произносится:

[КХА!]

Несколько шагов порожней ходьбы и снова:

[КХА!]

[КХА!]

<1969>

Март 1984

Вокруг Хармса

Нет нужды повторять, что именно Хармс был центральной фигурой в ОБЭРИУ. Я не хочу присуждать ему ни «первого места», как это делает С. Сигей («Транспонанс», № 17, с. 95), ни какого другого, однако, хотя наиболее популярными в литературных кругах были то Заболоцкий, то Хармс, то Олейников, а Введенский превозносился и Олейниковым, и Хармсом, – всё же инициатором и застрельщиком большинства обэриутских дел был именно Даниил Хармс. Вообще же следует помнить, что обэриуты придерживались принципа равноправия, несколько особняком стояли только Вагинов и Олейников – оба они были, во-первых, старше своих друзей на пять лет и, во-вторых, занимали уже прочное литературное положение.

Группа ОБЭРИУ просуществовала около пяти лет – с конца 1925 до 1931 года. Сначала это были *чинари* Хармс и Введенский, входившие в 1925 году в Орден заумников А.В. Туфанова; затем, вместе с Заболоцким, Бахтеревым, прозаиком Дойвбером Левиным и режиссёром Г.Н. Кацманом, а также К.К. Вагиновым, они образовали в 1926 г. Фланг Левых (или Левый Фланг). В марте 1927 г. Фланг Левых переименовывается в Академию Левых Классиков, а в ноябре того же года – в Объединение Реального Искусства. В 1926 – 1927 гг. группа стремится к расширению: в это время рассматриваются кандидатуры будущих членов группы, – о многих из них говорит И.В. Бахтеревым в своих воспоминаниях¹; ведутся, в частности, переговоры о слиянии с Уновисом К.С.

---

¹ «Когда мы были молодыми. *Невыдуманный рассказ*». – В кн.: «Воспоминания о Заболоцком». – М.: Сов. писатель, 1977, с. 76.

Малевича, – при этом даётся обещание дать 20 человек «III разряда» (Д. Хармс, зап. кн. № 3). Однако ОБЭРИУ обогатилось впоследствии только двумя новыми членами, Олейниковым и Ю. Владимировым, – а в 1931 г. по причинам, далёким от искусства, прекратило своё существование.

***

Хотя большинство сохранившихся произведений чинарей и обэриутов так или иначе уже опубликованы, некоторые стихотворения друзей Хармса и его самого ещё не печатались. Ниже впервые (кроме особо оговоренных случаев) публикуются стихотворения Даниила Хармса, Н.А. Заболоцкого, Н.М. Олейникова, Н.А. Тювелева, а также послесловие К.К. Вагинова к роману «Козлиная песнь». Подробнее об этих текстах – в примечаниях и дополнениях.

Николай Заболоцкий

***

я голого не пью и не люблю
и эту тоже не люблю а знаю
сейчас я ей открою белый рот
и перепонку заведу над жаброй

теперь душа не спи пошто вокруг стола
дымок мой развиваться начинает
а тут во рту в тринадцать молоточков
мир ежедневный запеваает.

12 / IX <1926>

Н.Заболоцкий

После посещения худ. Филонова.

— — —

Стихотворение записано автором на листах с его открытым письмом «Мои возражения А.И. Введенскому, авторитету бессмыслицы», сохранившимся в бумагах Хармса.

После посещения художника Филонова. – Как известно, Н.А. Заболоцкий брал у П.Н. Филонова уроки рисунка. Некоторые рисунки Заболоцкого сохранились, – в частности, карандашный портрет Д. Хармса.

Кроме публикуемого стихотворения нам известно ещё одно двестише-экспромт поэта, сочиненное в 30-е годы:

Деву надо перед тем
Развлекать иным путем.

– Этот экспромт сообщён нам С.В. Поляковой, слышавшей его от автора.

***

В записных книжках Хармса зафиксированы названия ряда не дошедших до нас стихотворений Заболоцкого. Вот некоторые из них (в скобках указывается год сделанной записи):

Морская фула (1926);
«Ночь гремела в бочке, в бочке...» (1926);
Бессмертие (1929);
Песнь Ивана Орехова (1933);
Превращение Агафонова в навоз (1933);
Знахарка (1933);
Облака (1933);
Строитель (1933)...

Кроме того весной 1933 г. Хармс записал несколько фраз из «статьи о литературе» Заболоцкого (вероятно, это «Мысль – Образ – Музыка»), среди которых читаем следующую:

Не ковырай в носу и не вытирай пальцы о галстук.
(Зап. кн. № 25).

Николай Заболоцкий и Евгений Шварц

***

По дороге я бегу
на ногах по сапогу
тут сапог и там сапог
лучше выдумать не мог

Но однако же могу
на ногах по сапогу
не сапожки – чистый хром
лучше выдумать не мом

Но однако же Мому
на ногах по самому
как же сам-то на ногах?
лучше выдумать не мах!

<1930?>

— — —

Стихотворение (список неизвестной рукой) сохранилось в бумагах Хармса. Последняя строка – вместо зачёркнутой:

Вышел чистый тадласах.

Кроме того вариант стихотворения записан самим Хармсом в одной из его тетрадей (запись сделана в первые числа января 1930 г.) под заглавием-пометой «Сочинение Шварца и Заболоцкого» и без деления на строфы. Приводим варианты.

ст. 1: Я бегу бегу бегу
ст. 2: на одной сапог
на другой сапог
ст. 5: Ошибаешься могу
ст. 7: не сапог, а чисты<й> хром
ст. 9: ошибаешься Мому

***

Хочется сказать несколько слов об отношениях Хармса и Евг. Шварца. В декабре 1929 г. Хармс записал по памяти три басни Шварца; одна из них должна была быть опубликована в сборнике обэриутов «Ванна Архимеда» под псев-

донимом *Звенигородский*; эта басня, написанная в 1924 г., была опубликована в 1979 г. («Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. – М.: Искусство, – с. 362). В 1931 г. Хармс резко отрицательно отзываясь о стихах Шварца, а в конце 1932 г., вернувшись из Курска, «предсказывает» Шварцу «будущее» (зап. кн. № 23):

Шварц окончательно сдурет 18 ноября 1931 года.

Д. Хармс.

– Под записью Хармса приписка Шварца:

Хармс гаварит чито я адурел Кокае безарбазие Так-ли этоъ?

Записи скреплены подписью Олейникова:

Волхв

Наконец, в списке знакомых, сделанном Хармсом в июле 1933 г. (зап. кн. № 26) и разделённом на рубрики «С кем я *на ты*» и «С кем я *на ты*», – под второй из них значится единственный персонаж: Е.Л. Шварц.

Николай Олейников

<...>

Публикуемые стихотворения Олейникова сохранились в архиве Хармса (в настоящее время они находятся в РО ИРЛИ)².

---

² См.: Н. Олейников. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000 (Новая Б-ка поэта). С. 86, 87 и 114. – *Примеч. 2007 г.*

Заведующей столом справок. – Машинопись; заглавие и дата вписаны автором. В другой машинописи стихотворение озаглавлено «Ей же» (т.е. Генриетте Давыдовне / Груне). – Ср. подобные варианты заглавий у Олейникова: *Шварцу* («Ты устал от любовных утех...») = *Начальнику отдела; Генриху Левину по поводу влюбления его в Шуручку Любарскую* («Неприятно в океане...») = *Надклассовое послание влюблённому в Шуручку*; ср. также: *Супруге начальника (на рождение девочки)*.

– Публикуемое четверостишие даётся в различных «ходячих» списках как последняя строфа стихотворения 1931 г. «Татьяне Николаевне Глебовой» («Глебова, Татьяна Николаевна! Вы...»); в таком виде оно было опубликовано в кн.: *Олейников Н.М. Стихотворения.* – Бремен; К-Пресс, 1975, – с. 43 (неточный текст).

Деве. – Автор. машинопись.

Бублик. – Автограф.

***

Большинство стихотворений Олейникова вошло в его книгу «Стихотворения» (см. выше) – со множеством, как водится, обесмысливающих текст искажений. Не вошедших в книгу стихотворений известно сравнительно мало, – в частности, следующий фрагмент (или законченное четверостишие?):

Из трубы ползёт мохнатый дым.
Роет яму подхалим.
Может выроет, а может быть и нет.
Всё равно на свете счастья нет.

(Четверостишие сообщено нам по памяти А.И. Вагиновой в 1982 году)³.

Название четырёх не дошедших до нас стихотворений Олейникова приводятся в зап. книжках Хармса (записи 1933 г.):

Кузнечик (возможно, это известнейшее «Служение науке?»);

Чарльз Дарвин и Спичка (возможно, следует читать «и *Синичка*»? – тогда это тоже известное стихотворение «Чарльз Дарвин, известный учёный...»);

Неожиданное происшествие;

Требуха.

Следует также сказать, что цикл стихотворений «В картинной галерее (Мысли об искусстве)», хотя и был опубликован сыном поэта («Вопросы литературы», 1970, № 7), тем не менее Олейникову не принадлежит. Закрывающее цикл четверостишие «У одного портрета» записано Хармсом в виде басни *Звенигородского* (см. прим. к стих. «По дороге я бегу...», – с. 106) и, таким образом, принадлежит Шварцу; кроме того стихотворения названного цикла сильно отличаются от всех остальных стихотворений Олейникова...⁴

---

³ Подлинный текст четверостишия – там же, с. 93. – *Примеч. 2007 г.*

⁴ См., однако, возражения сына поэта, там же, с. 244–245. – *Примеч. 2007 г.*

Никандр Тювелев

Жалобная книга

Вы ходите теперь не те
как я в солдатской красоте.
Чтоб разум лазил на скалу
и руки нёс ружьём
чтоб небо слышало хвалу
и голос нёс ружьём.

Ходил прямо
за это
мотал божественно руками
за это
имел дело с богами
а не со свиньёй
за это

***

У двадцать первого прошу
кусочек власти
и не краснею и не дрожу
стою как вкопанный у Насти.
Сегодня ты заря
но ясен мне твой чрев
и Власть движений
за Это жил я нараспев
и нёс 20 сражений

меня учителя воды
кормили красной размазнёй
а ученики утюгами
[однажды длинную весной
сидели мы на Каме]

<1931–1933?>

***

<1931–1933?>

— — —

Единственное известное к настоящему времени стихотворение Никандра Тювелева «Молитва перед Торговкой» было опубликовано в «Транспонансе» (№ 17, с. 93 – 94) по беловому автографу поэта. Указание, что это стихотворение было *переписано Даниилом Хармсом* (там же, с. 96), ошибочно. – Случайно или нет, но почерки Тювелева и Хармса удивительно схожи. Надо также учесть, что, переписывая для Хармса своё стихотворение, Тювелев, вероятно, вольно или невольно подражал так называемым «каллиграммам» Хармса, выполненным в то же время, – в частности, я имею в виду автограф Хармса «На сиянии дня месяца июня...». Кроме того естественно для гостя, но никак не для хозяина указывать под текстом место записи стихотворения (под текстом «Молитвы...» указан адрес Хармса).

Черновые автографы двух публикуемых стихотворений Тювелева также сохранились среди бумаг Хармса. Хотя оба стихотворения не окончены, однако они представляют некоторый интерес, тем более что эти наброски и «Молитва перед Торговкой» – всё, что осталось из произведений Никандра Андреевича Тювелева, дружившего

с Хармсом (и отчасти ему подражавшего)⁵ и, возможно, принимавшего участие в обэриутских выступлениях, – так, например, Тювелев упоминается в списках Хармса «Силы к вечеру Обэриутов» (зап. кн. № 19, конц 1929 г.) и «С кем я на ты»...

***

Жалобная книга. – Приводим выборочно наиболее интересные зачёркнутые варианты:

ст. 2: Кадушку Власти

ст. 5 – 6: Учитель ты или заря
я некогда свистел

после ст. 7: зря зря!

ст. 10 – 11: меня учителя небес
кормили размазнёй и Анатолием
и Бедным
тот город был как лес

«*Вы ходите теперь не те...*» – На одном листе с предыдущем, – возможно, второй вариант.

---

⁵ О Тювелеве (в связи с Хармсом) кое-что говорится в воспоминаниях Г. Гора «Замедление времени»; Тювелеву было адресовано письмо Хармса (опубликовано А. Александровым в «Лит. газете», – 1973, № 31, 1 авг.), датированное: «25 сентября и октября 1933 года».

Константин Вагинов
Второе послесловие

Я лежу на постели в комнате, выходящей ротондой на улицу. У дивана, на полу и на стульях и на столе лежат всякие листки, так вокруг ствола дерева осенью лежат листья, но эти листья не похожи на жёлтые широкие листья дуба, на узорные листья клёна, на круглые листья липы, дело в том, что они не упали, что между мной и листьями не порвана связь, они остались на ветвях, одни из них свернулись в трубочку, другие сломались или прилипли.

Всматриваюсь в листья: это совсем не листья, это крышки от папиросных коробок, это вырванные листки из записных книжек, это обложки книг, все они покрыты моим почерком. Я вижу, они увеличиваются в объёме, становятся прозрачными, растворяются в воздухе, и нет комнаты, в которой я лежу.

А солнце всё склоняется, и уже ложатся вечерние тени, и уже зелень кажется более темной, чем утром, и вспоминаю другой день, когда в полдень стало темно, как сейчас, и, добежав до Бельведера, по пути срывая цветы, мы увидели, как блеснул солнечный луч, как осветил он подножие дерева, а затем озарил всю поляну и, поднимаясь, позолотил листву. И по блестящей траве, следя за появляющимися бабочками, мы направились к башне. Тогда я не был Тептёлкиным, неизвестным поэтом, философом, Костей Ротиковым, Мишей Котиковым, тогда я был одним лицом, цельным и неделимым. Тогда я ещё не рассыпался на отдельных людей, и тогда страшный свет я чувствовал в себе, и, собственно, не мы, я один шёл

по всем этим дорогам, но затем произошло неожиданное дробление.

И снова белая ночь, как в прекраснейшие дни моей жизни, и снова мне хочется видеть только тихие здания столицы, только бесподобную голубую Неву, чувствовать окрестности, наполненные кентаврами, и стоять на мостах в окружении звёзд.

Но вышел ли я окончательно из книги, освободился ли я от моих героев, изгнал ли я их в мир, потусторонний по отношению ко мне, что станет со мной, если я действительно изгоню, может быть появится пустота, огромное ничто, и в эту пустоту бросятся другие существа, не менее печальные, и в ней поселятся?

1927 г.

— — —

Роман «Козлиная песнь» кончался *Послесловием* (с. 194–195), однако в собственном экземпляре книги Вагинов, внося в текст романа мелкие поправки и уточнения, сильно переработал его и изменил заголовок *Послесловие* на *Первое послесловие*, а на следующую пустую страницу (196-ю) вписал публикуемое выше *Второе послесловие*. Позже, однако, перерабатывая роман для не увидевшего свет второго издания, автор отменил оба послесловия, заклеив их. Изучая работу автора над романом, я расклеил эти страницы и, таким образом, обнаружил новый текст Вагинова. – Понятно, впрочем, почему Вагинов отказался от *Второго послесловия*: тема, возникшая в последнем его абзаце, нашла своё блестящее разрешение во втором романе, «Трудах и днях Свистонова»...

Даниил Хармс

<...>

В ближайших номерах «Транспонанса» будет продолжена публикация произведений Хармса.

Март 1984

Даниил Хармс в трёх неосуществлённых изданиях

1) СБОРНИК «ВАННА АРХИМЕДА»

Заболоцкий. – II беседа.
«Ночь гремела в бочке в бочке...»
Падение Петровой.
Бессмертие.
Хармс. – Троекратное опис<ание> светила.
Елизавета Бам.
Полёт в небеса.
Искушение.
Скупость.
Тюльпанов среди хореев.
Введенский. – Ответ Богов.
Безумные звери.
Две птички, горе, лев и ночь.
Стариковская ночь.
Олейников. – Карась.
«Ты устал от любовных утех...»
Звенигородский. – «Один развратник...»
«У одн<ого> прекр<асного> портрета...» Бегство.

— — —

Оглавление сборника занесено Хармсом в его записную книжку № 19; запись сделана в последние числа декабря 1929 или первые числа января 1930 года. Любопытно, что под этим же названием весной 1929 г. затевался другой сборник – с участием молодых формалистов и обэриу-

тов (о нём кое-что сообщает Л.Я. Гинзбург в своей книге *О старом и новом.* – Л., 1982, с. 339), план которого также занесён Хармсом в ту же записную книжку. Приводим этот план:

Стихи

1. Заболоцкий.	}	2 листа
2. Введенский.		
3. Хармс.		
4. Хлебников.		
5. Тихонов.		

Пьесы

«Елизавета Бам»	1 лист

Проза

1. Каверин. $\frac{3}{4}$	}	3 $\frac{1}{2}$ <листа>
2. Введенский. $\frac{3}{4}$		
3. Добычин.		
4. Хармс.		
5. Тынянов.		
6. Шкловский.		
7. Олеша.		

Критика

1. Степанов.	}
2. Гофман.	
3. Гинзбург.	
4. Бухштаб.	

- 5. Коварский.
- 6. Шкловский.
- 7. Тынянов.
- 8. Эйхенбаум.

II) ПРОЕКТ АЛЬМАНАХА «АТОМ»

- 1. Предисловие.
- 2. Объявления.
- 3. Уголовная хроника.
- 4. Наши предшественники.
- 5. Летопись мировых открытий в искусстве.
- 6. Стихи.
  - а) Влаколай Трехар. Опыты атомистической поэзии.
  - б) Эраст Дезидератов. Меланхолические экспромты.
  - в) Образцы мировой поэзии обэриутов: Хармс, Введенский.
  - г) Кручёных и окрестности.
- 7. Образцы атомистической прозы.
- 8. Мартиролог великого презрения.
- 9. Научный отдел (теоретические заметки и полемика)
  - а) Биография поэта Антона Лотова.
  - б) Жизнеописание одного старого прохвоста.
  - в) О пространстве и синтаксисе.
  - г) Поэзия и не поэзия.
  - д) Основы разложения слова (атомизм).
  - е) Афоризмы (атомистическая мораль, атомистическая философия и вообще).
- 10. Похвала лингвистам-атомистам – Роману Алягрову и Евгению Поливанову.

— — —

Программа альманаха «Атом» (Москва, 1930 г.) особенно интересен тем, что здесь должны были встретиться произведения футуристов (Кручёных) и обэриутов (Хармс и Введенский), их преемников. Альманах «Атом» был задуман в связи с планировавшимся Арагоном французско-советским сборником сюрреалистов (куда также должны были входить стихотворения Кручёных и обэриутов).

4. *Наши предшественники.* – Коллективная декларация поэтов-атомистов (опубликована: *Транспонанс*, № 24, 2 с. обл.).

6-б) *Эраст Дезидератов* – пародийный псевдоним поэта Н.О. Никодимова, одно из стихотворений которого напечатано в № 22 *Транспонанса* же; см. о нём также в кн.: *Стихи для верблюдов / только для гурмонов*, 1985.

Проект альманаха «Атом» любезно предоставлен в наше распоряжение одним из его участников (см. разделы 7 и 9) – Н.И. Харджиевым.

III) <Даниил Хармс>. ПРОСПЕКТ

Журнал «Тапир» основан Даниилом Ивановичем Хармсом. Сотрудничать в журнале может всякий человек, достигший совершеннолетия, но право приёма или отклонения материалов принадлежит всецело одному Даниилу Ивановичу Хармсу. Сотрудничать в журнале могут также и покойники, из коих главными и почетными будут

- 1) Козьма Петрович Прутков и
- 2) Густав Мейринк.

В журнале «Тапир» не допускаются вещи содержания

- 1) антирелигиозного
- 2) либерального
- 3) антиалкогольного
- 4) политического
- 5) сатирического
- 6) пародийного.

Желающим сотрудничать в «Тапире» следует запомнить, что каждая вещь должна удовлетворять шести условиям запрещения и быть такой величины, чтобы умещалась на двух столбцах одной журнальной страницы. Выбор страницы производится Д.И. Хармсом.

Оплата:

I) проза: за 1 стран<ицу> – 1 руб., за 1 колонку – 50 коп., за ¼ кол<онки> – 25 коп.

II) стихи: 2 коп. за строчку.

Журнал из помещения квартиры Д.И. Хармса не выносится.

За прочтение номера «Тапира» читатель платит Д.И. Хармсу 5 копеек. Деньги поступают в кассу Д.И. Хармса. Об этих деньгах Д.И. Хармс никому отчёта не отдаёт.

За Д.И. Хармсом сохраняется право повышения и понижения гонорара за принятые в журнал вещи, а также повышение и понижение платы за прочтение номера, но с условием, что всякое такое повышение или понижение будет оговорено в номере предыдущем.

Желающие могут заказать Д.И. Хармсу копию с «Тапира». I-ая коп<ия> с одного № стоит 100 руб., II-ая коп<ия> – 150, III – 175, IV – 200 и т.д.

— — —

Перспект составлен Хармсом приблизительно в 1935–1936 (не ранее мая 1935 г.). Возможно, что задуманный и неосуществленный журнал впоследствии изменил своё название (на рукописи рассказа «Судьба жены профессора», написанного 21 августа 1936 года есть загадочная пометка: «Для “Татарки”»). Одновременно с *Перспектом* (первоначальное название: *Передовица*) Хармсом для журнала «Тапир» написаны: «Статья» (на том же листе), заметка без заглавия «Хотим предложить разделить все произведения искусства на два лагеря...», неоконченная заметка эпиграмматического характера «О наших гостях» (и её предварительный набросок «Возражение Тапира...»).

О названии журнала. Тапир – одно из самых грациозных и загадочных животных, обозначающий у древних майя планету Марс в её земной ипостаси, – изображён Хармсом в правом нижнем поле герба Ордена равновесия с небольшой погрешностью (ок. 1940 г.). Ср. также знаменитые строки Введенского:

Как жуир спешит тапир
на земли последний пир.

(«Мир»)

...копию с «Тапира». – Имеются в виду рукописные (в прямом смысле слова) копии, т.е. переписанные от руки экземпляры журнала, – отсюда и возрастающая цена копий.

Март 1985

Письмо другу, жительствовавшему в Китайске

Дорогой далёкий друг!

Давненько не брал я пера в руки и не сообщал ничего тебе о местного значения событиях литературных, коих к сему дню накопилось, однако, трое. Все они состоялись в описанном¹ (я не боюсь этого слова) подвале, где свои сборы устраивает по своему обыкновению известный тебе клуб, гордо назвавшийся ТОЛК-81; все они заключались в демонстрации вышесказанному клубу своих литературных сил гостями, в оный клуб для того призванными. Иными словами высказываясь, это были чтения литераторов, нарочито для своих чтений в подвал сказанный привлечённых.

Первое чтение было произведено четырьмя ленинградскими поэтами 19 декабря 1984 года. Выступали Тамара Буковская, Александр Альтшулер, Владимир Ханан и Владимир Эрль. Читали они в сказанном порядке, если не считать того, что последний из названных по окончании Альтшулером чтения прочёл его же – иные, им не прочитанные, – произведения, а перед всем чтением всеобщим ещё и своё вступительное слово произнёс, по бумажке его прочтя. Зал, надо заметить тебе, до отказа наполнен собравшеюся публикою был. Однако! –

Читали все четверо, как заметил в числе слушателей бывший И.В. Бахтерев, весьма посредственно, хотя, как некоторые другие сказывали, Эрлем весьма достойно стихотворения в прозе Альтшулеровы продекламированы были.

---

¹ Уже многими!

Тамара Буковская, вечер открывшая, прочитала около двадцати коротких стихотворений за время краткое – не более чем за четверть часа. Альтшулер Александр прочёл дюжину стихотворений (одно из коих – «Была семья как будто племя...» – во всемирно известном Транспонансе [№ 21, с. 57] опубликовано было), читая их весьма наступившему на нас времени неадекватно. Эрль прочёл его пять стихотворений в прозе (две строки из одного из них – «Кто знает, кончится ли эта жуткая жизнь? Этот кошмар, недомолвки, стены» – весьма в пандан, как показалось мне, месту чтения были) и просто стихотворение (про Аушенбаха, там же [с. 70 – 71] опубликованное). Ханан читал также не более двадцати колов времени – читал спокойно, уверенно, ясно и чётко (что также И.В. Бахтеревым отмечено было). Владимир Эрль прочёл пять опубликованных давно уже стихотворений и два стихотворения в прозе.² Окончив чтение, он пустил по рядам бумажку со следующим текстом: «Папа просил передать вам всем, что театр закрывается. Конез»; бумажку эту, однако, ловко перехватил Б.И. Иванов (председатель ТОЛКА-81), так что ознакомиться с нею успели немногие. Жаль, конечно, да что поделаешь. На этом вечер, продолжавшийся чуть немногим более часа, и закончился.

Второе чтение производили на следующий день трое московских авторов: В. Ерофеев, Д.А. Пригов и В. Сорокин. Было объявлено, что читать они будут прозу, т.е. выступят в виде московских прозаиков. За за икающегося Сорокина

---

² Из них «Полуоткрытое окно...» – в Транспонансе (№ 15, с. 74) и «А. Введенский (птица)» – там же (№ 5, с. 40 – 41).

рассказы из его книги «Первый субботник» читал Пригов. Рассказы занудные и тупоумные, хотя хорошо стилистически выдержанные. Для чего они написаны – осталось тщательной загадкой. Затем читал знаменитый Д.А. Пригов, который, хотя и заявил, что выступит в качестве прозаика, выступил, напротив того, в качестве поэта. Лучшее из им прочитанного – сборник «Махроть всяя Руси», наиболее интересный не стихотворениями, как можно было бы ожидать, а прозаическими вставками, доходящими порою до сладостной зауми. О рассказах автора «МетрОполя» и «Вопросы лит-ры» Вик. Ерофеева говорить вообще не хочется. Разумеется, он, *каки* всякий другой гражданин лит. мира, имеет право вышивать гладью или болгарским крестом, – пожалуйста! Пусть продолжает...

Этот вечер имел, между нами говоря, продолжение (следующим вечером, уже на частной квартире), где были прочитаны иные рассказы Сорокина (из той же всё книги) и многие как стихотворные, так и прозаические книги Пригова. Ерофеев отсутствовал. Впечатление осталось такое же, *каки* накануне. Замечательно хороша оказалась «издательская аннотация» к книге Сорокина. – «Как жаль, – подумалось мне, – что он написал ещё и все эти рассказы... Как жаль, как бесконечно жаль!..»

Третий вечер состоялся недели две-три спустя, уже в этом году, и состоял из одного Льва Рубинштейна, который ознакомил публику с восемью своими сочинениями, написанными в 1983 – 1984 годах. Наиболее цельными из них оказалась «Элегия». – Хочется отметить, что в произведениях Рубинштейна наметился определённый сдвиг

в сторону (пользу?) беллетристичности, что, как я уже сказал, хочется отметить и, возможно, поприветствовать, стоя на другом берегу.

Вот, дорогой мой друг, и всё, что я на этот раз сообщаю тебе. Пиши и ты мне о том, что слышал, что прочитал, что подумал.

Остаюсь всецело твой
А.М. Хаарец

P.S. Прибавляю к письму текст «предуведомления» Вл. Эрля к чтению ленинградских поэтов и одно стихотворение Тамары Буковской, на этом же чтении прочитанное. Надеюсь, что и то и другое тебе понравится. Списал я их тщательно и точно.

А.Х.

P.P.S. Я тут много думал про Пригова и вот что в результате получилось:

Лежит Даная
вся нагая
раскинулась от края и до края
ах Россия, моя дорогая!

А.

владимир эрль

Вступительное слово на вечере четырёх поэтов

(19 / XII 1984, 20^{оо}, П. Лаврова, 5, подвал)

Сегодня перед вами выступят с чтением своих стихотворений четыре автора. Я считаю, что нет нужды представлять каждого из нас, поскольку наши имена, надеюсь, не есть новость в литературном мире.

С другой стороны, можно представить или, говоря другими словами, вообразить нас четверых как одно целое, т.е. одно единогоглавое лицо. Таковое лицо могло бы сказать о себе примерно следующее:

Я родился 27 сентября (по новому стилю) 1823 года на одной из окраин Петербурга. Пишу я довольно давно и в разных жанрах. Достаточно сказать, что, если бы сегодняшнее моё выступление состоялось в феврале 1986 года, оно совпало бы со столетним юбилеем моей литературной деятельности и, между прочим, со столетием со дня рождения Алексея Елисеевича Кручёных, как это ни странно. Откинув назад указанные годы, почтенная публика легко может представить себе, в какой обстановке начинался мой творческий путь и какие выдающиеся деятели культуры и науки были его свидетелями... Остальное, как говорится, скажут мои произведения. – «Без всяких предисловий читаю».

С третьей стороны, вероятно, часть собравшихся может, вполне вероятно, и не знать – либо одного из нас, либо, не исключено, двух, либо, увы, даже трёх; наконец, что нам, заметим в скобках, крайне прискормно, и всех нас четырёх...

Что ж! в конце концов, вас много, а мы одни. Поэтому я всё же очень кратко представляю вам каждого из выступающих.

Тамара Буковская – родилась под знаком Рыб, она автор пяти книг стихотворений и нескольких статей; печатается – более-менее постоянно – с 1965 года. Она прочтёт стихотворения последних лет.

Александр Альтшулер – родился под знаком Весов. Поскольку он как самостоятельный автор выступает перед публикой впервые за последние двадцать лет, он прочтёт стихотворения 1960 – 1984 годов. В дополнение к авторскому чтению вы услышите также несколько его стихотворений в прозе и одно из позднейших стихотворений, которые прочту я.

Владимир Ханан – родился под знаком Тельца. Автор четырёх книг стихотворений и одной книги избранного; печатается с 1972 года. О том, что он прочтёт, будет сказано им самим перед началом его выступления.

И, наконец, Владимир Эрль (– это я). Родился также под знаком Тельца; автор двух книг, включающих наряду со стихотворениями драматические произведения, ряд рассказов, две повести, сравнительно обширный роман и несколько статей и заметок. Печатается с 1965 года. Кроме указанного ему принадлежит длинный ряд текстологических и редакторских трудов, часть которых увидела перед собой свет.

Итак, – выступает Тамара Буковская...

Тамара Буковская

***

Под звуки музыки военной
мучительно и постепенно
мы будем умирать, друзья.
Издохнуть можно, жить нельзя
под звуки музыки военной.
Мучительно и постепенно.

Октябрь 1980

Апрель 1985

Выступление на Хлебниковской конференции

Я хотел бы сказать: если, скажем, Атлантида ещё не разыскана и даже её существование представляется отчасти предположительным (хотя – для кого как), то существование шести крупных материков не отрицается, как будто, никем.

Продолжая эту аллегория, хочется задать вопрос: почему такой крупный *поэтический* материк, как Алексей Елисеевич Кручёных, упорно и, я бы даже сказал, всемерно замалчивается? – в частности, и на этой конференции!

Отрадно при этом добавить, что выставка, посвящённая Велимиру Хлебникову, примерно на треть обращена и к Кручёныху. Таким образом, можно считать, что столетие друга, соавтора и издателя Хлебникова (21 февраля / нового стиля/) также было отмечено.

19 марта 1986

Речь при получении премии имени Андрея Белого

Факт присуждения мне премии им. Андрея Белого вызывает у меня невеселое недоумение.

Двадцать три года я пишу стихи и написал их свыше четырёхсот; почти столько же времени я пишу и прозу, которой написано тоже немало. Не мне оценивать свои сочинения, – впрочем, я считаю, некоторые (по крайней мере!) из них многим из ныне здравствующих литераторов не дают и не будут давать спокойно спать.

С первых же своих литературных шагов я начал и, так сказать, исследовательскую работу: собирание, редактирование и т.п. чужих произведений. Работал я примерно с полусотней (это как минимум) авторов, – от незначительных соприкосновений с некоторыми современниками до нескольких (более десяти) подготовленных к печати Собраний произведений (в том числе и своего собственного). К настоящему времени мной написаны сотни страниц примечаний, статей и мелких заметок.

Таким образом, я одновременно и поэт, и прозаик, и критик, и редактор, и комментатор, и, наконец, текстолог.

Вернёмся, однако, к моему недоумению.

Названные выше премия присуждена мне как текстологу. Не берусь судить, какая из областей моей литературной деятельности наиболее значима, – со стороны виднее... Замечу только, что премируемая область должна быть наиболее противна тем, кто её же премирует (всем хорошо известна деятельность «часовщиков», не умеющих даже правильно пронумеровать листы своего органа!); с другой

стороны, эта моя деятельность наименее известна, – точнее сказать, известна скорее понаслышке (три вышедших тома Хармса да предполагаемое – верно предполагаемое! – участие в двухтомном собрании Введенского). Практически известно, пожалуй, только одно их последних изданий: сборник «Памяти Леонида Аронсона». Итого: названная премия присуждается мне, можно сказать, как легендарной личности, что я, таковою на самом деле являясь, снисходительно одобряю.

Забавно также, что премия *им. Андрея Белого* присуждается *текстологу* (Подчёркнуто мною, – В.Э.). Здесь я вижу Хеленуктический перст судьбы, который яростно приветствую. В связи с этим я хотел бы привести две замечательные цитаты, которыми и закончу своё выступление:

«В популяционной генетике термин “эпистаз” используется в более широком смысле для всех неаллельных взаимодействий между генами разных локусов. Примерами проявления эпистаза могут служить скрещивания кур доминантной и рецессивной окраски, а также скрещивания лошадей *серой* и *рыжей* масти. В результате эпистаза во второй генерации наблюдаются другие классы расщепления вместо типичных для дегибридного расщепления 9:3:3:1» (Завертяев Б.П. Краткий словарь селекционно-генетических терминов в животноводстве. М.: Россельхозиздат, 1983, с. 106. – Курсив мой, – В.Э.).

«**Тератология** – наука, изучающая уродства. Тератология животных исследует отклонения от нормального типа организма, обусловленные главным образом нарушениями зародышевого развития. Современная тератология исследует причины и механизмы возникновения

наследственных и ненаследственных врождённых патологических состояний и пороков развития. Её основная задача – предотвращение появления у животных врождённых пороков развития» (Там же, с. 94).

Спасибо за внимание. Где расписаться?

Май 1986

К 20-летию развития Хеленуктизма в России
Дм. М. Три поэмы
Публикация и вступительная заметка
Владимира Эрля

Литературная деятельность поэта, прозаика, драматурга и полемиста Дм. М.¹ (р. 1946) длилась, начиная с 1961 года, неполных шестнадцать лет.

В октябре 1966 г. Дм. М. вместе с автором этих строк написал *Вступительную статью Хеленуктов*, ставшую краеугольным документом движения Хеленуктизма в России. Это движение привлекло в себя ещё нескольких человек, – назову хотя бы двух из них: поэтов ВНЕ и Александра Миронова.

Годы спустя судьба развела участников группы по различающимся углам, однако (кроме, может быть, отчасти, пожалуй, А. Миронова) все они сохранили верность прежним, – плодотворным и животворящим – идеям.

Исключение (впрочем, подтверждающее, как это часто бывает, правило) – Дм. М., в 1976 году решительно порвавший с литературным творчеством. Более того, он категорично возражает на все предложения ограниченной, если так можно выразиться, публикации своих произведений.

С одной стороны, однако, ряд произведений Дм. М. был создан им в порыве совместного творчества с соавторами, кои (не произведения, разумеется, а авторы, – я, в частности) публикуют их среди собственных

---

¹ Дм. М. – постоянная авторская подпись Дмитрия Борисовича М***.

сочинений и при этом глубоко правы. С другой стороны, – в-третьих, несколько стихотворений Дм. М. были опубликованы автором в альманахе поэтов Малой Садовой *Fioretti* (СПб., 1965) и в рукописном сборнике *Чёрный холм* (Л., 1966); во-вторых, подборка стихотворений и поэма *Полифем* были переданы им же К. Кузьминскому и напечатаны последним в его антологии (полутом 4А, представляющий лучших ленинградских поэтов); во-первых, многие произведения были предоставлены опять-таки им же опять-таки мне же для публикации в Хеленуктическом *Альманахе 'Могучей Кучки'* (составленном мною при участии Дм. М. и А. Миронова в 1971 году)²; наконец, несмотря или смотря на вышеизложенное, многие страницы Дм. М. были и остаются фактом литературы и, на мой взгляд, исторгнуты из неё быть не могут.

Исходя из вышесказанного (и написанного), я принимаю на себя всю ответственность перед автором за нижеследующую публикацию и становлюсь, таким образом, ясное дело, в положение, так сказать, Макса Брода и отчасти, может быть, даже Л.Н. Черткова...

---

² *Альманах* готовится (в переработанном и дополненном виде) к изданию в приложении к *МЖ*. – В этом томе осмысленный читатель будет подробно ознакамливаться с произведениями как Хеленуктов, так и примыкающей к ним сферы лиц.

***

Полифем и неоконченные, к сожалению, *Луды* составляют первые две части триптиха *Корни* (третья часть – *Штукатуры* – осталась неначатой). При публикации тесты подвергались незначительному редактированию (устранена некоторая небрежность в пунктуации).

Ноябрь 1986

К 20-летию развития Хеленуктизма в России

Дм. М. Буффон

Трагедия

Краткая справка о Дм. М., принадлежащая нашему перу, была опубликована в 11-м номере МЖ. Напомним невнимательному читателю, что персонажи публикуемой ниже трагедии появлялись снова в поэме *Пуды*.

Ноябрь 1986

К 20-летию развития Хеленуктизма в России
ВНЕ. Рассказы и повести

ВНЕ – литературный псевдоним Виктора Алексеевича Немтинова (р. 15 марта 1947 г.), человека трудной судьбы.

В первую очередь, конечно, ВНЕ – поэт, однако, надо заметить, начинал он как музыкант, а к литературному творчеству (в коем проявил себя во всех манифестациях) обратился только в 1966 году.

ВНЕ известен также как рисовальщик и замечательный фотограф; несколько лет он работал помощником оператора на к/студии «Ленфильм» (в частности, в съёмочной группе Динары Асановой).

Отдельные стихотворения ВНЕ неоднократно публиковались журналом «Транспонанс»; наименее же для него характерные включены в печально известную антологию «Острова».

Сейчас ВНЕ выступает перед нами в качестве рассказчика и повествователя; как поэт и полемист он будет обширно представлен в Хеленуктическом *Альманахе 'Могучей Кучки'*, готовящемся под моей редакцией к выходу в приложении к МЖ.

СЕРЕНАДА.

Апрель 1987

Беккет

... Брат, что толку от похода?
Меня не пустит к мытарствам сейчас
Господня птица...

Данте

Поднялся, отряхнулся, вспомнил из
Беккета и подумал о себе в третьем лице.

Л. Богданов

...душа моя рванулась к нему, не оставляя
за собой уже ничего...

Сэмюэль Беккет

22 декабря на 84-м году жизни скончался Беккет. Умер последний величайший писатель XX века.

Теперь и он, и тот англичанин, и тот флорентиец, и наш (Богданов) – вместе уже навсегда.

Больше мне сказать нечего.

<5.02.1990>

Коротко об авторе

Владимир Ибрагимович Эрль родился в Ленинграде в 1947 году. Подобно многим ровесникам и коллегам по перу работал библиотекарем, инструктором пожарной охраны, киоскером «Союзпечати», лаборантом, оператором газовой котельной, сторожем... С пятнадцати лет пишет как стихами, так и прозой; не чуждается, так оказать, и драматургии. Помимо собственно сочинений (среди которых можно назвать и переводы, – в частности, из Кафки и Беккета) Владимиру Эрлю принадлежит также ряд статей, заметок и комментариев, посвященных творчеству таких авторов, как Даниил Хармс, Конст. Вагинов, Леонид Аронзон, Л. Богданов и некоторых других. Многие произведения этих писателей под редакцией Вл. Эрля были опубликованы либо готовятся к публикации.

Начинал Владимир Эрль вместе с так называемыми *поэтами Малой Садовой*, среди которых в первую очередь следует назвать А. Ника, Романа Белоусова, Тамару Буковскую, Евгения Вензеля, Андрея Гайворонского, Александра Миронова и Александра же Шейдина. В 1966 году вместе с несколькими единомышленниками по творчеству Владимир Эрль основал литературно-эстетическую школу Хеленуктизма. В группу Хеленуктов *Могучая кучка*, просуществовавшую до 1971 года, входили, между прочим, Дм. М, А. Миронов и В. Немтинов; членом-корреспондентом группы некоторое время был и А. Хвостенко...

Сочинения Владимира Эрля (во всех жанрах) публиковались, начиная с 1965 года, в следующих малотиражных

(в основном) и малодоступных изданиях Новодвинска и Вены, Екатеринбурга и Ленинграда, Москвы и Ньютонавилла, Парижа и Санкт-Петербурга, Тамбова и Франкфурта-на-Майне: *Аврора*, *Аполлонъ-77*, *Венский славистический альманах*, *Вестник новой литературы*, *Вечерний Ленинград*, *ДиМ*, *Комсомольское знамя*, *Кredo*, *Лабиринт/Эксцентр*, *Марсельские матросы 2*, *Митин журнал*, *Народный учитель*, *Невское время*, *Нива*, *Обводный канал*, *Равноденствие*, *Северная Гилея*, *Северная почта*, *Смена*, *Собеседник*, *Стихи для Верблюдов*, *Стрелец*, *Сфинксы*, *Транспонанс*, *Фиоретти*, *Час пик*, *Часы*, *Человек и природа*, *Через*, *Черновик* и других. Кроме того они же (сочинения) включались в антологии *Живое зеркало* (1974), *Лепрозорий-23* (1976), *Лепта* (1975), *Острова* (1982) и *У голубой лагуны* (том 4А, 1983).

В 1986 году Владимиру Эрлю была присуждена (одновременно с Леоном Богдановым) премия им. Андрея Белого, а в 1991 году Академия Зауми удостоила его международной Отметинной им. Давида Бурлюка.

В заключение приведем два (насколько нам известно, единственных) высказывания Владимира Эрля о собственном творчестве:

Тщательность – сестра абсурда (1969);

Каждое слово стихотворения (или прозы) должно быть точным. Однако «неточное» слово придает иногда тексту ещё большую точность. То же можно сказать и о «чистоте жанра». Наверное, именно поэтому я предпочитаю в творчестве эклектику... (1989).

***

Книга избранных стихотворений *Трава, Трава* (составленная автором в 1974 году и доработанная в 1989) – вторая русскоязычная книга Владимира Эрля.

Февраль 1990

От составителя

Леонид Аронзон родился в Ленинграде 24 марта 1939 года, в 1963 году окончил педагогический институт им. Герцена, почти пять лет преподавал в вечерних школах русский язык и литературу. Написал около десяти сценариев научно-популярных фильмов. В ноябре 1958 года женился на Рите Моисеевне Пуришинской, которой посвящена практически вся его лирика... 13 октября 1970 года Аронзона не стало.

При жизни его стихотворения, если не считать нескольких, написанных для детей не печатались; публикации (в основном зарубежные и неофициальные) начали появляться с 1976 года. В 1979 году в приложении к рукописному журналу «Часы» опубликовано его «Избранное», составленное Еленой Шварц, которое с незначительными изменениями было переиздано в 1985 году в Иерусалиме.

Каждый крупный поэт создаёт (*воссоздаёт*) свой особый мир, в котором – в идеале – может прожить всю свою жизнь некий отдельно взятый читатель. Такой мир был создан и Леонидом Аронзоном. Добавлю, что среди имён Станислава Красовицкого, Роальда Мандельштама, Владимира Уфлянда, Михаила Ерёмкина, Иосифа Бродского, Алексея Хвостенко, Константина Кузьминского, имевших громадное значение для неофициальной или, если угодно, новой русской поэзии, имя Леонида Аронзона особо значимо – по крайней мере для «петербургской школы».

Аронзон писал стихи с детства. В самом начале 60-х годов он некоторое время общался с Бродским и его друзьями – Бобышевым и Найманом. При этом надо помнить,

что Аронзон был скорее их антиподом, чем союзником по творчеству: уже в этот, ранний период он практически вплотную приблизился к основным темам своего уникального творчества...

В эту книгу вошли главные и, на мой взгляд, лучшие произведения поэта. За её пределами остались – помимо значительного числа стихотворений – небольшие поэмы, проза, драматургические опыты. Надеюсь, что в недалеком будущем читатель сможет познакомиться с достаточно представительным томом сочинений Леонида Аронзона, составленным и прокомментированным также автором этих строк.

Апрель-май 1990

Даниил Хармс о Сталине

Публикация Вл.Эрля

У дурака из воротника его рубашки торчала шея, а на шее голова. Голова была когда-то коротко подстрижена. Теперь волосы отросли щёткой. Дурак много о чём-то говорил. Его никто не слушал. Все думали: «когда он замолчит и уйдёт?» Но дурак, ничего не замечая, продолжал говорить и хохотать.

Наконец, Ёлбов не выдержал и, подойдя к дураку, сказал коротко и свирепо: «Сию же минуту убирайся вон!» Дурак растерянно смотрел вокруг, не соображая что происходит. Ёлбов двинул дурака по уху. Дурак вылетел из кресла и повалился на пол. Ёлбов поддал его ногой, и дурак, вылетев из дверей, скатился с лестницы.

***

Так бывает в жизни: дурак дураком, а ещё чего-то хочет выразить. По морде таких. Да, по морде!

Куда бы я ни посмотрел, всюду эта дурацкая рожа арестанта. Хорошо бы сапогом по этой морде.

<Август 1934>

Даниил Хармс никогда не обращался в своём творчестве к политическим темам, справедливо считая подобный род литературы низким. И всё же... Как человек, живущий в определённое (ему) время, Хармс, разумеется, «откликнулся» на происходящие вокруг (него) события. Только что (17 августа) открылся первый съезд советских писателей, и Хармс пишет знаменитый рассказ «об Ольге Форш

и Алексею Толстом»¹, а спустя несколько дней – короткий «физиологический очерк»:

Как известно, у Безыменского очень тупое рыло.

Вот однажды Безыменский стукнулся своим рылом о табурет.

*После этого рыло поэта Безыменского пришло в полную негодность.*²

Вернёмся, однако, к публикуемому рассказу. Имя тов. Сталина не встречается ни в прозе, ни в записных книжках, ни в дневниках Хармса. Но чья же ещё «дурацкая рожа арестанта» (с дополнением: «всюду»!) может иметься в виду?

Письма и пожелания можно присылать.

Все три обсуждаемых рассказа записаны автором в одной из записных книжек (№ 31, – частн. собрание). К теме публикуемого рассказа своеобразно относятся также наброски о 56-летию идиота Редькина (написаны предположительно в конце 1935 года) и более поздние «Воспоминания одного мудрого старика».

Эх, написал бы ещё, да пишущая машинка вдру

Июль 1990

---

¹ Впервые в СССР опубликовано в газете «Литератор» (Л., 1990, № 13, 20 апреля).

² Митин журнал. № 7 (1986, январь–февраль). С. 244.

Леон Богданов

Ленинградский художник и прозаик Леон Леонидович Богданов родился 25 декабря 1942 года в Куйбышеве (в эвакуации); вся его жизнь прошла в Ленинграде.

Как всякое уникальное явление, и живопись, и графика, и проза Эллика (домашнее имя) Богданова вызывали в среде художников и литераторов либо ярое неприятие, либо безусловное восхищение. Несомненное влияние творчество (и личность!) Богданова оказали на автора этих строк и Бориса Ванталова.

Прозу Л. Богданова можно сравнивать и с «Опавшими листьями» Розанова, и с «Тетрадиями» Поля Валери, однако имя Беккета было для него еще более значимо. Более того, я считаю, что Богданова можно смело назвать русским Беккетом.

В основном проза Богданова печаталась в журнале «Часы»; другие публикации – в «Транспонансе» (1985), «Митином журнале» (1987 и 1989) и 4А томе антологии Кузьминского «У Голубой лагуны» (1983).

25 февраля 1987 года Л. Богданов скоропостижно (разрыв сердца) скончался.

***

Несколько слов о публикуемом тексте. «Проблески мысли...» под заглавием «Заметки о чаепитии и землетрясениях» (предложенном редакторами «Часов») были частично – примерно две трети – опубликованы «Часами» и отмечены в мае 1986 года премией имени Андрея Белого. «Проблески...» писались с конца 1983 по февраль 1987

года (последняя запись сделана автором буквально за день до смерти) и начинаются словами «Искусство Кореи...» (см. с. 25). Я дополняю «Проблески...» предшествующими им фрагментами 1981(?) года, «Красными карточками» (с. 6-13) и отрывками «И оказывающийся едущим на автобусе...» и «Когда понимаешь, что уже и не остаётся...» (с. 13–24). Бóльшая часть названных текстов открывает первую тетрадь рукописи. Отмечу, что подобным же образом (т.е. с добавлением более ранних фрагментов) была в своё время построена книга Богданова «1974 год».

Что можно добавить? «Проблески...» значительно отличаются от предыдущих сочинений как объёмом, так и особой плотностью и предельной откровенностью письма. Возможно, предчувствуя эту, новую для себя манеру, Л. Богданов писал (в 1974 году): «Еще когда я был молод..., я собирался написать всего пять или шесть рассказов. Давно уже я сказал себе, что достаточно будет одного». Я думаю, что «Проблески...» – это и есть тот *один* (рассказ)...

***

В заключение хочется привести небольшое стихотворение Л. Богданова, написанное, вероятно, в 1979 году. Это стихотворение, на мой взгляд, может служить гораздо лучшим предисловием к его прозе, чем любое другое вступление.

В первый день листопада,
первый   «п о к а»
позабыл: о себе, о себе,
обо всём...

наблюдая, как падают листья,
их «короткой дороги»,
их «плаванье» «с» ветки на землю...
целый день я «имею возможность» следить.

«Я» весь день – в «оппадающих листьях».

Декабрь 1990 – январь 1991

Замечательный новогодний подарок

получили от Пушкинского фонда неформальные литераторы Москвы и Ленинградца. Пушкинский фонд (Всесоюзный гуманитарный фонд имени А.С. Пушкина) решил ежегодно выдавать что-то вроде единовременной стипендии лауреатам премии имени Андрея Белого. Этой премией – также ежегодно – независимая комиссия, непосредственно связанная с самиздатским журналом «Часы» (Ленинград), награждает трёх человек – одного поэта, одного прозаика и одного критика (или философа, или культуролога). Премия была утверждена в 1978 году; к настоящему времени её лауреатами стало около тридцати человек. Среди них такие известные лица, как поэты Иван Жданов, Виктор Кривулин, Александр Миронов и Елена Шварц, прозаики Андрей Битов, Саша Соколов и Евгений Харитонов, музыковед Ефим Барбан, философ и искусствовед Борис Гройс и китаевед Владимир Малявин. Премия имени Андрея Белого состоит из диплома, одного рубля и стакана водки (т.е. «белого»). Вручение премии чаще всего происходило либо на частных квартирах, либо в помещении печально известного «Клуба-81». Получив диплом (и рубль, конечно) и выпив водку, новоиспеченный лауреат произносил небольшую речь (ориентируясь, разумеется, на будущую Нобелевскую лекцию) или читал что-либо из своих произведений...

28 декабря 1990 года в зале ДК пищевиков состоялось вручение стипендий Пушкинского фонда девяти лауреатам. Стипендию (в сумме одной тысячи рублей) получили московские поэты Геннадий Айги, Владимир Алейников и Ольга Седакова и шестеро ленинградцев:

прозаики Василий Аксенов (младший) и Борис Кудряков, культуролог и бессменный редактор журнала «Часы» Борис Иванов, искусствовед Юрий Новиков, а также поэт, прозаик и текстолог Владимир Эрль. Особо следует сказать ещё об одной стипендии – её вручили вдове замечательного ленинградского художника и прозаика Леона Леонидовича Богданова (1942–1987).

Вручение стипендий (заснятое, кстати, телеоператорами «Пятого колеса» ЛТ) проходило в теплой дружественной обстановке, ставшей ещё более дружественной и ещё более теплой в своей второй, неофициальной части.

В.Р.

Январь 1991

Л. Богданов. Из ранней прозы

Леон Леонидович Богданов (1942–1987), один из лучших ленинградских художников и прозаиков, писал прозу на протяжении по меньшей мере двадцати пяти лет. Как я уже писал, проза Эллика (домашнее имя, образованное, как представляется, из его инициалов) либо безоговорочно восхищала, либо вызывала полное неприятие.

Если прозу Богданова 60-х годов можно сравнивать с «Опавшими листьями» Розанова (а лучше – с «Тетрадами» Поля Валери), то его сочинения позднейшего времени – от «Шести писем» (1973) до «Проблесков мысли и еще чего-то» (1981–1987) – всё больше сближают Богданова с Беккетом. Замечу в скобках, что Богданов высоко ценил и Розанова, и Беккета, но оставался, разумеется, явлением уникальным – и как человек, и как писатель.

Начиная с 1976 года проза Л. Богданова стала появляться в самиздатских журналах и сборниках: в «Лепрозории-23» (СПб., 1976), «Часах» (№№ 16, 23, 39, 55, 58 и 70), «Транспонансе» (№№ 26 и 27, – пиратская публикация), «Митином журнале» (№№ 13 и 28)... В 1983 году К. Кузьминский включил небольшую книгу Богданова («Окно, открытое вовнутрь», 1970) в том 4А своей знаменитой антологии «У голубой лагуны»; в 1991 году проза Богданова была наконец опубликована и на родине – в практически одновременно вышедших «Вестнике новой литературы» (№ 3) и «Лабиринте/Эксцентре» (№ 1). К сожалению, автор так и не узнал о своей зарубежной пу-

бликации, а в обоих отечественных обнаружались некоторые погрешности...

В заключение хотелось бы выразить надежду, что проза Богданова будет приходить к читателям не только фрагментарными журнальными публикациями, но будет издана и в максимально полном объёме.

Ноябрь 1991

У книжного прилавка

Книгоиздательское предприятие
с неограниченной ответственностью
ОМЕГА-ФЛЮС предлагает впервые
изданные на русском языке книги:

Эсхил. Горби на Форосе (новонайденная трагедия великого драматурга).

Оноре де Растиньяк. Как закалялась госпожа де Сталь (мемуары дипломата).

Впервые по авторской рукописи:

А.С. Грибоедов. Горе от ума, чести и совести нашей эпохи.

Следите за рекламой. Условия заказов будут опубликованы в ближайших номерах

Ноябрь 1991

Поэтика чтения как театральный жест

Любое действие, вынесенное на сцену, является (или, по крайней мере, выглядит) театральным (или, опять-таки, театрализованным) действием (жестом). Разумеется, чтение со сцены почти всегда было (помимо собственно семантической или информационной значимости) таким же театральным или, хотя бы, театрализованным поступком (жестом).

С другой стороны, современное искусство (не только, заметим, авангардное) всё более тяготеет к лаконичности, краткости и, наконец, к «молчанию и умолчанию и отсутствию звука».

Поэтому, наверное, моё чтение со сцены (а точнее – *на сцене*) может быть соотнесено и с поэтическим, и с театральным действием...

Июнь 1993

10 × 10? (Сто тридцать дней спустя)

Наиболее интересными днями Русско-французских поэтических встреч мне кажутся *первый* (своей торжественностью и чинностью), *третий* (представивший несколько не заявленных в программе русских артистов) и *заключительный* (перешедший, наконец-то, в замечательный неофициальный «междусобойчик»). Французская сторона блистала выступлениями Фредерик Гета-Ливиани и Стефана Берара; русская же *отличилась* провальными чтениями Валерия Галечьяна, Дмитрия Голынка и Владислава Ланнэ...

Лучшими услышанными и увиденными произведениями мне представляются «Писмедлительность» Оливье Девера, фрагмент «Рассказов из жизни Микеланджело Меризи...» Арно Лабель-Рожу, «Поэзия...» Жана-Франсуа Бори, «Терраса» Жан-Жака Витона, стихотворение Толстого, посвященное Эммануэлю Понсару, перформанс Галины Блейх, чтения Василия Кондратьева (замечательного, между прочим, переводчика как названных, так и всех остальных французских текстов!), Александра Скидана и Константина Митейёва, а также выступление Виктора Сосноры в заключительный день Встреч.

Добавлю в заключение, что все участники Встреч были награждены Толстым *боевыми медалями* «За заслуги»; удостоен награды был и я, поскольку (хотя и сверх программы) тоже принимал в них (Встречах) участие...

P.S. Прошло вот уже четыре месяца, а самым обаятельным и значительным французским автором – не в обиду очаровательной Фредерик! – мне всё больше и больше кажется Оливье Девер.

Сентябрь 1993

Вместо предисловия (Дополнение)

Алексей Хвостенко – великий поэт
нашего времени.

Анри Волохонский

Когда мы говорим о ком-нибудь: «легендарное имя», «легендарная личность», это чаще всего значит, что все мы знаем (знали) его либо лично, либо понаслышке. В сущности же мы таким образом даём полную волю своей лени и нелюбопытству.

Разумеется, Алексей Хвостенко – личность легендарная. Все знают его как автора и исполнителя «песен Хвоста»; у всех на слуху его знаменитая песня «Над небом голубым...», многие знают его диски – лондонский «Прощание со степью» и совместный с АукцЫоном «Чайник вина». В нескольких статьях и интервью, появившихся в петербургских газетах в 1992 году, мы читали о выставках Хвостенко-художника. Впрочем, о его парижской жизни вы прочтёте и в публикуемой ниже беседе. Добавлю, что Алексей Хвостенко – вице-президент Ассоциации русских художников и поэтов в Париже (президент Ассоциации – прозаик и искусствовед Вадим Нечаев, тоже бывший ленинградец).

Жаль, что не все знают, что Хвостенко замечательный поэт. Любопытно, что в 1962 году в одном из «клеветонов» упоминались три вредных «непризнанных гения»: первым было названо имя Хвостенко, вторым – Леонида Ентина, третьим – Бродского. Не правда ли, интересный рейтинг?

Стихотворения Хвостенко украшают страницы многих изданий русского Зарубежья – они печатались (кроме журнала «Эхо») в альманахе «Аполлонь-77», практически во всех выпусках «Мулеты» и, разумеется, в знаменитой антологии К.К. Кузьминского «У Голубой лагуны»... С 1984 по 1991 гг. в Париже вышли пять книг стихотворений Хвостенко (две из них – совместно с Анри Волохонским, его постоянным соавтором), а две его пьесы шли в Соединенных Штатах («Запасной выход», 1979) и Швеции («Эффект Робинзона Крузо», 1982). Тем не менее, к сожалению, на родине поэт Алексей Хвостенко известен очень мало: всего пять публикаций, две из которых – в самиздатском журнале «Часы», а петербургская «Смена» в своей престижной рубрике «Поздние петербуржцы» напечатала не стихотворения, а песни...

Я имел честь и удовольствие готовить вместе с Алексеем Хвостенко его первую на родине книгу, вышедшую в серии «Поэтическая лестница», издаваемой издательством «Новый город» (ранее в этой серии вышли книги Евг. Вензеля, А. Шельваха, Александра Миронова, В. Белкова, Бориса Ванталова и вашего покорного слуги). Книга иллюстрирована автором, большая половина стихотворений видит свет впервые.

Вот, пожалуй, и всё, что я хотел сообщить о своём друге и учителе – поэте Алексее Хвостенко.

Февраль 1995

Рисунки русских писателей *Вечно живое наследие: О Хеленуктах*

...Поэт волею или неволею должен быть педантом или Кесарем: писать комментарии на самого себя и на свои дела.

кн. П.А. Вяземский

Несколько поэтов, завсегдаев знаменитой Малой Садовой¹ ощущая творческую и человеческую друг к другу близость, решили наконец узаконить, так сказать, свои отношения и основать *особую* литературную группу. В сентябре 1966 года было изобретено (мною) слово «Хеленуктизм» (слово это я расшифровывать не стану, скажу только, что образовано оно было путём довольно хитроумного анаграммирования), а участники группы стали называться Хеленуктами. Была написана и «Вступительная статейка Хеленуктов» – своеобразный манифест группы.

Первоначально Хеленуктов было трое – Дм.М., Александр Миронов и пишущий эти строки. Немного позже Хеленуктами стали также Виктор Немтинов (ВНЕ), всеми нами любимый Алексей **Хвостенко** (Анри Волохонский, впрочем, от титула уклонился) и ещё два человека, никак себя (по крайней мере, литературно) не проявивших.

Все Хеленукты работали почти во всех жанрах (стихотворения, поэмы, драматические сочинения, проза, литературная критика), однако излюбленными (и, по-моему,

---

¹ Сообществу Малой Садовой как культурно-социальному феномену 1960–1970-х годов должно быть (и, разумеется, будет) посвящено специальное исследование.

наиболее характерными для Хеленуктизма) жанрами были коллективное творчество² и Хеленуктическая полемика.

Возможно, читатель увидит в Хеленуктических писаниях отзвуки чинарей и обэриутов, но при этом окажется не совсем прав: дело в том, что Хеленукты, к сожалению, с опозданием смогли ознакомиться с произведениями Хармса и Введенского; доступными к 1966 году стали только «Стихотворения и поэмы» Заболоцкого, вышедшие в большой серии «Библиотеки поэта». Хеленукты, так сказать, во многом «изобретали велосипед», идя более или менее от тех же истоков, что и чинари (обэриуты). С другой стороны, Хеленукты – в отличие от чинарей – были более ориентированы на англо- и немецкоязычный авангард («новую венскую школу», «лирику модерн», театр абсурда и т.д.). Впрочем, внимательный читатель сам легко обнаружит эти отличия.

Любопытно, замечу в скобках, что незадолго до своего отъезда Сергей Довлатов прочитал свод стихотворений и прозы Хармса и сказал мне, что «обэриуты открыли свой особый путь, и этот путь в ближайшие же годы станет едва ли не магистральным путём русской литературы»...

Однако вернёмся к Хеленуктам. Кроме собственно литературы Хеленукты занимались рисованием, производили нечто вроде хэппенингов или перформансов. В 1972–1974 годах Дм.М. отправил мне целую серию пи-

---

² В сравнительно полном объёме оно представлено в моей книге, вышедшей в издательстве В.А. Немтинова «Призма-15» (Владимир Эрль. Хеленуктизм (Книга Хеленуктизм): Стихи, драматедии, полемика. СПб., 1993). Книгу украшают не только фотографии и рисунки, но и – по примеру Крученых – произведения других Хеленуков. Не вошедшая в «Книгу Хеленуктизм» проза всё ещё ждёт своего часа.

сем (около шестидесяти), которые можно смело считать предтечей мэйл-арта. Предвосхищен был также и «ирфаеризм» Сергея Сигея и Б. Констриктора (моя так называемая *документальная повесть* «В поисках за утраченным Хейфом», 1966–1970³). Некоторые произведения Хеленуктов (в основном прозаические) предугадывают, на мой взгляд, и некоторые характерные особенности развитого концептуализма...

Хотя к 1972 году по целому ряду причин группа Хеленуктов своё существование как единое целое прекратила, мне представляется, что Хеленуктическое творчество, в отличие от многих иных литературных явлений, ничуть не устаревает, оставаясь *живым*.

Немного об основных участниках группы.

Дм. М. – постоянная (сокращённая) авторская подпись Дмитрия Борисовича Макринова (р. 1946). Дм.М. активно писал с 1964 по 1976 годы и, конечно же, был ключевой фигурой Хеленуктического движения. Однако в 1976 году он полностью и бесповоротно оставил творческую деятельность, а спустя два года поступил в Духовную Академию и позже принял постриг. К сожалению, его православное самосознание стало необъяснимым образом сочетаться с ярко (и яро) выражаемыми национальными интересами... Тем не менее его произведения Хеленуктического периода остаются по-прежнему привлекательными. Часть их публиковалась в антологии К.К. Кузьминского «У Голубой

---

³ Владимир Эрль. В поисках за утраченным Хейфом. СПб.: Митин журнал, 19999 [sic!]. См. рецензию А. Скидана (Новая русская книга. 2000, № 3(4), с. 23–25). – *Примеч. 2002 г.*

лагуны» (т. 4А) и в «Митином журнале» (№№ 11–12, 1986). Рисунки Дм. М. (немногочисленные, чаще всего цветными карандашами) подкупают своим простодушием. О «мэйл-артах» Дм. М. сказано выше.

Александр Николаевич Миронов (р. 1948) – как будто, один из самых значительных поэтов Петербурга. Его стихотворения публиковались в машинописных ленинградских журналах «37», «Северная почта», «Часы», «Обводный канал», парижских «Эхо» и «Беседа»; большие подборки печатались в журнале «Октябрь» (1991, № 4) и антологии В.Л. Топорова «Поздние петербуржцы» (СПб., 1995). В апреле 1994 года в издательстве «Призма-15» вышла (подготовленная мною) его первая книга «Метафизические радости»⁴. Несомненно, А. Миронов – самый талантливый художник среди Хеленуктов. Кроме рисунков ему принадлежат работы и в другой технике – монотипии, коллажи, фроттажи и т.д.

Виктор Алексеевич Немтинов (р. 1947; авторская подпись – *ВНЕ*) начал заниматься литературным творчеством в конце 1966 года, а рисовать годом позже; и то, и другое по семейным обстоятельствам было практически прекращено в начале 1970-х гг. В настоящее время занимается издательским бизнесом, обозначая себя Главным редактором издательства «Новый город»⁵ (бывшая «Призма-15»).

---

⁴ В августе этого года вышла его вторая книга: А. Миронов. Избранное / Стихотворения и поэмы. 1964–2000. СПб.: ИНАПРЕСС, 2002. 384 с. – *Примеч. 2002 г.*

⁵ В этом издательстве в 1995 году вышли ещё три книги, которые так же необходимо назвать: Алексей Хвостенко. Продолжение (июнь; опять же моими стараниями), С. Кекова. Стихи о пространстве и времени (декабрь) и Владимир Эрль. Трава, Трава (тогда же).

Ряд сочинений ВНЕ был опубликован в нескольких номерах журнала «Транспонанс» и в «Митином журнале» (№ 13, 1987). Большинство рисунков ВНЕ тяготеет к жанру карикатуры.

Наконец, о себе. **Владимир Ибрагимович Эрль** родился в 1947 году под знаком Тельца. Пишет с 1963 года, печатается с 1965-го. Автор трёх книг, известен также как критик и текстолог. Опубликованный в «Книге Хеленуктизма» рисунок (с. [69], сверху) – один из наиболее ценных самим автором.

Большая часть рисунков Хеленуктов к настоящему времени разошлась по частным и иным коллекциям и стала, к сожалению, труднодоступной. Однако и сохранившаяся в моём распоряжении их часть хорошо дополняет наши литературные труды. Впрочем это, вероятно, можно сказать и о рисунках большинства писателей.

Рисунки Хеленуктов – как простодушные, так и профессиональные (прошу прощения за непрошеную оценку) – видели в своё время многие. Могу похвастаться, что мои и Миронова рисунки с интересом рассматривала Герта Михайловна Неменова, хвалил Всеволод Николаевич Петров, *не ругал* Николай Иванович Харджиев, а к одному моему рисунку Крученых, хмыкнув, приписал трехстрочный экспромт...

Апрель-май 1993; декабрь 1997
Статьи для энциклопедического словаря

Поэты Малой Садовой (1964 – середина 1970-х)

Поэтическим объединением, в строгом смысле слова, дружеский круг постоянных посетителей кафетерия от елисеевского магазина на Малой Садовой, конечно, не являлся. Термином *поэты Малой Садовой* в настоящее время принято называть только сравнительно небольшой круг юных друзей-литераторов, появившихся на Малой Садовой летом 1964 г. – А. Гайворонского, Вл. Эрля, Т. Буковскую (в то время Аллу Дин), Р. Белоусова, Дм. Макринова, Н. Николаева, чуть позже к ним присоединившегося А. Миронова и (жившего неподалеку, на углу Инженерной и Садовой) Е. Вензеля. Почти все они родились в 1947 году (старше на год был Макринов, младше – Миронов). Вслед за ними на Малой Садовой начали постоянно бывать и их друзья, – в первую очередь должны быть названы А. Прокофьев, Е. Деавари-бек, С. Дорофеев, Б. Аракчеев, И. Черняк, Е. Британишский, В. Петрунин, Н. Лысенков, П. Брандт, братья Вадим и Сергей Танчики, Ю. Ярмолинский и В. Немтинов. Однако еще задолго до их появления завсегдатаями кафетерия уже были как более старшие, так и относительно ровесники – поэты Гнор (собств. Б. Виленчик), Мирон Саламандра, Михаил Юпп, Евгений Звягин, Олег Ниворожкин, Александр Шейдин, А. Фенёв, художники В. Лисунов, Ю. Иванов, М. Копылков, В. Овчинников, а также замечательно начитанные в вопросах религии, эзотерики и философии А. Чурилин, В. Монтлевич, В. Басманов, К.П. Вовк, А.Л. Баранников, В. Хейф и В. Богуславский. Позже, к концу 1960-х гг. на Малой Садовой начали постоянно бывать А. Козырев, С. Николаев, двоюродные братья

Николай и Борис Аксельроды (А. Ник и Б. Ванталов) и их приятели, фотографы Б. Кудряков и Б. Смелов.

Изредка на Малой Садовой бывали Л. Аронзон, А. Альшулер, Л. Ентин, Л. Васильев, В. Ширали, В. Кривулин, К. Кузьминский, Б. Куприянов, Георгий («Герасим») Григорьев, М. Шемякин, заглядывали (в начале 1970-х) И. Бродский, В. Марамзин, М. Мейлах...

В конце 1964 г. поэты Малой Садовой выступали в герценовском институте и в Мухинском училище; весной 1965 г. по инициативе и стараниями А.С. Чурилина часть «кофейного общества» собрала и подготовила альманах «*Fioretti*»; осенью 1966 г. в недрах Малой Садовой возникла группа *Хеленуктов*.

В целом общее количество так или иначе знакомых между собой по Малой Садовой за все время ее существования достигало (по разным подсчетам) от двухсот до трехсот человек. Возможность и практика свободного обсуждения философских, религиозных, литературных, эстетических и художественных вопросов составляло то общее, что сближало и роднило всех (за немногими исключениями) завсегдаев Малой Садовой. Это единство поэтов Малой Садовой сохранилось на долгие годы и отмечалось слушателями их позднейших выступлений в ДК Железнодорожников (дек. 1998), Музее-квартире Ф.М. Достоевского (май 1999), Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме (ноябрь 1999) и Музее-квартире А.С. Пушкина (янв. 2001).

Разумеется, не все посетители Малой Садовой занимались творчеством; многие были только благодарными слушателями или зрителями, иногда просто приятными

собеседниками. Однако фактически все они тоже должны быть названы поэтами Малой Садовой, – ведь «все они красавцы... все они поэты»...

Лит.:

У Голубой лагуны, 4 А. 1983.

Савицкий С. Хеленукты в театре повседневности: Ленинград. Вторая половина 60-х годов // НЛЮ. № 30 (1998).

Топоров В. Двойное дно: Признания скандалиста. М.: Захаров, АСТ, 1999.

Вольтская Т. Поэты Малой Садовой // Невское время. 1999, 1 дек. С.3. *Гайворонский А.* Поэты Малой Садовой // Ленинград. 70-е в лицах и личностях ([СПб., 2000]).

Июнь–июль 2001

Статьи для энциклопедического словаря
Верпа (литературная группа)

Группа представляла собою творческий дуумвират А. Волохонского и А. Хвостенко, возникший в 1963/1964 г. Тесно были связаны и сотрудничали с Верпой И. Стеблин-Каменский, Л. Ентин, Ю. Галёцкий, К. Унксова и некоторые другие писатели и художники. В предисловии к «Верпаузе для математиков» (1985) А.Хвостенко писал: «Верпа – крайне заносчивая муза. Первоначально она была *Верпом* – маленьким якорем, с помощью которого выводили в море большие корабли. *Верп* мог быть и камнем. Из камня он превратился в Камену. Верпа выводит в поэтическое море корабли, на которых в былые времена никто и не помыслил бы пуститься в плавание. Новая муза родилась на берегах Невы в начале 60-х годов. Автор присутствовал при ее появлении на свет и при ее первых шагах в свете. Позже им был основан Институт Верпы. Муза присматривалась к деятельности адептов свысока и предпочитала, вместо отведенного ей академического кресла, шляться со всякого рода повесами по кабакам. Меньше всего в то время она благоволила собственно поэтам...» (предисловие приведено полностью). Строго говоря, верпианское творчество представлено только самим Хвостенко (см. его библиографию), героической драмой Верпы «Буденный» (опубликована в «Аполлоне-77») А. Волохонского и их совместными пьесами (не изданы).

Лит.:

Вл. Эрль. А. Хвостенко [Вступ. заметка] // Часы. № 8 (1977). С. 184–185

А. Хвостенко. Верпауза для математиков // Мулета Б [Вып. 2]: Семейный альбом. Париж, 1985. С. 279–294

Вл. Эрль. Вместо предисловия // *иностранец*: Еженедельная газета. М., 1995. № 9(83), 15 марта. С. 30

А. Хвостенко. Приговор Верпы // *А. Хвостенко.* Страна Деталия. СПб.: Красный матрос, 2000. С. 4

Л. Ентин. Послесловие [к 6-му сб. Верпы] // *А. Хвостенко.* Институт Верпы: Верпования. N.Y.: Джульетта и духи, 2000 [с. нenum.]

Июль 2001

Статьи для энциклопедического словаря

**Транспонанс: Журнал теории и практики
(Ейск–Ленинград. Январь 1979 – весна 1987)**

Подзаголовок номеров 2–10: *Журнал теории и практики дилетантизма*. Тираж – 5 экз. Журнал издавался супругами Сергеем Сигеем (собств. Сигóвым) и Ры Никоновой (собств. Анной Тárшис); оба – художники, поэты и теоретики. Журнал трижды менял формат: первые десять номеров «Транспонанса» – в половинном формате машинописного листа, номера 11–27 – квадратного формата (по ширине машинописного листа), номера 28–36 также квадратного формата, но с треугольной вкладкой увеличенного формата.

Кроме собственных произведений редакторы охотно предоставляли свои страницы ленинградским и московским литераторам, так или иначе связанных с авангардом. В «Транспонансе» печатались ленинградцы Б. Констриктор (он же Б. Ванталов, – собств. Б. Аксельрод), И. Бахтерев, Вл. Эрль, А. Ник, Б. Кудряков, К. Унксова, А. Альтшулер, В. Немтинов, Аркель (собств. Вад. Максимов), москвичи Д.А. Пригов, Л. Рубинштейн, Г. Сапгир, А. Альчук, А. Монастырский, К. Звездочетов, С. Гундлах, Слава Лен и многие другие. Т.Л. Никольская опубликовала неизданные стихотворения Юрия Марра, Ольги Розановой и А. Николева [Егунова]), а Вл. Эрль – обширную подборку «Вокруг Хармса». Постоянный контакт с журналом поддерживал Н.И. Харджиев, предоставлявший «Транспонансу» материалы из своего собрания (ст-ния

Василиска Гнедова, Бориса Эндера, Казимира Малевича и А. Крученых, – в том числе его «Игру в аду», поэму вторую [1940]), а также собственные стихотворения.

«Транспонанс» в каждом номере живо откликался на текущую литературную и художественную жизнь обеих столиц – тем более, что и Сигей, и Ры Никонова участвовали во всех выставках ТЭЭИ. Обложки журнала (и иллюстрации к нему) делали по просьбе Сигея Владимир Уфлянд, Анатолий Васильев, Глеб Богомолов и другие художники.

В приложении к «Транспонансу» вышла книга: *Вл.Эрль. Книга Кинга* и другие стихотворения / ИллюстроСиг [ил. С.Сигея]. [Л.; Ейск]: «Транспонанс»/Тапир, 1981. – 62 с., 7 л. ил., 1 л. портр.

В 1983 вторым изданием вышли №№ 1 и 2 «Транспонанса» (в № 1 – содержание №№ 2–16).

Полный комплект журнала – Бремен (№№ 1–10 и с 12-го по 27 – в ф. 37; остальные №№ – в других фондах). Отдельные номера – в частн. собраниях.

Лит.:

А. Фомин, Т. Чудиновская. Архив ретро-футуризма: Обзор журнала «Транспонанс» № 25 // Часы. № 54 (1985). С. 251–270

Июль 2001

Статьи для энциклопедического словаря
Хеленукты [Могучая Кучка]
(литературная группа; 1965–1970/71).

Группа возникла в начале сентября 1966 г. по инициативе Вл. Эрля и Дм. Макринова. Тогда же Эрлем был изобретен термин *Хеленукт* (по ряду соображений, этот титул и производные от него, – например, *Хеленуктический*, – пишутся с прописной буквы и принципиально не расшифровываются). Группу в основном составляли поэты Малой Садовой и их окружение. С группой были творчески и дружески связаны Л. Аронзон, Л. Богданов, А. Волохонский, Ю. Галёцкий, Л. Ентин, позже – С. Ник (С. Николаев), К. Кузьминский и А. Ник (Н. Аксельрод). Эпизодически сотрудничали с Хеленуктами и некоторые другие литераторы (в частности, О. Охапкин). Постоянным оппонентом группы выступал Н.И. Николаев. Титул *Хеленукт*, однако, кроме Вл. Эрля и Дм. Макринова носили только пятеро: А. Миронов, Наталия Федючек (в 1967–1969 гг. жена Вл. Эрля), С.А. Дорофеев, А. Хвостенко и В. Немтинов (ВНЕ). Своеобразным манифестом группы стала «Вступительная статейка Хеленуктов», датированная 16 сентября 1966 г., за подписью Вл. Эрля и Дм. Макринова. Манифест начинается словами: «Сим торжественно заявляем, что мы <...> Хеленуктами сделались», а завершается пассажем: «Лучше нас никого нет, да и вообще никого нет. <...> Хеленукты – бравые молодцы, а все остальные – паршивые огурцы!».

Другим теоретическим документом группы должно считать датированную 24 декабря 1967 г. вступительную

статью к 1-му выпуску неосуществленного «Альманаха Могучей Кучки» за подписью А. Миронова и Вл. Эрля. В нем, в частности, говорилось: «На берегу Невы произросла и образовалась новая литературная сила, спаянная коллективом молодых, но талантливых творческих интеллигентов. Возникнув из традиций классики и русской старины и принимая во внимание опыт реального искусства, это единение выдающихся представителей литературы занимается всевозможными ее отраслями: музыкой, живописью, архитектурой, керамикой, деревянным зодчеством, психологией, философией, земледелием и разведением живности...».

В литературном творчестве и в манере публичного поведения группа исповедовала эстетику абсурда, временами сближаясь с обэриутами, наследие которых стало предметом их пристального внимания. В основе литературного метода лежало сочетание несовместимых речевых оборотов – возвышенных фраз и намеренного просторечья, канцелярских штампов и *обосцненной* лексики (термин Вл. Эрля), обыгрывание расхожих словесных клише, пародирование общеизвестных литературных произведений. Многие стихи и пьесы были написаны членами группы совместно. «Абсурдизм Хеленуктического творчества отличался вовлеченностью в нелепо-комическую традицию, стихию языковых игр и декларативным инфантилизмом, парадоксальным образом основываясь на православном вероисповедании и понимании художественной практики как “Служения искусству” – поклонения артистическому ремеслу» (Савицкий).

К числу образцов творчества членов группы относятся фарс Дм. Макринова и Вл. Эрля «Булка», их мистерия «Голкипер», драматическая поэма А. Миронова, Вл. Эрля, В. Немтинова и Л. Ентина «Случай на охоте», «10 пьес в стиле поп-арт» Вл. Эрля, повести В. Немтинова «Право на дом» и «Насрано!», поэма для зрительного зала «Люксембург» А. Миронова и Вл. Эрля, проза и поэмы Дм. Макринова и другие произведения. Сборники стихов, прозаических миниатюр и коротких пьес (*драмагедий*, по определению Вл. Эрля) членов группы выпускались Вл. Эрлем под маркой домашнего издательства «Польза» и хранятся в его архиве. Три поэмы и драма Дм. Макринова «Буффон», а также рассказы и повести В. Немтинова, к настоящему времени полностью прекративших литературную деятельность, опубликованы Вл. Эрлем в «Митином журнале» (№№ 11, 12 и 13); другие сочинения Хеленуктов вошли в «Книгу Хеленуктизм».

Лит.:

А. Каломиров (В. Кривулин). Двадцать лет новейшей поэзии // Северная почта, № 1/2 (1979).

Вл. Эрль. О Хеленуктах все неточно // Северная почта, № 3 (1979).

В. Лён. Школа стиха «Хеленуктов» // Человек и Природа. 1992, № 3.

Вл. Эрль. Хеленуктизм (Книга Хеленуктизм): Стихи, драмагедии, полемика. СПб.: Призма-15, 1993.

С. Савицкий. Хеленукты в театре повседневности: Ленинград. Вторая половина 60-х годов // НЛО. № 30 (1998).

Июль 2001

Из воспоминаний о Леониде Аронзоне

С Аронзоном я познакомился в начале 65-го года. Потом с ним долго дружил и был все время при нем, хотя в строгом смысле слова учеником его не был. Мы влияли друг на друга и даже строчки друг у друга крали. Аронзон радостно крал и радостно об этом объявлял. У меня же это получалось невольюно.

Мы с Аронзоном сходились на том, что сама стихотворная строка, сам стихотворный слог проявляет смысл того, что сказано. Может быть, даже больше того, что хочется сказать. Для Бродского было важно сказать *что*. Конечно, довести это до виртуозной формы, но все-таки – *что*. Для нас же было главное *как* сказать. В этом смысле подход у Бродского, условно говоря, европейский и упёртый, а для Аронзона и меня ближе было восточное мировоззрение – точнее, дальневосточное (Индия, Япония, Китай). В восточной поэтике есть термин «чхая», который означает недосказанность...

Аронзон рассказывал мне, что именно он познакомил Бродского с «ахматовскими сиротами». То есть Бродский пришел на то место, которое занимал в этом кругу Аронзон. Иосиф (или его друзья?) очень скоро начал вытеснять Леонида из этого круга. Какое-то время он еще пытался писать в том стиле, который был принят в этом «клубе», но уже году в 62-м Аронзон стал «ахматовцам» неинтересен. А в 63-64-м, полностью освободившись от их влияния, он пришел к совершенно другой просодии. Я считаю, что первым стихотворением именно Аронзона как поэта был текст «Послание в лечебницу». Это как бы соревнование

с Бродским. В ту пору пользовалось известностью стихотворение Рубцова: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...». У Бродского тоже был текст «Холмы» («Ты поскачешь во мраке...»). Кто написал первым, я не знаю¹. Аронзон в размере тех же «холмов» написал стихотворение, которое стало манифестацией совершенно другой поэтики.

Он общался со всем нашим кругом [поэтами Малой Садовой]. Но как только мы объявили о создании собственной школы под названием Хеленуктизм, у нас с Аронзоном началась литературная война. Аронзон дразнился, посвящал нам едкие эпиграммы. Мы отвечали тем же. Несмотря на это Леонид был фантастически смешливый человек. Очень наивный – его можно было до бесконечности разыгрывать. Можно было подбить на любую авантюру.

Тем не менее, Аронзон был для нас большим авторитетом. Когда я с ним познакомился, разница в годах казалась чудовищной: мне – 18, ему – 26. Он очень любил брать на себя менторский тон. Это, конечно, выводило меня из себя, и дело частенько доходило почти до драк. Мы сражались на водяных пистолетах. Однажды, зайдя к Аронзону, мы так отделали его квартиру и самого хозяина, что его можно было буквально выжимать.

В то время, когда мы с ним общались (до ссоры в 67-м году), работал он в вечерних школах. Преподавал русский и литературу. Школа для него была каторгой, хотя ученики его очень любили. Причем ему даже повезло, что он попал

---

¹ Стихотворение Н. Рубцова написано в 1963 году (опубл.: Октябрь. 1964. № 8), Бродского – в 1962-м (опубл.: Воздушные пути. Нью-Йорк, 1965. № 4).

в вечернюю (по «пятому пункту» в обычную не взяли), так как общался он с людьми уже достаточно зрелыми, с которыми было о чем поговорить.

Потом писал сценарии для научно-популярных фильмов. Неплохо зарабатывал, на студии его ценили. По нашим меркам его можно было назвать весьма состоятельным.

Тем не менее самоубийство не было для нас совсем уж неожиданным. О суициде он говорил всегда, с первого момента нашего знакомства. Помню, еще в 65-м году он мне сказал: «Володя, ведь понятно, что нам впереди ничего не светит. Пока всё это делается (имея в виду советскую систему), нам все равно не удастся ни напечататься, ни жить по-человечески. Давай напишем коллективное письмо: пускай нас расстреляют к чертовой матери. Всё равно мы будем внутренними врагами до конца своих дней». Некоторое время мы носились с этой идеей, но разговорами всё и кончилось. Хотя вполне могли бы и написать².

Версию о том, что Аронзон стреляться не хотел и это был несчастный случай, я считаю сомнительной³. Ведь он застрелился фактически на глазах у Алика Альтшулера. Последние трое суток они были вдвоем в горах под Ташкентом. И Алик все время следил за Л., чтобы тот с собой что-нибудь не сделал. А Аронзон его постоянно разыгрывал – хватал ружье со стены и выскакивал наружу. Алик за ним – отнимать. В какой-то степени, это была игра.

---

² Ср. запись в дневнике Риты Пуришинской (13 окт. 1966): «Утром и вечером Л. в школе. <...> Говорил, что они с Эрлем напишут письмо, где будут просить, чтобы их расстреляли».

³ О гибели Аронзона см. в: П. Казарновский, И. Кукуй. Вместо предисловия // Л. Аронзон. Собрание произведений в двух томах. СПб., 2006. Т. 1. С. 18–19.

Возможно, Аронзону просто доставляло удовольствие так садистски играть с Аликом. Но однажды Алик не уследил, и раздался выстрел. А когда прибежал, у друга был уже полный живот дробы.

Причины суицида, на мой взгляд, были в большой степени метафизическими. Было в этом поступке что-то кафкианское – Аронзон всю жизнь бредил Кафкой.

Рита очень горевала...

Участвовала в организации вечеров памяти. Много сделала для того, чтобы машинописи Л.А. ходили по рукам. При жизни Аронзона было опубликовано только одно стихотворение, написанное специально для печати, – про строительный кран. И то в газете «Комсомолец Узбекистана». Плюс четыре стишка, написанных для детей. Получались они часто вымученными. (У меня то же самое: если пытаюсь писать по заказу, для заработка, получается настолько безобразно, что любой советский поэт напишет гораздо лучше).

Году в 73-м я начал предметно заниматься его архивом, по сути, заново для себя Аронзона открыл – многие его поздние тексты я только тогда узнал...

Уже в перестроечное время, в 1985 году вышла в Иерусалиме его первая книжка. Рита умерла летом 1983 года – у нее был врожденный порок сердца.

Лето 2001

Кузьминского прописьмо

В наше, тугое на ухо время, письма как таковые всё больше становятся вымирающим жанром. Увы!

Тем более отрадное исключение – эти письма. Их автор – замечательный поэт, критик и неутомимый собиратель, создатель всемирно известной «Антологии новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны» в пяти томах (девяти книгах, 1980–1986).

Кроме острых, сиюминутных наблюдений и точного проникновения в «существо вещей», эти письма являют собой и восхитительную прозу, классический образец которой был предложен ещё в 1916 году:

«Я сейчас ел ножки телячье.

Удивительно трудно приспособиться к счастью, проехавши всю Сибирь.

Всегда завидую телеграфному столбу. Аптека. —

Конечно, многие будут думать, что это абсурд, но напрасно, стоит только зажечь две спички и поставить умывальник».

...Получая очередное письмо, всегда предчувствуешь наслаждение (пусть даже от желания поспорить). Но и споры, – впрочем, не слишком существенные – доставляют радость!

Июнь – июль 2003

Письмо беспартийным московским читателям
Повторяю: *беспартийным!*

Здравствуйте!

Меня зовут Владимир Эрль и я – один из соучастников этого издания.

Мне повезло быть знакомым и дружить с Леонидом Аронзоном, позже с его женой Ритой, а также разбирать творческий архив поэта и готовить его к публикации (к сожалению, очень уж постепенно).

Мне повезло познакомиться с Ильёй Кукуем и Петей Казарновским, с которыми мы не только подготовили «Собрание произведений», но и подружились. А ведь это очень немаловажно!

Теперь вам предстоит ознакоми́ться (как сказал мудрый Петя Перов) с замечательными произведениями одного из лучших петербургских поэтов, а мне остаётся вам завидовать: ведь я-то всё это уже знаю!..

Надеюсь также, что наши примечания приведут вас всех к общему знаменателю и на многое откроют глаза.

Вот, собственно, и всё.

Спасибо за внимание.

<6/7 февраля 2007>

II. Рассказы шестидесятых годов

Карниз¹

Равновесие

он повторил своё провинциальное (ЧИЭЭЙ) и начал: ОБУВАТЬСЯ! это было старательно и выстрадано – но замечали не все : а он старался ещё больше – и всё = ничего не выходило (!) когда=то всё делалось : лучше и значительнее × а теперь × теперь – только и оставалось : старание (-) и опять обернулся + НА КАРНИЗЕ! сидели двое + и пели (ГДЕ НЕОСОЗНАНЫ КАК СТАЯ + ВЫ ПЕЛИ РУКИ УМЫВАЯ + ВЫ ПЕЛИ ИСТИНЫ НЕ ЗНАЯ) так как – поющие были невеселы – то оборотившись × через минуту × опять повторил (ЧИЭЭЙ) + и замолк опять × и с криком = с карниза = с распростёртыми руками (-) второй остался + и покачав в смущении головой + проговорил (О, ДА!) – в то время как : закончил обувание + и снова пропел = почти прошептал × своё провинциальное : :

август 1965

---

¹ (падая + ударяясь) × смеялся = БЛАГОДЕНСТВИЕ ДВУХ ЛУН!

Про то, как Коля Николаев в каше сидел

Рассказ пионера Саши Миронова

Сегодня у нас в лагере сварили кашу. Каша была манной.

После зарядки все пошли в столовую, и только тогда узнали, что на завтрак каша.

Я взял ложку и отковырял маленький кусочек каши. Я сунул её в рот, но сразу же пожалел об этом. Положив ложку на тарелку, я стал смотреть на Колю Николаева. Он сидел спиной к столу и держал за косичку Аню Снегину. Она сидела с открытым ртом и громко кричала.

– Николаев! Перестань безобразничать, – сказал вожатый. – Ты в столовой. Здесь надо кушать.

Николаев быстро повернулся к столу и сунул в рот сразу две ложки каши. После этого он застыл и стал пристально смотреть на жёлтую потёртую клеёнку. Но он жевал кашу и не глотал её. Это я точно знаю.

Искоса я посмотрел на Аню Снегину. Она тоже положила в рот кашу и тоже не стала жевать её. Но она и не сидела молча, как Коля Николаев. Она опять раскрыла рот, да так, что каша чуть не вываливалась из него, и громко закричала. Я очень испугался.

Вожатый строго обернулся и сказал:

– Николаев! Ты опять... – тут он осёкся и удивлённо спросил. – Снегина! Чего ты кричишь? Почему ты кричишь? А ты чего не ешь, Николаев, а?

Но Николаев не отвечал. Его горло как-то странно сокращалось и всхлипывало. Он встал из-за стола и пошёл к двери. Но вожатый обогнал его. Он тоже попробовал кашу..

Тогда я тоже вылез из-за стола и пошёл следом за ними. За мной шло много мальчиков из нашего отряда. Я заметил, что за ними идут мальчики и из других отрядов. Девочки тоже шли. Скоро пошли все.

Я задержался в дверях и оглянулся. На столах белели тарелки и желтели каши. Это было очень красиво.

Я вышел за дверь.

Наш отряд собрался на площадке перед дачей. Вожатый объяснил, что сегодня мы должны убрать территорию особенно чисто. Все принялись за дело. Мы с Колей взяли по метле и начали мести пыль. Пыли было много. Скоро все стали пыльными, а я даже несколько раз чихнул. Пыль лезла в рот.

– Совсем как каша, – сказал Коля.

Я засмеялся, но сразу же перестал, потому что все вокруг замолчали и как-то странно на нас посмотрели, а вожатый нахмурился, и под его загорелой кожей заходили крутые скулы.

Больше никто про кашу не говорил.

Наконец мы убрали территорию. Коля пошёл со мной к столовой. Он сказал:

– А я после завтрака туда заходил. Даже Финик кашу не съел.

– Как?! И Финик?

– Да.

– Враки! Уж Финик-то... Он что хочет съест. Помнишь, он с Мишкой поспорил, что лягушку съест? Только вот вожатый не дал...

– Так то лягушку...

Мы подошли к столовой. Тётя Нюра с Мариной Ивановной вытряхивали из всех тарелок кашу в большой чан.

– А, мальчики! Вот хорошо, что пришли, – закричала тётя Нюра. – Идите-ка сюда!

Мы переступили порог столовой.

– Помогите нам, мальчики, – сказала Марина Ивановна. – Вытряхивайте кашу вот сюда, – и она показала рукой на чан.

Я взял тарелку и потряс её над чаном. Каша не вываливалась. Я потряс тарелку сильнее. Каша не отвалилась, но зато тарелка выскользнула из рук, с громким всплеском упала в чан и сразу же утонула.

Тётя Нюра покачала головой и проговорила:

– А ты её ложкой, ложкой... Вот так.

Я взял ложку и стал отскрѣбывать кашу. Дело пошло лучше. Очень скоро чан наполнился.

– А теперь куда? – спросил я тётю Нюру.

– А вы, мальчики, отнесите её да выкиньте. Знаете, куда? Осилите?

– Ага! – сказали мы с Колей и потащили чан из столовой. Чан был очень тяжёлый, и от него как-то странно пахло.

– Пошли, Коля, прямо тут за забор вытряхнем? – предложил я.

Мы потащили чан к забору.

– Берись с той стороны, – скомандовал Коля.

Мы наклонили чан, и каша потекла под забор. Тарелка всплыла.

– Может, выгащить? – спросил Коля.

Я засмеялся.

Мы ещё шесть раз носили чан и выливали кашу всё там же. Тарелка почему-то всё время оставалась плавать сверху.

А потом мы отдали чан тётё Нюре и пошли строиться к обеду.

Когда мы сели за стол, вожатый сказал нам:

– Помните, друзья: КОГДА Я ЕМ, Я ГЛУХ И НЕМ.

Мы ели борщ. Он был красный и вкусный. Раньше всех борщ съел Финик. Я посмотрел на его пустую тарелку и громко засмеялся.

– Эх, Миронов, Миронов, – сказал вожатый и укоризненно посмотрел мне в глаза.

Я покраснел и быстро доел борщ.

– Это ты от борща такой красный стал? – спросил меня Коля.

Я молча толкнул его локтём в бок, и он поперхнулся.

На второе была котлета.

А потом мы ещё пили кисель с сухарём.

Сегодня наш отряд был дежурным по лагерю. И поэтому после обеда мы не пошли спать, а разошлись по своим постам.

Мы с Колей пошли к флагу и уселись на скамеечку около мачты. Мы сидели там довольно долго и от нечего делать стали смотреть по сторонам.

Вдруг Коля сказал:

– Смотри! – и показал правой рукой налево.

Я посмотрел налево.

Прямо к нам через территорию лагеря шёл милиционер. На его рукавах была каша, а в руках тарелка.

Я испугался, а Коля глупо хихикнул, и я пнул его ногой. Милиционер отдал нам честь, улыбнулся и сказал:

– Будь готов!

Тут мы с Колей вскочили со скамеечки, отдали ему салют и, вытянувшись во весь рост, громко ответили:

– Всегда готов!

Милиционер ещё раз приветливо улыбнулся и направился к дому директора лагеря.

Мы переглянулись.

– Что-то теперь будет! – прошептал Коля.

– Это он из-за каши, – сказал я.

– Сам знаю! – отмахнулся он...

Мы сели и стали смотреть на дом директора.

В доме громко кричали. Милиционер кричал на Анну Андреевну, Анна Андреевна кричала на Елену Андреевну, а Елена Андреевна кричала просто так.

– Зря мы тарелку-то не вытащили, – сказал Коля.

– Сам бы и тащил!

Коля замолчал.

В это время из дома показалась подтянутая фигура милиционера. За ним шли Анна Андреевна и наш врач Елена Андреевна.

Мы спрятались друг за друга.

Анна Андреевна решительно пошла прямо к нам.

– Ребята, – строго сказала она, – кто сегодня дежурил в столовой?

– Не знаю, – сказал я.

– Как же это не знаете? А кто помогал тёте Нюре?.. Ну-ка, пойдёмте с нами!

– Да нам, это... Знамя караулить надо, – робко произнёс Коля.

– Да-да! – оживился я. – Как же мы с поста уйдём?

– Сознательные мальчики! – улыбнулся милиционер. – Это хорошо.

Елена Андреевна покраснела и разгорячилась:

– Как же! Сознательные! Только и ищут, где бы нагадить! Кашу за забор... Сознательные!

– Ну, пройдемте, пройдемте... На месте и разберёмся, – сказал милиционер.

И мы пошли.

У забора уже стояло несколько ребят из нашего отряда и с ними вожатый.

– Вот, полюбуйтеесь, – сказал милиционер.

Мы полюбовались. Каши было так много, что за забором, между ёлочек, скопилось целое озерцо. У левого берега томительно барахталась лягушка. Каша смешалась с землёй. и стала похожа на цемент. Внутри что-то громко хлопотало и булькало.

– Н-да... – сказал милиционер. – Плохо дело. Придётся составить протокол.

В это время лягушка, наконец, утонула.

– Может, сами зароете? – немного подумав, спросил милиционер.

– Ну конечно зароем! – сказал вожатый.

– Обязательно, непременно, – сказала Анна Андреевна. – Сейчас же зароем!

– Вот-вот, – оживился милиционер, – а то что же это получается? Ведь ежели каждый станет всякую заразу за забор выкидывать, это что же получится, а? Непорядок получится! С этим бороться надо!

– Вот мы и будем бороться! – сказал я.

Все на меня зашикали.

– Ну, смотрите!.. До свидания, – сказал милиционер и, ловко повернувшись на каблуках, зашагал из лагеря.

Елена Андреевна окинула нас строгим взором и, подхватив под руку Анну Андреевну, тоже ушла.

Сразу стало шумно. Все кричали и показывали на нас Колей пальцем. Вожатый сказал, чтоб мы не смели никуда уходить, и пошёл к завхозу Юрию Андреевичу за лопатами.

Мы переглянулись.

Юра Алексеев сказал:

– Да... Теперь вас на линейке проберут!

– Плевать! – сказал я независимо.

Юра посмотрел на меня с уважением. Мы помолчали.

Потом Коля сказал:

– А вот кто через кашу перепрыгнет?

– С разбегу или как? – спросил Юра.

– С разбегу.

– А сам можешь? – спросил Юра.

Николаев разбежался и быстро перепрыгнул через кашу.

Потом прыгнул я, потом Юра, потом перепрыгнули и все остальные.

– А вот кто вдоль сможет? – спросил Юра.

– Подумаешь! – хвастливо сказал Коля. – Хоть двести раз!

Первым перепрыгнул кашу вдоль Алик Альтшулер.

– Ого! – сказал я.

Все тоже очень удивились, потому что Алик был самым слабосильным мальчиком в нашем отряде. Его всегда дразнили и любили пугать по ночам полотенцами.

Потом разбежался я и тоже прыгнул. Прыгать было страшно, и я с трудом удержался на том берегу.

За мной должен был прыгать Коля. Он долго топтался на одном месте и, наконец, бросился вперёд.

Я не сразу понял, что произошло. Я только услышал, как Коля вдруг вскрикнул «Ой!» отчаянным голосом, и в ту же секунду раздался громкий всплеск.

Мы бросились вперёд.

Коля Николаев молча сидел по пояс в каше...

Январь 1966

Соавтор: Дм. М.

**Гисторические наблюдения
и наставления благоразумные,
подчерпнутые из моря житейского
и записанные Огурцовым Феррапонт
Аристарховичем
(Отрывки)**

1. Знавал я мужика одного, который, спя, обыкновение имел губами причмокивать и опосля громким голосом «Но-о!» кричать.

3. Один мужик, посереде ночи проснувшись, жены своей рядом не обнаружил, а напротив, за окном звук поцелуя услышал и, с постели встав, к оному приближаться начал. И что ж, любезный читатель, увидел он? На окне, лицом и спиною в комнату оборотившись, знатно небритый мужик сидел и испражнялся многообильно.

6. У некоторого Африканского народа, некогда дикарского, а ныне весьма цивилизованного и всяческим наукам обученного, нижеследующая пословица имеется, которую и ныне помнить подобает: «Ежели ты со слоном сравняться вознамерился, то попробуй спервоначалу на-срать столько ж!»

7. Как-то раз предложили мы Аронзону Леониду псевдонимом себе Огурцов взять.

9. Некий ренегат, обмусоленным ногтем правой руки из трубки остатки табака выковыривая, замялся вдруг и, весьма громко чертыхнувшись, своё предостойное занятие сызнова продолжать изволил.

10. Если у тебя есть слон, не вздумай предлагать ему огурцы на завтрак, не то, осерчав, он и вовсе твою баранину пожрать вознамерится.

12. Изрядную надобность нагло иметь вознамерившись, некто Эн, на урыльнике сидючи, весьма долго и с большим усердием немалые потуги производил, пока желание своё исполнить не отчаялся.

13. Из посещений Аронзона вышеупомянутого, Леонидта, весьма немалые наблюдения извлечь возможно.

14. Трубку куря, ты не токмо самому себе, но и товарищам своим удовольствие доставить можешь.

15. Кот одного знакомого моего однажды, зенки оному не выдрав, гулять отправился.

16. В народе сказывают: «Взялся за гуж – не говори, что не дюж».

17. Всяческому достойному человеку издателем смело присоветовать могу быть.

18. В некоторый вторник сортир на Фонтанке закрытым казался, что окрестным жителям немалое неудовольствие учинило.

19. Ощущения человеческие нередко обманчивыми быть изволят, чем немалые огорчения производит.

20. На стенках весьма благопристойно картины развесить бывает, особливо когда рожи на них изрядно похожи имеют быть.

21. Вряд ли кто-нибудь лампу хромой собаке уподобить осмелится.

22. Как-то раз единожды на Фрунзенской станции Метры преизрядное приключение произошло: одна баба, на подвигающейся лестнице стоя, корыто под мышкой

держат имела, но, некоторое неудобство обнаружив, его перед собой перемещая, оченно весьма пошатнулась, чему корыто воспользовавшись, с великолепною скоростию вниз устремилось, бабу, в нём поместившуюся, с собою увлекая, а прочих граждан, иногда даже приличных весьма, с ног сшибая и им же пребольшие шишки нанося.

23. Сказывали мне, что на свете животное проживает, которое даже ежом называется.

25. Всякий китаец чему-нибудь да обучен.

29. Знавал я одного мужика, который у себя дома в тапочках ходил!

30. Замечал я неоднократно, что свиньи хвосты свои с превеликим удовольствием в колечко сворачивают.

31. Открытую форточку иногда закрыть возможно бывает.

32. Нет ничего такого, чего бы вовсе не было.

34. Видел я однажды, как один мужик молоко купил и опосля, под мышку оное засунув, с разухабистою физиономиею домой отправился.

35. Слыхивал я, что при отправлении знатных морских путешественников говорит им матросские люди: «Попутного вам, братцы, ветра в жопу!»

37. Говорят, что все микробы сильно страдают от высокой температуры.

38. Пожрать¹ всегда приятно:
Сам жрёшь² – другим занятно.

39. Пия лимонад,
Ты будешь рад.

---

¹ Варьянт: *Посрать*.

² Варьянт: *срёшь*...

40. Один мужик, знатную бородёнку имеющий, рожею на бородатую жопу походил.

41. Шарманка даже на Луне шарманкою остаётся.

42. На мягких креслах сидючи, не худо бы о Геморрое подумывать.

43. Иногда так бывает, что в четверть восьмого часы двадцать минут девятого показывают.

44. Картошкой иногда и носы бывают, чему немалым примером Сократа привести возможно.

46. Толстое брюхо всякого человека приукрашивает.

47. Всяк о своём думает.

48. Удивляюсь: как это некоторые, весьма благородные люди – говно жрут!

50. Под всяким мясом своя кость имеется.

1766

Гибель сливочного мороженого

Николай был добрым человеком и, когда ему сказали об этом, был очень удивлен, что, впрочем, не помешало ему через некоторое время задуматься над недавно услышанной новостью.

«Что мне теперь делать? – подумал он. – Я, по-моему, совершенно невхож в разряд добрых людей... По крайней мере, – прибавил он тут же, – я не знал об этом, хотя, конечно, и могу, наверное, быть добрым...»

(Заметим кстати, что человек, первым сообщивший Николаю о его доброте, был достоин всяческого уважения, и честность его была примером для всех, знавших его близко).

«Итак, – продолжал Николай свои размышления, – итак, я добр. Как мне теперь быть?.. Принять все это за шутку или смириться и стараться отныне не уронить себя в глазах П.?» (Так звали человека, который, как мы уже говорили выше, недавно беседовал с Николаем и обронил вскользь: «доброта, мол, твоя... конечно...»).

Николай не знал, как поступить, и, добрых два часа промучившись над занимавшей его проблемой, устал, наконец, и шел в настоящий момент по широкой и пыльной улице с низко опущенной – то ли от стыда, то ли от усталости – головой.

Внимание его привлекло нечто белое, резко выделявшееся среди серого асфальта. Лежащее на земле, оно было на вид каким-то липким и, очевидно, происходило из съестного. Сначала Николай хотел забыть о нем, как он забывал обо всем, с ним происходящим, – дурном ли, злом –

все равно, – и пройти дальше, но брезгливость, внезапно охватившая его, заставила вздрогнуть и отвернуться. Та же брезгливость, еще более в нем усилившаяся после резкого поворота головы, заставила его, чуть ли не задохнувшегося от резкого и громкого сердцебиения, медленно повернуть голову назад и замедлить шаги. Описав полукруг, Николай, наконец, встретился глазами с отвратительным белым пятном... Чьи-то стройные ноги, – правда, не в меру длинные, но все же приятные глазу, – ноги, обутые в изящные черные туфли, спеша наступили в сердцевину этого пятна и, оставив в нем маленькую треугольную ямку своим высоким, – пожалуй, слишком высоким – каблуком, исчезли вдали.

Теперь оставалось довольно много времени на спокойное созерцание. Николай нагнулся даже и понял наконец, что видимое им – не более, чем выроненное из чьих-то рук мороженое... «Да, это так, – прибавил про себя Николай. – Вот теперь я вижу... Да, да, правильно... Вот и вафля... И еще один кусок невдалеке...»

Да, это мороженое лежало перед ним – жалкое, полурастоптанное, несчастное! Мимо сновали бесконечные пары ног, а оно, подтаивающее, бедное, несчастное мороженое, лежало здесь, здесь лежало оно, и никто не думал, что всё! кончено! его нет!..

Николай резко выпрямился и ушел, закрыв лицо руками, а слезы подступали и подступали к его глазам, и не было им места в этом жестоком, безжалостном мире!..

Июль 1966

8 июля

Автобиографическая повесть.

1.
На скамейке тепло. Я сижу на этой скамейке.
2.
Проползает чёрный муравей.
3.
Я выкинул охнарик, вынув его из вчера купленного мундштука.
4.
Сейчас десять минут десятого.
5.
Кривое дерево.
6.
Я читаю журнал.
7.
На скамейке рядом сидят две старушки.
8.
Муравей куда-то исчез.

9.

Охнарик потух.

10.

Минутная стрелка шевелится.

11.

Дерево кривое.

12.

Я дочитал рассказ.

13.

Скамейка жёсткая.

14.

Я не знаю, что стало с чёрным муравьём.

15.

Мундштук лежит у меня в кармане.

16.

На часы я не смотрю.

17.

Другое дерево.

18.

Журнал с рассказом я отдал М.

19.

На скамейке шумно.

20.

Я часто вспоминаю муравья.

21.

Хочется курить.

22.

По-моему, мои часы идут точно.

23.

Я не смотрю на деревья.

24.

М. читает журнал.

25.

Скамейка — —

Июль 1966

Рассказ о газе

...Фосген потому так называется, что пахнет он гнилыми яблоками. Яблоки, кстати сказать, при гниении выпускают газ, который называется «фосген».

Июль 1966

Три пьесы в стиле поп-арт

Пьеса № 3. (*Завтрак*)

В глубине сцены стол. За ним сидит человек и ест. Окончив еду, поднимается и, вытерев губы, выходит.

*Занавес*¹

Пьеса № 5. (*Уличное происшествие*)

На сцену торопливо выходит человек и, воровато оглядываясь, чешет ягодицы. Потом медленно уходит.

Занавес

Пьеса № 10

Сцена пуста. На переднем плане – входная дверь, ведущая в комнату, где находится и сцена, и зрительный зал.

Все смотрят на дверь до тех пор, пока не надоест или кто-нибудь не войдёт. Всё, что будет делать вновь вошедший, – входит в пьесу.

Август 1966

---

¹ Исполнитель – Дм.М.

Послеобеденное приключение

После обеда я лёг на диван и, полежав примерно полчаса, уснул и умер.

всё

Сентябрь 1966

Тимирязев и его бегемот

Тимирязев очень любил своего бегемота. Вечерами он вынимал его из жилетного кармана, клал в чай и всю ночь напролёт с ним разговаривал. А по утрам он отводил его обратно в зоопарк.

Октябрь 1966

Соавтор: Дм. М.

Бикарбонат Римский

Цезарь привстал на стременах и оглядел равнину. Всё было тихо.

Драгуны пели, гренадеры танцевали, уланы целовали красоток, а часовые скакали во весь опор туда и сюда.

«Ищи ветра в поле!» – сказал Цезарь и поехал в ставку. Черчилль раскуривал уже вторую сигару.

Пороли Пугачева, а Разин вешал бояр и требовал немедленно доставить в Освенцим Екатерину Вторую.

Всё было тихо.

По лубочным картинкам, задрав хвосты, проносились коты в сапогах, а стреляные воробьи медленно окружали со всех сторон прищурившего глаз охотника.

А.Д. Скалдин написал на чистом листе бумаги: «Письма Александра Блока ко мне».

Хеленукты гуськом шли мимо Радиокомитета.

Всё было тихо.

Вьюга заметала следы проносившихся по морозной ночной равнине коней.

Уоллес Бири падал на пол, выхватывая из-за пояса кольт.

Кот Епифан Великолепный явился во сне своему четвероногому собрату Фоме.

Великая Хартия Вольностей еще не была написана, Кампанелла еще разгуливал на свободе, а научная женщина Гипатия чертила на песке формулы приведения.

Всё было тихо.

И только Цезарь, привставая на стременах, смотрел вперед – на север. Там его ждала победа. Там катила свои воды река Рубикон.

Декабрь 1967

Миша в Зоосаде

Глава 1

– Мама, а мама! – сказал Миша. – Давай пойдём в Зоосад: я хочу посмотреть на зебру.

– Нет, Миша, – сказала мама, – ты ещё очень мал: тебя там задавят.

– Ну вот, мама, – сказал Миша, – а я так хочу в Зоосад! Если мы не пойдём сейчас в Зоосад, то я не буду есть булку с маслом.

– Ну и хорошо, – пошутила мама, – мне больше останется.

Она подошла к буфету и смахнула наворачнувшуюся слезу.

– Вот, – сказала она, немного помолчав, – теперь я съем твою булку с маслом. Смотри, Миша, внимательнее.

Она взяла батон и стала намазывать его маслом.

– Не ешь, мама! – закричал Миша. – Если ты съешь мою булку, то я пойду и утоплюсь.

– Как же ты утопишься? – удивилась мама. – Ведь ты не умеешь плавать...

– Зато я умею стрелять из рогатки! – крикнул Миша.

Мама обиделась.

Глава 2

День был чудесный. Светило яркое солнце. Ветер веял весенней прохладой. На заборе сидела птичка и выпускала трели. Рядом лежала потерянная Мишей калоша. Пахло жареным.

Печальный бегемот разматывал взопревшие портянки. Перед ним стоял Миша и читал вслух стихотворение. Вокруг летали утки.

– Я доволен, я рад:

я попал в Зоосад, –

говорил с выражением Миша.

Бегемот довольно ослабился.

– Ты – хороший мальчик, Миша, – сказал он. – Я тебя очень люблю. Ты уже пионер, не правда ли?

– Нет, дядя, – сказал Миша. – Я даже не хожу ещё в школу, я являюсь воспитанником Детского сада № 14.

– А как же зовут твою воспитательницу? – спросил бегемот, поднимая брови.

– Её зовут Анна Александровна, – возразил Миша и кинул в окно подстаканник.

Подстаканник упал дяде Феде на плечо и ушиб его.

– Ай-яй-яй! какой ты шалун! – сказал бегемот и ласково погрозил Мише пальцем.

Миша застеснялся.

Глава 3

Придя домой, Миша лёг на диван и сразу уснул.

Во сне он захотел покушать мороженого.

– Где бы его сейчас достать? – озаботился Миша, и ему сразу стало не по себе.

Папиросы кончились.

– Вот, значит, какие дела! – проговорил кто-то совсем рядом.

Миша вздрогнул и выдохнул свой воздух. Тут подошла мама и больно ударила по голове черствым батоном. Стало противно: масло прилипло к волосам.

Миша усмехнулся и открыл глаза.

– Вставай скорей, Миша! – сказала бабушка, дотронувшись до его плеча. – Мама уже пошла в магазин покупать тебе барабан.

Миша захохотал.

Глава 4

Было страшно. В углу лежал барабан, а на нём сидел волосатый мужик Андриан Евтихийев. Его мучила совесть.

Миша обратил своё внимание на то, что из его кармана торчал батон, покрытый густым волосяным слоем.

Скоро пришла мама, и мужик ушел.

– Миша, скажи: ты будешь меня слушаться? – спросила мама.

– Буду, буду, мамочка! – закричал Миша.

– Ну вот и хорошо. Одевайся, Мишенька, сейчас мы пойдем в Зоологический сад.

– Ура! – закричал Миша. – А я тебя всё равно буду слушаться! Честное детское садовское, буду!..

К о н е ц

Вологда – Николаевск-на-Амуре – Тула

Декабрь 1967

Соавтор: Дм. М.

Август 1914-го

Литературный сценарий

сергей всеволодович кряхтя и охая приподнялся и медленно двинулся к появившейся невдалеке суповой миске. запах играл здесь свою роль. первый шаг его был удачен но еще многое было неясно. смеркалось. присев на лошадь василий всеволодович двинулся наперерез валерию. катулл попятился и споткнулся. наступило гнусное молчание. **кем быть? кем быть?** мучительно говорил подросток семен. сверкнув лопастью в бледном свете зашедшего солнца валерий николаевич нахмурился давая понять всем остальным что валериан всеволодович допустил непростительную глупость и немедленно заговорил поминутно поглядывая на большие карманные часы. все внимательно и осторожно слушали только катулл не оставлял своих попыток усмехнуться и подтолкнуть семена плечом. лошадь насупилась и лежала в углу тихо куковали птицы и медленно падал с буфета горный орел иван всеволодович. сергей всеволодович защищая спину большим кругом полтавской колбасы занес киянку над суповой миской. **еще немного и все будет кончено!** пронеслось в его мозгу. раздался удар и густой перловый суп медленно пополз к двери, вздыбился подросток семен и цепляясь сильными руками за уши сшиб сергея всеволодовича с ног. игорь валерианович вытащил из-за пазухи большого рыжего Кота и стал кормить его грудью. однако Кот грудь не брал и тоскливо смотрел на суповую лужу. прыжок. и вот уже Кот вырвавшись из рук игоря вениаминовича уселся орлом над пролитым супом. комнату оросил звонкий аромат. унтер-

офицер валерий всеволодович надел портупею и утершись
рукавом отправился во свояси. каждый вторник он орал
там вытягивая слюни по швам.

Март 1968

Соавтор: Дм.М.

Ирония судьбы

В.Н. Петрову

Н.И. исписал целую страницу. Для него это было много. Усталый, он бросил ручку на тетрадь и откинулся в кресле. Хотел повернуться, но вдруг с ужасом увидел, что капли чернил слетели с пера и забрызгали всю страницу.

«Боже мой! – вздохнул про себя Н.И. – Что же теперь делать?!»

Он достал промокашку и приложил её к кляксам. Но руки от волнения и злобы дрожали, и Н.И. вместо того, чтобы аккуратно промокнуть кляксы и сделать их светлыми, только размазал их. Теперь нижняя половина страницы была густо заляпана отвратительными потёками и пятнами.

Н.И. поднёс бумагу к глазам и стал смотреть, что из написанного скрыла грязь и что осталось. Но осталось немного, и Н.И. прочёл следующее:

«... немного из того, что сейчас
делается – ..... конечно,
..... впрочем ..... но и .....
..... не .....заслуживает .....
.....абсолютно
никакого ..... вни-
мания!»

Н.И. вздохнул: «Вот она, – ирония судьбы! Это она, она подстроила мне такую пакость! Прочешь оскорбление

своему рассказу, написанное своей собственной рукой, да ещё после того, что начало рассказа – так удалось!»

Вконец раздосадованный, Н.И. сложил листок вдвое, потом разорвал пополам и с остервенением укусил и начал рвать зубами ненавистную половину, изгаженную так неловко упавшей ручкой.

Н.И. немного посидел, отдышался, успокоился и решил перечитать удавшееся начало рассказа. Он взял нетронутую половину листка и прочёл:

«... некоторое из того .....

Май 1968

После шестого урока

– Сегодня мы тебя выпорем, – сказали ребята Сереже. – Так что после шестого урока приходи в гимнастический зал.

Сережа покраснел.

– Конечно! А ты тоже там будешь? – спросил он Витю Борисова.

– А как же! Обязательно: мы же друзья...

Но тут зазвенел звонок, и мальчики побежали в класс.

Андрей Владимирович рассказывал про кругосветное путешествие Магеллана. Все слушали, затаив дыхание, и только Сережа все ерзал.

– Галя! – позвал он, наконец, шепотом. – Галя!

– Тсс! – отмахнулась она. – Не мешай!

Сережа вздохнул, достал из парты листок бумаги и начал рисовать корабль, мчащийся на всех парусах. Он так увлекся, что не заметил, как Андрей Владимирович тихо подошел к нему, встал сзади и стал внимательно глядеть на рисунок.

Сережа нарисовал на палубе высокого бородатого человека со шпагой в руках и подзорной трубой под мышкой, потом большими буквами вывел на борту «Санта Мария», взял рисунок, гордо откинул назад голову и с удовольствием стал рассматривать, что получилось.

– Молодец! – сказал Андрей Владимирович.

Весь класс облегченно перевел дух. Сережа вздрогнул и обернулся.

Андрей Владимирович стоял позади него, и лицо его светилось.

– Молодец, Сережа! Молодец! – повторил Андрей Владимирович. – Знаешь, ведь ты нарисовал «Санта Марию» именно так, как я ее всегда себе представлял...

– Вы знаете, ребята, – продолжал он, обращаясь уже ко всему классу, – ведь я, когда мне было столько же лет, сколько сейчас вам, мечтал стать моряком... Но вот, так моя мечта и не сбылась... Знаете, я раньше часто представлял себе: большой корабль, он мчится по волнам куда-то вдаль, свистит ветер, скрипят мачты... Помните: «Белеет парус одинокий...» Вот и я мечтал... Представляете – никого, никого на много-много миль кругом, и мчится по волнам корабль на всех парусах... Сережа станет замечательным художником, я верю!

И Андрей Владимирович долго еще рассказывал притихшему классу о море, о парусниках, о чайках...

Никто не заметил, как кончился урок, пролетела перемена, как прозвенел новый звонок... Все очнулись только тогда, когда Иван Антонович, директор, стуча палкой вошел в класс и положил на стол толстый тяжелый портфель.

Андрей Владимирович недоуменно посмотрел на вошедшего директора, пожал плечами и тихо сказал:

– Вот... заболтались мы тут с ребятами! – и вдруг, всхлипнув, выбежал из класса.

– Андрей Владимирович! – хотел крикнуть Сережа. – Пожалуйста, приходите после шестого урока в спортзал – меня там пороть будут! – но осекся, подумав, что, если узнает Иван Антонович, то, может, чего доброго, все запретить.

Так Сережа и не пригласил Андрея Владимировича – тот сразу же после своего урока ушел домой. Расстроенный, возвращался Сережа из учительской...

«А Галя? – спохватился он вдруг. – Что же это я?» – и побежал ее разыскивать.

Когда до начала последнего урока оставалось уже минуты две, Сережа подбежал к ней и быстро заговорил:

– Галя! Я хочу тебя пригласить... Ты, пожалуйста, не отказывайся... Знаешь, после этого урока меня в спортзале будут пороть! Ты придешь, а? Приходи, пожалуйста! Я и Витю уже позвал...

– Правда? Будут пороть? Ремнями?... Обязательно приду. Спасибо тебе, Сережа.

Она улыбнулась, посмотрела на совсем красного от смущения Сережу и добавила:

– Спасибо... Я этого не забуду, Сережа!

И тут же, сама вспыхнув, побежала в класс.

Весь последний урок мальчишки перешептывались друг с другом, и записочки летали с парты на парту.

Сидевшая впереди Галя строго смотрела прямо перед собой. Только один раз она обернулась, посмотрела на Сережу, покраснела до самых ушей, быстро отвернулась и уткнулась в свою тетрадь.

Наконец прозвенел долгожданный звонок.

Сережа с бьющимся сердцем медленно собрал тетради, застегнул портфель и вышел из класса.

К нему навстречу шагнул Валера Смирнов.

– Мы тут, Сережа... – сказал он. – Мы тут решили... Ну, в общем, мы не будем тебя пороть: ты такой рисунок нарисовал... Ты нас извини...

– То есть как так – не будем?! – воскликнул Сережа. – Вы что, за дурачка меня считаете, что ли?

– Да нет... Ну, понимаешь, Сережа, – нельзя... Ты ведь...

Да ну тебя вообще! – махнул Валера рукой и быстро зашагал по коридору.

Сереза остался один. Постояв несколько минут на одном месте, он растерянно огляделся и побрел на третью лестницу.

На лестнице, в углу стояла Галя, уткнувшись лицом в стенку, и плакала. Ее плечи вздрагивали. Под ногами валялся мокрый носовой платок.

– Галя, – сказал Сереза тихо. – Ты что?..

– Он ещё спрашивает! – всхлипывая, закричала Галя. – Как тебе не стыдно? Что же ты мне наврал? Я, как дура, побежала скорей к спортзалу, – а там, конечно, никого нету... Ты врун! Обманщик!

Она быстро нагнулась, схватила платок и побежала вниз по лестнице.

– Галя! – крикнул Сереза. – Галя!

Но она даже не обернулась.

Сентябрь 1968

Судьба атеиста Сыроева

Октябрь 1968

В гостях

Посреди стола стоял большой кремовый торт. Гости чинно сидели вокруг, держали руки на коленях и волебно смотрели на скатерть.

Пётр Павлович встал, нагнулся над столом, схватил торт руками и резким движением цепких пальцев разорвал его. Торт распался на несколько частей. Пётр Павлович брезгливо стряхнул крем на блюдо, вытер руки о скатерть и вернулся на своё место.

Все значительно переглянулись, но, повинувшись властному взгляду Ивана Сергеевича, хозяина дома, смущённо потупились.

Наступила тишина. Все сидели молча, не решаясь сделать малейшее движение.

Из угла комнаты поднялся незнакомый человек лет сорока, одетый в строгий серый костюм. Поправив галстук, он решительными шагами пересёк комнату и, подойдя к Петру Павловичу, наклонился и что-то сказал ему на ухо. Пётр Павлович кивнул, встал и вышел вместе с незнакомцем.

Было слышно, как они прошли по коридору к выходу. Вот хлопнула уличная дверь. И почти тотчас же раздался выстрел.

Иван Сергеевич достал портсигар, вынул папиросу и закурил. Гости удивлённо посматривали друг на друга и на хозяина, безмятежно пускающего колечки дыма.

Снова хлопнула входная дверь, и слышались шаги по коридору. Они остановились у двери – пришедший вытирал ноги.

Через несколько секунд в комнату вошёл незнакомец в сером костюме.

Иван Сергеевич встал, подошёл к нему и, ласково хлопывая по плечу, сказал негромко:

– Прошу любить и жаловать!.. Это мой добрый друг, – Лев Николаевич... Сейчас мы будем пить чай.

Февраль 1969

Приусадебный участок

А.А. Александрову

У Анатолия Андреевича были больные глаза. Собственно, нельзя было сказать, что они больные, точнее – они были со странностями: Анатолий Андреевич совершенно не переносил солнечный свет. Поэтому он старался как можно меньше бывать на улице. Но на улице ему приходилось бывать часто, и Анатолий Андреевич всегда пребывал в раздражении.

Долгое время Анатолий Андреевич занимался обменом своей жилой площади, пока, наконец, не въехал в совершенно тёмную и мрачную комнату с окном в двор-колодец. Эта комната ему нравилась, нравился ему и узкий, мощёный бульжником двор с постоянной кучей мусора прямо против окна. В свободное от часов службы время Анатолий Андреевич часами сидел или стоял у окна, рассматривая разнообразный хлам, и наслаждался не раздражающим его глаза постоянно сумеречным светом.

Но однажды жизнь Анатолия Андреевича чудесным образом переменялась.

Жарким летним полднем к Анатолию Андреевичу зашёл его бывший школьный приятель Качалов и предложил поехать за город. Анатолий Андреевич начал было протестовать, но Качалов и слушать его не хотел и на все жалобы приятеля и все его ссылки на больные глаза сказал только:

– А солнечные очки на что? – и вытащил из кармана чёрные блестящие очки.

Анатолий Андреевич, не в силах будучи сопротивляться Качалову, согласился и, проклиная всё и вся, решился, наконец, ехать.

Дорога была мучительна: очки Анатолию Андреевичу несколько не помогали, и из глаз его не переставая текли слёзы.

Качалов же наслаждался и воздухом, и деревьями, и солнцем и болтал без умолку. Но, видя, что Анатолия Андреевича ничем не развеселить, решил веселиться самостоятельно и купил в местном магазине пол-литра водки.

Анатолий Андреевич, увидев водку, вдруг тоже захотел выпить, хотя и был непьющим, и этим очень обрадовал Качалова.

Вместе они пошли в лесок и уселись на поваленное дерево. Качалов ловко откупорил бутылку и достал из рюкзака стакан...

После выпитой водки Анатолия Андреевича разморило, и он начал сидя дремать, покачиваясь время от времени из стороны в сторону. Один раз его так накренило, что он чуть не сшиб на землю своего спутника. Качалов разозлился и заорал:

– Чего толкаешься?!

Но тут Анатолий Андреевич, как на грех, снова повалился на него, и Качалов, выведенный из себя, размахнулся и дал Анатолию Андреевичу подзатыльника. Анатолий Андреевич ойкнул и упал на траву лицом вниз.

Качалов же допил остатки водки и задремал. Когда он открыл глаза, уже начинало смеркаться.

– Анатолий! – позвал Качалов, но ему никто не ответил. Качалов встал и посмотрел по сторонам, но Анатолия Андреевича нигде не было видно.

И вдруг Качалов увидел своего школьного приятеля, лежащего ничком у него под ногами. Качалов вздрогнул и принялся тормозить Анатолия Андреевича.

– Анатолий! Слышишь, вставай, брось дурить!.. Ты что, в самом деле... Толя?!

Но Анатолий Андреевич неподвижно лежал и не шевелился. Тогда Качалов встал с земли и медленно начал пятиться назад. Натолкнувшись спиной на дерево, он вскрикнул и бросился бежать, не разбирая дороги...

***

Прошло много лет. Качалов вышел на пенсию и купил на скопленные за время долгой трудовой жизни деньги дом за городом и маленький участок земли.

Однажды, пропустив после обеда рюмочку, он сидел на веранде и читал рассказ Эдгара По «Золотой жук». Дочитав рассказ, он закрыл книгу и вышел в огород. Сегодня он собирался перекопать ещё две грядки (все остальные были уже вскопаны и засажены).

Качалов взял лопату и в раздумье остановился над грядкой.

«А что, – подумал он вдруг, – а что, если здесь зарыт клад? Да, да: вот здесь, под этой самой грядкой, а?!»

Эта мысль ему очень понравилась, и он с ожесточением воткнул лопату в землю. Почти сразу лопата попала на что-то твёрдое. У Качалова захватило дух. Волнуясь, он торопливо отбрасывал землю и, наконец, увидел крышку деревянного ящика.

Качалов начал аккуратно окапывать её, и вот – перед ним лежит в совсем не глубокой яме широкая доска с медным кольцом посередине.

Качалов обеими руками схватил кольцо и потянул его на себя. Крышка со скрипом подалась и отскочила.

В деревянном ящике лежал мёртвый Анатолий Андреевич в тёмных очках.

– Здравствуй, Качалов! – сказал он негромко.

Март 1969

Писатель у себя дома (Отрывки)

... В детстве я очень любил слово «сволочь». Своим звучанием оно представлялось мне круглым и ласковым. Оставаясь дома один, я часто говорил его самому себе, наслаждаясь нежными звуками. «Сволочь!» – говорил я и радостно смеялся, вспоминая отчего-то круглые ванильные булочки, их запах и жареный арахис, украшающий их корочку...

Но мне не хватало слушателей. Ведь сказать «сволочь» старшему брату, папе или маме было нельзя: и я, и они прекрасно знали смысл этого слова и могли обидеться, услышав его от меня.

Скоро, однако, я нашёл выход из положения. Я создал неологизм, вполне цензурное слово, но звучащее почти так же, как и любимое. Теперь я мог говорить своим близким и самому себе: «*стулочь*». Но почему-то ни брат, ни папа, ни мама не восторгались красотой созданного мной слова, хотя, на моё счастье, не запрещали мне произносить его и не спрашивали меня, что это значит.

Видя полное безразличие к своему словесному творчеству, я и сам перестал наслаждаться словами «сволочь» и «стулочь» и стал ещё более замкнутым...

***

Лето 1964 года я провёл в Лисьем Носу.

Как-то Роман Белоусов прислал мне письмо, в котором сообщал о своём знакомстве с «очень интересным челове-

ком», умалчивая, однако, о том, кто этот человек и чем он занимается. Но человек этот вскоре сам познакомился со мной.

Жарким летним полднем я сидел на веранде за машинкой и вдруг увидел в дверях маленького вертлявого человечка в очках. Недоумённо я посмотрел на него, а он, предупреждая моё дальнейшее поведение, с треском захлопнул улыбающиеся челюсти, резким движением схватился за волосы и, протянув мне руку, осведомился:

– Володя?

Этот человечек, о чём, наверное, проницательный читатель уже догадался, был Саша Прокофьев.

В конце оживлённого разговора Прокофьев сказал, что здесь, в Лисьем Носу, на даче живёт его давний друг, с которым он просто обязан меня познакомить. Я стал расспрашивать о нём, и Прокофьев сказал, что его друг – это гениальный человек, философ, пишет эссе!

– О чём же он пишет? – спросил я.

– О! это, понимаешь, трудно объяснить... Он пишет о сущности... Квинтэссенция... О Боге, – нет, больше!..

Большого я не добился, но заочно проникся к знакомцу Прокофьева почтительностью и уважением.

Мы подошли к двухэтажному зелёному домику и вошли в сад. На траве, на небольшом опрятном коврике, лежал полный юноша невысокого роста и тоже в очках и читал книгу. Рядом, если мне не изменяет память, стоял кувшин с каким-то напитком.

«Китаец!» – мелькнуло у меня в мозгу, и я проникся к лежащему ещё большим уважением. И на самом деле –

было что-то патриархально-китайское в представившейся мне картине.

Юноша неторопливо поднялся, небрежно радушным жестом приветствуя нас. Мы представились друг другу.

Так 20 июля 1964 года я познакомился с Дмитрием Борисовичем М***.

***

В сентябре 1964 года произошло и ещё одно весьма чреватое знакомство – я познакомился в Публичной библиотеке с А.Н. Мироновым.

Я стоял у барьера и требовал «День поэзии». Передо мной стоял белокурый блондин и требовал то же. Его требование удовлетворили, а моё, вследствие удовлетворения его, – нет. Тогда я взял несколько каких-то совершенно не нужных мне книг и, раздосадованный, пошёл в зал. Через стол от меня сидел напакостивший мне блондин. Я глубоко задумался, вспомнив, как странно и нервно шевелил он пальцами, и вдруг понял, что он – поэт. Я решил спросить его о верности моего предположения, подсел к нему и задал ему вопрос на интересующую меня тему. Получив утвердительный ответ с присовокуплением обычного «а что?», я обрадовался, и между нами завязался оживлённый разговор, кончившийся, разумеется, чтением стихов. Мироновские стихи мне понравились, и наше знакомство продолжилось...

***

...Наступило 30 сентября 1964 года. В одной из аудиторий пединститута им. Герцена выступало шестеро: М. Юпп, Т. Славина, Андрей Гайворонский (в то время Чёрный), Тамара Буковская (фигурировавшая тогда тоже под иным именем), Миронов и, конечно, я.

После чтения стихов начался диспут.

Какой-то неизвестный человек в бежевом костюме, встав из Задних Рядов, произнёс суровую отповедь поэтам. Он, в частности, указал (и это почему-то в наибольшей степени относилось ко мне), что «за то, что мы (т.е. *они*) не дарим им (т.е. *нам*) загородных вилл и белых кадиллаков, они (т.е. *мы*) мстят нам (т.е. *им*) своими стихами!»

Впрочем, Юпп был несколько выделен – в лучшую сторону.

С тех пор я не раз подумывал – не купить ли мне белый кадиллак?..

***

... Александр Николаевич Миронов очень любил древесину. Это было ясно даже по его внешнему виду. Да и сам он признавался мне неоднократно в своей привязанности.

Не было такой минуты, когда бы он не отламывал от спичечного коробка щепочки и не совал бы её тут же в рот. Так что одного коробкá хватало ему всего лишь на какой-нибудь час, не больше.

***

Булочки детства

Около Южных ворот Ленинградского университета есть студенческая столовая, а в подвале – кафетерий с пирожками, салатами и кренделями.

Работая в университетской библиотеке сначала младшим, а позже и старшим библиотекарем, я частенько ходил туда вместе со своим сослуживцем Дмитрием Борисовичем М*** обедать. Моим любимым блюдом была кулебяка. Она продавалась на вес: резалась по желанию покупателей на любого размера куски. Килограмм – как сейчас помню – стоил один рубль шестьдесят две копейки. Кулебяка была очень вкусна: мясо обильно наперчено, корочка поджариста... Немудрено, что ел я её в огромных количествах, а иначе говоря – столько, сколько позволяли средства. Иногда я покупал целую штуку – весила она около восьмисот граммов – и, торжествуя, съедал её, запивая кофе с молоком.

Вскорости на службу в нашу библиотеку устроился Николай Иванович Николаев. Устроился он к нам, кажется, за день до получки и был на второй же день своей работы свидетелем того, как я съел в обед целую, выбрав самую большую, кулебяку. – Была истерика...

Но я отвлёкся. Собственно говоря, я начал описывать не свою привязанность к кулебяке и не то, как Дмитрий Борисович обозвал меня однажды «кулебячьим сыном», а *булочки детства*.

Как-то раз я зашёл вместе с Дмитрием Борисовичем в кафетерий и увидел, что на витрине среди пирожков, кулебяк и расстегаев лежала груда ванильных булочек. Конечно, это были уже не те булочки пятидесятих годов... Орехов, некогда так украшавших круглую румяную шапочку, уже не было, изюму тоже поубавилось, да и свежая гладкая поверхность была засыпана противной сахарной пудрой... Да и назывались они не «булочками ванильными», как в доброе старое время, а «кексом майским». Однако, справедливым будет заметить, стоили они так же, как и раньше: гривенник.

Широким жестом руки я пригласил Дмитрия Борисовича поближе к витрине и сказал громко и выразительно:

– Дмитрий Борисович! Позвольте представить вас друг другу... Рекомендую: булочки моего детства...

Позже я спросил у него, не хочет ли он писать вместе со мной лирическую повесть под этим названием – «Булочки моего детства»?..

1968.

Февраль 1969

III. Miscellanea earliana (1970–1981)

---

1 × 33¹

2

«Аз есмь Альтшулер и Омега...»

3

Антигонное.

4

А ну-ка пенсию пропей, веселый Вертер!..

5

Да не грызите же вы ту самую жопу, в которой все вы сидите!

6

Два чая – две морали.

7

... детёныш Цилин ...

8

Детская кайфоломка.

9

Зверь рыбака видит издалека.

10

И вкусно, и грустно, и некого грязью облить...

11

Как Кот в масле катался.

12

«Книгу ту – на составные части раззять!»

13

Кто сказал Э, должен сказать и Ю.

---

¹ *Лозунги, пословицы и оговорки (1)*

- 14
Министерство парообразования.
- 15
Мы рождены, чтобы с чувством глубокого удовлетворения сделать сказку былью.
- 16
Мысли полёт – мордой об лёд.
- 17
Наше дело левое, – мы победим!
- 18
Наше дело правое, но это поправимо.
- 19
Пластырь духовный.
- 20
По небу полуночи боинг летел...²
- 21
Ради красного словца не пожалеет ни Даля, ни Фасмера.
- 22
Ростбифа капли упали на грудь...
- 23
Сказавший **А** от **Б** и погибнет!
- 24
Славна дагга за горами...
- 25
Сон, котлеты, гороховый суп, лапенков...
- 26
Спортивный эдипов комплекс.

---

² По небу полуночи *дятел* летел...

27

Студия центрального чревовещания.

28

Тапира, словно первую любовь...

29

У меня нет плана в голове.

30

Что у слова на воробье, то топору по колено.

31

Чумовые эффекты.³

32

Эпоха дегенерассанса.

33

Я встретил вас и всё такое.

---

³ Чумовое оформление.

2 × 17¹

1

С. Сигею

Вещи бывают двоякие:
либо тыкие, либо якие.

2

Добродетель права,
ставя клизму отсюда досюда...

3

Д.Я.Дар оказался прав: постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» было принято 14 августа 1946 года. Ровно через девять месяцев, 14 мая – я родился.

4

...и в тело, простёртое молча пред ним,
вонзил он свой нож ювелира!

**5. Друзьям поэтам по так называемой
«второй литературной действительности»**

Как в одной могилке
мы друг с другом пылки!

6

Мы, как и вы, в пейзаж *вписались*, –
но только в том не признавались...

7

На ветках дерева вповалку птицы спят
как только в юности отвратные созданья.

8

На заре ты её не буди –
пусть солдаты немного поспят...

---

¹ или *Вереница двоестийший*

9. Дружеский совет Науму Зайделю, флейтисту

На ум, Наум, надейся,
на свой индивид'альный дух.

10

Не сыт ли ты?
Не суть ли я?

11

Она его за зубы полюбила,
а он её...²

12

Он говорил мне: торчу и немею...
Но кайф не ловил он. Нет! не ловил он.

13

Под знаменем марксизма-ленинизма
ступай, народ, к победе коммунизма.

14

Ты лети и вейся вдаль,
Байкало-Амурская магистраль!

15

У Пиита два начала:
один конец, другой – мочало.

16

Я сам усат!
Вы сами – с вами.

17

У нас ещё в запасе
задвигки на байпасе!

---

² ...зубами прихватил.*

* за состраданье к ним.

3 × 1¹

Страница из моих воспоминаний о ***

Однажды Унигаз
взобрался на Парнас...

Дальнейшее – молчанье.

---

¹ *Воспоминанье*

IV. Дополнения

Несколько слов о Леониде Аронзоне (1939-1970)

I

Я горжусь тем, что мне выпало счастье быть другом Леонида Аронзона. Наша дружба длилась чуть больше двух лет и прервалась (по моей вине) весной 1967 года.

Когда меня познакомили с Аронзоном, ему было двадцать шесть лет, мне еще не исполнилось восемнадцати. Он был уже в то время поэтом с определенным литературным именем. В доме Аронзона бывали такие люди, как Леонид Ентин и Алексей Хвостенко, Леон Богданов и Юрий Галэцкий, позже – Анри Волохонский и Евгений Михнов.

Я хочу особо отметить, что, хотя наше знакомство состоялось на чисто литературной почве, а Аронзон ежеминутно буквально дышал стихами, наши отношения были вполне человеческими и – несмотря на солидную разницу в возрасте – на равных. В частности, мы были (по его инициативе!) на «ты».

Я бывал в доме Аронзона практически ежедневно и терзал его своими стихами. К слову сказать, я не был его учеником в обычном смысле этого слова, к тому же моя строптивость... Только через несколько лет после смерти Аронзона я стал сознавать, скольким я ему обязан, и в первую очередь тем, что он открыл передо мной классическую поэзию: Боратынского, Пушкина, Державина.

Аронзон твердо отстаивал свои творческие позиции (как и я свои), что, однако, нисколько не мешало ему ценить те мои сочинения (впрочем, чаще – только части их,

увы!), которые были действительно удачны или, по крайней мере, неожиданны. Несколько раз мы предавались совместному творчеству, хотя, к сожалению, результаты оказались, на мой взгляд, неудачными.

Я уже сказал, что наши отношения были на равных – благодаря этому обстоятельству я, совсем тогда юный начинающий поэт, приобрел особое, переданное мне моим старшим другом зрение, точнее, мироощущение. Я перестал ощущать разницу в возрасте, хотя сначала, конечно же, смотрел на него «снизу вверх», да и чувствовал себя порой *в не по чину барственной шубе*. Эта, вообще присущая Аронзону черта – быть вне всяческих условностей, быть раскрепощенным и свободным – освобождала и тех его друзей, которые способны были принять свободу как норму.

По моей просьбе Аронзон часто показывал мне свои стихотворения и прозу, многое дарил, давал с собой на время, иногда просто читал вслух. Ему были присущи также необыкновенное остроумие и самоирония. Иногда, прочитав какое-либо стихотворение из ранних, он комически ужасался или начинал хохотать. Чаще, однако, он хохотал над виршами современных ленинградских поэтов: вкус у него был точный, слух и глаз острыми, поэтому, разбирая услышанное или прочитанное, он был беспощаден.

Я слышал чтение стихов – не побоюсь сказать – сотни поэтов. Поразили меня только двое: Крученых и Аронзон. Аронзон читал чужие стихи так, как будто это были его собственные, только что написанные, еще не прожитые стихи. Никогда не забуду, как он читал свое любимое: *Воспоминание* Пушкина, *Астры* Красовицкого, *Занушение* Боратынского, *Приморский сонет* Ахматовой...

Мы довольно часто выпивали или просто сидели и курили – то у него дома, то гуляя по улицам, то специально выезжая за город... Иногда мы заходили в кино. Как-то мы забрались в бывшие *Новости дня* и несколько раз подряд смотрели фильм Ива Кусто из подводной жизни. Кадры фильма то необыкновенно веселили нас, то вызывали леденящий ужас. А однажды нам довелось испытать ужас несколько иной. Мы забрели, прогуливаясь, в Дом писателя и застали там следующую сцену: сгрудившись вокруг заставленного чашечками из-под кофе стола, группа молодых поэтов, подняв к потолку горящие глаза, хором читала: *Свеча горела на столе, / Свеча горела...* Чувствовалось, что они предаются этому не первый раз. Аронзон скривился и выскочил за дверь. Там он долго бился в корчах – топал ногами, плевался, хохотал...

Вообще он был очень азартен. Однажды я купил два водяных пистолета, и мы устроили буйную дуэль. Помню, что я стрелял метче. Было много шума и хохота.

Я познакомил Аронзона со своими друзьями, поэтами с Малой Садовой: Романом Белоусовым, Тамарой Буковской. Александром Мироновым, отцом Хеленуктизма в России Дмитрием М. (ему Аронзон посвятил свою небольшую поэму *Сельская идиллия*) и другими. С некоторыми из них Аронзон тоже коротко сошелся: Рома Белоусов, в частности, стал в 1967-68 гг. его учеником.

...Я хотел бы как можно меньше или вообще не говорить о себе, и всё, что сказано выше, сказано только затем, чтобы дать несколько живых штрихов к портрету очень остроумного, обаятельного и необыкновенно талантли-

вого в человеческом общении Леонида Аронсона. Он никогда не был, что называется, всеяден, и мы, совсем тогда юные, интересовали его как новые люди, еще неизвестные ему своим, именно нашему возрасту присущим, складом. Мы были для него новостью, шире, как говорится, – новым, а к новому Аронсон стремился всегда. Он хотел видеть и знать всё. Характерно его высказывание о любимом им Кафке: «Как это всё знакомо! Скушно читать – словно лежишь в теплой ванне».

Вот его любимые поэты: Пушкин, Державин, Борогатынский, Хлебников, Красовицкий, Заболоцкий. Кажется, он совсем не знал Вагинова, Введенского и Крученых. Почти совсем не знал Хармса. Очень любил *Кротонский полдень* Бенедикта Лившица. Любил Мандельштама и Пастернака. Иногда восторженно, иногда иронично читал Ахматову. Ею и Цветаевой он «переболел» в юности. Знал на память громадное количество стихов. Любил, как всем понятно, поэтов-графоманов. С восхищением повторял строки Анаевского:

*Полетела роза,
На зердутовых крылах,
Взявши вертуоза, –
С ним летит в его руках.*

Очень любил бабочек и рыб. Набокова не любил.

Аронсон был очень музыкален. На магнитофоне были записи Майлз Дэвиса и Рэй Чарлза (это то, что я помню точно). Очень любил итальянское барокко. Восхищался *Итальянским концертом* Баха (*Глен Гульд – судьбы моей тапер / играет с нотными значками*).

Не умея рисовать, Аронзон начал в 1966 году писать маслом и написал великолепный автопортрет. Рисовал очень смешные и выразительные карикатуры. А какими чудесными размывками оформлена рукописная книга *Ave!*

Еще одной его страстью был кинематограф. Особенно он восхищался гениальным фильмом *Чайки умирают в гавани* и Бергманом.

Моби Дик и Гоголь почитались им едва ли не как Библия.

***

Вот, я уже прожил на много лет больше Лёни. Но я с каждым годом всё чаще думаю о нём с тоской и любовью. Мне выпало громадное счастье знать и быть другом такого замечательного человека и поэта, как Леонид Аронзон. Я необыкновенно горд тем, что мне посвящено несколько его стихотворений – и среди них такое лестное, как

*Мы – сударь, и, нас гоня,
брега расступятся, как челядь,
и горы нам запечатлеют
скачки безумного коня.
И на песке озерных плесов,
одетый в утренний огонь,
прекрасноликий станет конь,
внимая плеску наших весел.*

II

Нам известно более двадцати так или иначе зафиксированных заметок и статей об Аронзоне. Часть их – либо краткие биографические справки о поэте, либо «вводки» к публикациям его произведений; большинство остальных носит воспоминательно-упоминательный характер. Собственно поэзии Аронзона посвящены только пять интересных работ, это (в хронологическом порядке): часть статьи Виктории Андреевой *В «малом круге» поэзии*¹, выступление А.Б. Альтшулера на вечере памяти поэта в 1975 г.², *статья об Аронзоне* Елены Шварц³, комментарий С.В. Дедюлина к двум стихотворениям⁴ и выступление Р. Топчиева *Леонид Аронзон: Память о рае*⁵.

Впервые о самом существенном в поэзии Леонида Аронзона сумела сказать (правда, очень робко) В. Андреева: «...Аронзон⁶ оставался ... поэтом внутреннего уединения, погруженным в созерцание «пейзажей своей души»... В его стихах, как, впрочем, и в чертах его лица всегда чувствовался отзвук «зазеркалья», того смещенно-

---

¹ *Аполлонь-77*. – Париж, 1977, с. 95–96.

² 37: № 12. – Л., 1977, осень, с. 48–50.

³ *Там же*, с. 113–115.

⁴ *Стихи ленинградских поэтов об Анне Ахматовой* / Собрал и прокомментировал С.Д. – В печати.

⁵ Рукопись. – Изложение выступления опубликовано в заметке М. Г. *Памяти Леонида Аронзона*. – *Часы*: № 27. – Л., 1980, сент.–окт., с. 296–298.

⁶ Такова орфография В. Андреевой и редакторов-составителей альманаха!

го мира, который мучительно тревожил поэта». Далее она продолжает совсем уже неверно: «Желание проснуться, выйти из сомнамбулического оцепенения действительности – его настоящая тема» (95)⁷. Гораздо точнее (мы во многом следуем за ним в своих рассуждениях) поставил вопрос о «внутреннем» мире поэта Рафаил Топчиев: главное, – говорит он, – то, что Аронзон «знал что-то очень важное и о многом рассказал нам. И вот одна из таких важных вещей – это память о рае. У поэта есть прямые признания, что он был там. Образы, запечатлевшиеся в его памяти, воссоздают его стихи»⁸. Далее, постоянно называя мир поэта *раем*, Топчиев четко, кратко и с большой тонкостью характеризует его и описывает его обитателей (см. ниже наше возражение), природу и топографию. Не вступая в бесцельный спор с автором выступления, которое мы, повторяем, очень высоко оцениваем, скажем только, что предпочитаем называть мир, воссозданный в творчестве поэта, не раем (ср. заметку Р. Пуришинской, где сказано то же слово, однако с совершенно иной интонацией и, следовательно, смыслом), а *миром-пейзажем* (или *пейзажем-миром*)⁹.

Мой мир такой же, что и ваш... –
писал Аронзон в 1970 году, –

---

⁷ Здесь и далее страницы указанных публикаций даются в тексте.

⁸ Выступление Р. Топчиева цитируется по рукописи, любезно предоставленной нам Р. Пуришинской.

⁹ Здесь кажется неуместным рассуждать о религиозном смысле творчества Л. Аронзона и о его взаимоотношениях с Богом. Скажем только, что он, как и всякий подлинный поэт, глубоко чтит Бога-Творца и ощущал свою нерасторжимую с Ним связь. Да и какое вообще истинное творчество возможно без веры, в какой бы форме она ни существовала?..

*тоска – тоска, любовь – любовь,
и так же снег пушист,
окно – в окне, в окне – ландшафт,
но только мир души.*

Этот мир-пейзаж, как отмечалось нами в примечаниях, впервые предстает перед нами в полном, развернутом виде в *Послании в лечебницу*, медленно, как проявляющийся фотографический отпечаток, проступая сквозь начальный пейзаж *пасмурного парка* и одновременно сливаясь с ним¹⁰. Добавим, что этот пейзаж при этом – изображение имени автора послания, которое рисует на сыром песке его подразумеваемый герой-адресат. Здесь следует сказать о характернейшей для Аронсона теме, которая проходит через всё его творчество, начиная с самых ранних стихотворений, – тема подобья, отраженности. Вначале эта тема (формулируясь самим автором как *нетленная жажда подобья* и *язык отраженья*) сводилась в конечном счете к зеркалам¹¹; после 1964 г. зеркала теряют постепенно свою особую привлекательность и становятся обыденными предметами, вещами рядового обихода. В позднейших стихотворениях тема подобья и отраженности замещается темой множественности, всего во всем (ср.: *А я становился то тем, то этим, то тем, то этим, / чтоб меня заметили, / но кто увидит чужой сон?; Чем не я этот мокрый сад под фонарем...?; Мне ли забыть, что земля внутри неба, а небо – внутри нас? и, наконец, всё – лицо: лицо – лицо...).*

---

¹⁰ Несколькими днями раньше поэт, сравнивая с будущим миром-пейзажем *чистое утро апреля*, определяет его как *то, о чем я не помню*.

¹¹ Ср. в стихотворении Комарово (начало 1964 г.): ...кажется, умрете вы сейчас, / и зеркало оставит всё, как есть...

По Топчиеву, мир поэта «населяют легкие, летучие, подвижные существа..., четвероногие – редкость». Однако это не так или, по крайней мере, не совсем так. Наряду с бабочками и другими многочисленными насекомыми одним из постоянных обитателей мира-пейзажа Леонида Аронсона является такой конкретный (и, в контексте стихотворений, чаще всего неподвижный) персонаж, как конь, причем ни в коем случае не *Конь – бабочка... Таинственная лошадь-стрекоза* Анри Волохонского. Конь Аронсона всегда сопряжен с лесным берегом ручья или озера (*Будут кони бродить и, к ручью наклонясь, смотреть; ... вот кони бегут; ... красный конь свое лицо / пил, наклонясь к воде лесной*. Ср. также приведенное тремя страницами выше восьмистишие 1965 года). Иногда конь замещается лосем: *... здесь (на том же берегу, – В.Э.) мог бы чащи этой лось / стоять, любя свою печаль*; интересен и, так сказать, «обратный ход»: *дева ... к водам голову склоня, / в них видит белого коня*.

Таким образом, точнее было бы определить персонажей и обитателей мира-пейзажа Леонида Аронсона как существа изо- и антропоморфные, довольно свободно видоизменяющиеся, а точнее – иногда являющиеся автору-наблюдателю в виде зыбком, не вполне отчетливым и ясным (например: *что там, дерево ли, конь / или вовсе неизвестный?*). При этом и обитатели, и детали мира-пейзажа поэта, повторяем, весьма конкретны и воплощены автором в прямом смысле этого слова. Аронсона вообще свойственна в очень большой мере конкретность образа, его материализация, – так самое невещественное, прямо определяемое или, по крайней мере, осознаваемое автором

как видение, приобретает сначала видимость (*Стали зримыми миры, / что доселе были скрыты*), а затем и вес, плотность, даже запах. Такую материализацию можно проследить в пределах всего лишь двух строк: *Чей там взмах, чья душа, или это молитва сама?* – здесь происходит наглядное, на наш взгляд, нарастание, уплотнение и, наконец, воплощение образа: *вершину холма украшает нагое дитя!*¹² Следует также заметить, что мир-пейзаж, конкретноматериальный в поздних стихотворениях, виделся поэту и много раньше, где он воспринимался, однако, еще как своего рода декорация в мире «обыденном», едва сквозь него проступая: *И в отраженьях бытия – / потусторонняя реальность, / и этой ночи театральность / превыше, Господи, меня.*

Мир-пейзаж поэта (и это одновременно личный мир Леонида Аронсона) был осознан им не сразу. В ранних стихотворениях лирический герой любит пейзажем, ландшафтом природы (это всё те же лесной берег, поляна и ручей, холмы и озёра: *моей души пространство...*) и описывает его в традиционной, в основном, манере; чуть позже (почти одновременно с «пейзажными» стихотворениями) начинает настойчиво звучать тема социального, если можно так выразиться, положения человека в мире, причем здесь мы видим чаще всего противостояние человека окружающему миру, данному опять-таки теми же пейзажами, но только едва намеченными, упоминаемыми как бы вскользь. Этот, «социальный» период практически

---

¹² Ср.: Там, где девочкой нагой / я стоял в каком-то детстве (выделено нами, – В.Э.).

почти не вычленяется из лирики поэта и очень скоро сменяется новым «пейзажным» периодом, где человек и природа связаны друг с другом уже неразрывно¹³.

Весной 1967 года во вступлении к неоконченной поэме *Качели* поэт признаётся:

*я отношусь к писанью строго
и Бога светлые слова
связую, чтобы тронуть вас*

и ставит себе задачу

*идти туда ...
где только Я передо мной,*

чтобы

*внутри поэзии самой
открыть гармонию природы.*

Очень точно говорит о поэзии Аронзона его ближайший друг и поэт Александр Альтшулер. Характеризуя его поэзию как поэзию состояний, он говорит, что его поэзия и жизнь «прошла не просто в словах, она прошла в каком-то состоянии, для которого слова оказались малы, — эти слова натягивались» и далее — «в последнем чтении его стихов — такое впечатление, что он эти слова натягивает на всю жизнь человеческую..., стараясь в словах увидеть весь простор человеческой души, ...здесь была какая-то протянутая доброта человеческой души» (49)¹⁴. Это состояние поэта,

---

¹³ В этих заметках мы часто упоминаем и цитируем ранние стихотворения (до 1964 г.), однако поэтика раннего творчества Аронзона, конечно же, заслуживает специальной работы, поскольку составляет в своем роде совершенную и замкнутую систему.

¹⁴ В указанной публикации дан исправленный текст стенограмм вчерашнего (кроме одного выступления, написанного его автором заново спустя два года); мы приводим выправленный текст.

эту жизнь в двойном – этом и своем мире (мире-пейзаже) – Р. Топчиев очень удачно определил в своем выступлении как *инобытие*. Именно описаниям *инобытия* посвящено всё позднейшее творчество Леонида Аронзона¹⁵.

Необычное в этих описаниях начинается с точки местонахождения героя-наблюдателя (точнее, созерцателя¹⁶) стихотворений. Иногда поэт находится в центре пейзажа, иногда он наблюдает самого себя, находящегося в пейзаже, а иногда создается впечатление, что автор видит себя, наблюдающего свой собственный сон (ср.: *...как бы видя резвый сон, / я молчалив был и спокоен*), в котором герой-автор видит себя, видящего себя, помещенного в центр пейзажа. Уже давно традиционным стало мнение, что сны кинематографичны, – очень часто можно услышать фразу вроде «Мне сегодня показывали чудный сон». Мы не хотим сказать, что мир-пейзаж являлся поэту в неких сновидческих состояниях¹⁷, нет, этот мир-пейзаж был очень конкретен

---

¹⁵ Ср. в выступлении А. Альшулера: «... единственным чтцом этих стихов мог являться только Лёня, и то – когда он читал, он многое привирал, потому что не мог прочесть то состояние, которое вообще находилось за этими стихами» (49–50).

¹⁶ Отметим позу героя-созерцателя – это чаще всего русская медитативная поза: герой лежит или полулежит на берегу, в траве лесного пейзажа, иногда в кресле: *Так обратясь к себе лицом, / лежал он на песке речном; Оставь лежать меня в бору / с таким, как у озер, лицам; Я синей лодкой на песке / улегся в трех озер осоке; Себя в траве лежать оставив, / смотрю...; Полулежу. Полулечу; сам в кресле дельты развалюсь* и мн. др.

¹⁷ Сны – совершенно особая тема, их часто наблюдают персонажи как ранних, так и поздних стихотворений Аронзона. Добавим, однако, что эти особые состояния поэта, даже несмотря на его же собственные слова *...но кто увидит чужой сон?*, не следует связывать с хорошо обьеженной и навязшей у всех на зубах бабочкой из *Чжуанцзы*.

и материален, в нем поэт творил свое *инобытие* и в нем скрылся от нас навсегда...

Подчеркиваем только, что мир поэта – очень кинематографичен.

Характернейшей чертой мира-пейзажа Аронзона является его полная тишина (*Как тихо в темной тишине...*), которую автору иногда хочется нарушить: *озвучить думами и слогом или, обратясь глазами к тишине, / цитировать «Пирры» и «Запустенья»*¹⁸, настолько она напряжена (ср. в сонете 1968 г., где описывается полуночное бдение героя: *томя сознание, падает паук, / свет из окна приобретает шорох* – выделено нами, – В.Э.). Напомним. что немой фильм-пантомима для актера и кинокамеры Алана Шнайдера и Сэмюэля Беккета также озвучен в своей первой части записанным на звуковую дорожку шорохом, шуршанием, непрерывно длящимся на одной ноте; вторая и третья части *Фильма* идут беззвучно).

В то же время нельзя сказать, что «мир Леонида Аронзона – тишина». Поэт часто описывает тишину, но, говоря его же словами, *Не сю, иную тишину*. Иногда эта – *иная тишина*, тишина его мира-пейзажа – определяется поэтом как *молчание* (ср. раннее: *и долгое молчание кругом*), причем молчание, которое *Есть между всем и – есть матерьял для стихотворной сети*, где *слово – нить* (однако также *заполненное молчаньем*), с помощью которой блоки или куски молчаний сшиваются в одно целое!

Хотя в своем последнем прозаическом сочинении *Ночью пришло письмо от дяди...* автор пишет, что *буль-*

¹⁸ Соответственно поэма и элегия Евгения Боратынского.

варный вопрос о музыке и тишине *решился в пользу тишины*, однако музыка также постоянно присутствует в мирепейзаже поэта от раннего *чистое утро апреля... / подобное арфе* до позднейшего *Глен Гульд – судьбы моей тапер*¹⁹.

Если заумь можно, по нашему мнению, определить как метаязык, то звуки тишины мира-пейзажа – музыку, голоса, пение – надо трактовать как мета- и одновременно празвуки, звучащую память о них. Кажется, поэт попал в мир, откуда приходят к нам эти голоса, пение, музыка, – звуки, которые мы вспоминаем, не слышав их раньше, и которые слышали до того, как услышали их²⁰. Иными словами, это было состояние, в котором *...прежде губ уже родился шепот*²¹ – именно так возникали и жили звуки в *иной тишине* поэта. Более того, именно они-то и были ею: *Меч о меч – звук*. При этом слова для Аронсона приобретали самое существенное – молчание, окрашенное интонациями; если он и вел в своем *инобытии* речь, то интонациями – наиболее значимым, наиболее информативным для него видом высказываний: *Передо мной столько интонаций того, что я хочу сказать*, – признается поэт, – *что я, не зная, какую из них выбрать*, – *молчу* (ср.: *Сегодня я целый день проходил мимо одного слова*).

Используя еще одно известное название, можно опре-

---

¹⁹ Здесь, конечно же, имеется в виду его исполнение *Итальянского концерта* Баха с замедленным, с такими невероятными паузами *Adagio*, что невольно начинает казаться, что слушаешь *Звещающую тишину* или отрывки из *4'33''* Кейджа.

²⁰ Ср.: Природы дарственный ковер / в рулон скатал я изначальный (выделено нами, – В.Э.) и, с другой стороны, Я... узнал то, что люди узнают только после их смерти...

²¹ О. Э. Мандельштам. *Восьмистишия*, 6.

делить творчество Леонида Аронзона словами «Мир как красота». Действительно, в его стихотворениях то и дело встречаются эпитеты *чудесный, красивый, прекрасный* и их синонимы: *...о день чудесный; Как летом хорошо – кругом весна!; ...озёр, / красивых севером...; Снег освещает лиц твоих красу; Река... / красиво в воздухе висит, / где я... / смотреньем на неё красив; ...и ты была так хороша; некий чудный сад; о, как прекрасной столь решиться быть смогли вы...*, наконец, – *Боже мой, как все красиво...* Поэту свойственно приходиться в восхищение²² (ср.: *И я восхитился Ему²³ стихотворением*), пребывать в высшей его точке, – однако восхищение сменяется отчаянием: *Нет в прекрасном перерыва. / Отвернуться б, но куда? – и он признаётся: Качели, – сказал дядя, – возносили меня и до высочайшей радости и роняли до предельного отчаяния ... всякий раз крайнее состояние казалось мне окончательным. Ему хочется «остановить мгновение», когда прекрасного нет, / только тихо и радостно рядом.*

... Знаете ли вы последнее, что сказал дядя: «Качели оборвались: – перетерлись веревки».

Остановимся ненадолго на языке поэта. Стихи Аронзона наполнены как реминисценциями и аллюзиями, так и прямыми (иногда, впрочем, видоизменёнными) цитатами. Так, например, стих *Там я лечу, объятый розой*, – конечно

---

²² Это восхищение дышит во многих стихотворениях поэта. Так Э.С. Сорокин признаётся, что ему «уже много раз хочется быть девушкой, читая сонет *Неушто кто-то смеет вас обнять...*, который поэт написал, «восхитившись» красотой одной общей знакомой (37, с. 47).

²³ Т.е. Господу. См. выше, примеч. 9.

же, «заимствован» из приведенного выше четверостишия А.Е. Анаевского. В следующих заметках, посвященных поэтике Аронзона, мы попытаемся не только подробно проанализировать его язык, но, в частности, и рассмотреть проблему *чуждого слова* в контексте его произведений. Сейчас же мы хотели бы отметить только три положения.

Несмотря на кажущуюся «велеречивость», по определению Э.С. Сорокина (37, с. 47), язык поэта тяготеет к лаконизму и простоте. Длинные, распространенные предложения ранних стихотворений (некоторые из них состоят всего лишь из одной – ! – фразы²⁴) постепенно сокращаются в краткие, приобретая чуть ли не лапидарность. Напряжение ранних стихов, создаваемое напором, водопадом бьющей словесной массы, превращается в напряжение пауз между фразами и даже отдельными рядом стоящими словами (собственно, именно об этом и сказано в сонете *Есть между всем молчание. Одно...*). Повторяем, язык поэта стремится к лаконизму, обнищанию²⁵. Так, например, строка стихотворения *Что явит лот, который брошен в небо...* полтора года спустя записывается в виде отдельного однострочия:

Я пла́чү, думая об этом.

В поэтическом словаре Аронзона останавливают вни-

---

²⁴ Отмечено С.В. Дедюлиным (см. примеч. 4).

²⁵ Невольно вспоминается гениальная евангельская ремарка Введенского: *Уважай бедность языка. Уважай нищие мысли* (А.И. Введенский. Полн. собр. соч. – Анн Арбор: Ардис, 1980, т. 1, с. 142). Отметим, что у Аронзона и Введенского есть немало точек соприкосновения, о чем мы уже упомянули несколько лет назад (37, с. 43), однако это совершенно особая тема, на которой мы не будем сейчас останавливаться.

мание некоторые слова-иероглифы²⁶. Таковы часто встречающиеся слова *дева* (также *жена*), *лицо* (*лик*), *небо* (*небеса*), *пленэр* (*пейзаж*), *ручей* (также *река*), *свеча* и *холм* (иногда замещается *горами*). Очень интересен случай, если можно так выразиться, иероглифа в квадрате: *...мои глаза лица / увидели безоблачное небо, / и в небе молодые небеса* (выделено нами, – В.Э.).

В приведенном примере присутствуют также такие излюбленные поэтом приемы, как инверсия (иногда такая сложная, как *Всё ломать о слова заостренные манией копыя*) и тавтология (*...посмеющего сметь*), которыми он широко пользуется и в шуточных, и в «обычных» стихотворениях. Эти приемы, а также нарочитое смешение высокого и низкого стилей позволяли автору вводить в свои произведения особого рода остранение, которое он сам определял как *юмор стилия*. Этот *юмор стилия* Аронзон находил у многих поэтов-предшественников, начиная от А.К. Толстого и кончая Заболоцким (друзей Заболоцкого по *ОБЭРИУ* поэт, как мы уже отмечали, почти не знал).

---

²⁶ Термин иероглиф, предложенный в начале 30-х гг. Л.С. Липавским, обозначает многозначные в поэтике автора слова, всегда им употребляемые с постоянным подразумеваемым контекстом. Этот термин введен в научный обиход Я.С. Друскиным в его работе *Звезда бессмыслицы*, посвященной сочинениям Введенского (см. комментарий к ним М. Мейлаха: А.И. Введенский. Указ. соч., т. 2, 1984). – Подобные построения проводятся в последние годы Е.А. Шварц, выявляющей сходные словокомплексы, определяя их как стихии, которым подчинено всё творчество поэта. Так, в *Статье об Аронзоне* она пишет: «...стихия выбирает себе поэта, как ветер ищет дымовую трубу, чтобы гудеть, а не труба ветер... Холм и свеча у него одновременно символы и любви, и смерти. Он поэт смерти в облики любви» (113). Стихиями двух других поэтов являются, по её мнению, вода – для М.А. Кузмина и одежда (платье) – для А. Кушнера...

Вот несколько примеров юмора *стиля* в его стихотворениях: *Гудя вокруг собственного У, / кружил в траве тяжёлый жук, / и осы, жалая глубь цветка, / шурашали им издалека; Вокруг меня сидела дева, / и к ней лицом, и к ней спиной / стоял я, опершись о древо; ...опять спуститься в сад, / доселе никогда в котором не был; Весь день бессонница. Бессонница с утра...; В часы бессонницы люблю я в кресле спать; ...лицо жены, а в нем её глаза; Резвится фауна во флоре, / топча её и поедая; Погода – дождь. Взираю на свечу, / которой нет; ...стояло дерево – урода; В рай допущенный заочно и, наконец, ...в пустом гробу лежит старуха вина²⁷...*

Мы коснулись в этих заметках в основном только одной, главной, на наш взгляд, темы творчества Леонида Аронсона. Эта тема, конечно, всего его творчества не исчерпывает: за пределами статьи остались, в частности, ранние стихотворения поэта, которые, как мы уже отметили, сами по себе заслуживают детального разбора. Приводя иногда немногочисленные примеры из них, мы только слегка осветили истоки той основной темы, которую рассматривали выше. Мы ничего не сказали о формальной стороне поэтики Аронсона, о её традиционной (при этом взрываемой, разрушаемой изнутри) основе и о его экспериментах в области, условно говоря, авангардной поэтики. Ничего не сказано о проблеме времени в творчестве поэта, о его литературных взаимосвязях; наконец, ничего не сказано и о его шуточных стихотворениях и стихотворениях, обращенных к друзьям²⁸ (мы предполагаем опубликовать

---

²⁷ Т.е. пиковая дама из одноименной повести А.С. Пушкина (1799–1837).

²⁸ Не можем не привести крайне возмутительное и бесцеремонное

их позднее). Все эти темы будут разрабатываться нами в последующих статьях.

В заключение следует сказать о творческом наследии поэта. Помимо главного – стихотворений, – Аронзоном написано несколько драматических сочинений и около пятидесяти прозаических. Начиная с 1966 года, он писал стихи для детей и написал их около ста. Из шести почти сотен стихотворений и двух десятков поэм (некоторые из них также написаны в драматической или, по крайней мере, диалогизированной форме), около двухсот не окончены, несколько написаны в расчете на опубликование в официальной печати, около пятидесяти также носят случайный характер. Несомненную ценность (литературную прежде всего) имеют его записные книжки и многочисленные заметки для себя.

В последние годы сложился некий «устоявшийся» набор стихотворений поэта. Самая обширная его подборка составлена Е.А. Шварц и издана отдельным изданием²⁹. Однако, хотя «достаточно беглого знакомства с поэзией Аронзона, чтобы вынести неизгладимое впечатление цель-

---

по своему тону высказывание В. Андреевой: «Аронзон жил в замкнутом кружке близких дому людей, в котором были тесные, даже несколько душевные отношения (?! – В.Э.) – понятные только здесь шутки, намеки, ассоциации, стихи (?! – он же), адресованные друг другу шуточные послания» (95). С другой стороны, мы должны быть благодарны ей за приведенную замечательную фразу Анри Волохонского об Аронзоне: «Был он, особенно к концу жизни, очень красив» (там же).

²⁹ Л. Аронзон. Избранное. – Л., 1979. – 58+3 с. (Лит. приложение к журн. *Часы*). – В книгу (машинопись) входит всего лишь 42 стихотворения, *Запись бесед* и два прозаических текста.

ности, стройности, ясности, красоты» (Р. Топчиев), следует всё же помнить четверостишие самого автора

*Как стихотворец я неплох.
Всё оттого, что, слава Богу,
хоть мало я пишу стихов,
но среди них прекрасных много!*

и не забывать его при составлении новых подборок и, тем более, книг поэта.

Еще одно замечание. В разные годы Аронзон неоднократно составлял списки своих стихотворений, последний из них был составлен им летом 1970 года. В этот список включено 65 стихотворений, цикл *Запись бесед* и 5 поэм. Из всех этих произведений только два-три, может быть, несколько уступают остальным. По крайней мере, мы имеем последнюю авторскую волю поэта, которая во все времена служила и будет, надеемся, служить законом, преступить который нельзя. К этому списку можно (и нужно!) добавить те или иные стихотворения (в частности, такие пропущенные автором шедевры, как *Горацио*, *Пилад*, *Альтишулер*, *брат...*, *Вокруг лежащая природа...* и *Несчастно как-то в Петербурге...*), но убавить – нельзя ничего.

1982; январь-февраль 1983

Приключение

Я вышел из дома около пяти часов вечера. Помню, что у ворот стояла лошадь и что-то жевала. Как это представить? Скорее всего, был вечер, но, может быть, ещё и не был. Пять часов какого-то дня – три дня назад или три дня спустя. Нет, кажется, уже неделя или даже дней десять... Все эти дни, что я провёл здесь, странным образом проходили один на другой – точь-в-точь как сегодня и вчера. Сегодня? я не уверен. Обидно, что с первых же слов начинается путаница... Начну снова. Я посмотрел на часы и заторопился выйти, чтобы успеть к назначенному времени. Быстро спустился по лестнице, заглянул в почтовый ящик, потом, как всегда, вспомнил, что забыл дома блокнот (я сейчас пишу в этом блокноте), и мне пришлось возвращаться. Вернувшись, увидел лежащий на столе блокнот и папиросы на нём – их я тоже, оказывается, забыл. Блокнот я положил в портфель, папиросы в карман и вышел снова. В почтовом ящике ничего не было. Выйдя на улицу, я встретился взглядом с лошадью. Она что-то жевала. Я ещё раз посмотрел на часы, но тут же забыл... нет, это я сейчас не помню, который был час. Мне кажется – сейчас, – что была то ли половина, то ли четверть пятого. Нет, кажется, без четверти... Не могу быть уверенным.

Вчера (или позавчера?) я забыл завести часы, и теперь они стоят. Сейчас, должно быть, вечер. Хотя – кому как. Мои часы стоят и показывают одно и то же время: без семи минут девять. Когда они остановились – вечером или утром? *Здесь* важно быть точным. Я помню, что заводил

их... Нет, впрочем, не помню. Я уже сказал, что вчера, сегодня и завтра очень трудно... нет, невозможно различить. Это надо было понять много раньше. Так когда же остановились часы? Трудно сказать. Скорее всего, вчера или три-четыре дня назад.

Июль 1978

Перечень существ и растений, населяющих произведения Владимира Эрля (в том числе и написанные в соавторстве)

В нижеследующем перечне не рассматривались прозаические сочинения, написанные после 1970 года, и, разумеется, всевозможные заметки, комментарии и т.п.

Поскольку перечень не является частотным словарём, то или иное наименование, повторяющееся (иногда более двух и трёх раз) на протяжении одного произведения, учитываются как *одна единица*.

Варианты словарных единиц даются в скобках.

Часть первая Высшие существа

Кот (ангел Фергус; Кот Епифан; Котёнок; Коты; Котята; собрат Фома): 14

Кошка (Кошки): 8

Часть вторая Представители Фауны

1. Гады

гад (гадины): 2

гадюка: 1

головастик: 1
змеи: 1
крокодил: 1
лягушка: 3
рептилия: 1
уж (ужи): 2
червь: 2
черепаха: 1
ящерица: 1

2. Грызуны и другие звери

бобры: 1
гамадрил: 1
гриб (сыроежка): 5
ёж (ежи): 5
зайцы (зайчик; зайчики): 3
кроты: 1
крыса: 1
леший: 3
мартышка: 1
мышь (мышка): 5
русалка: 2
слон: 2
твари: 1

3. Летучие представители

аист: 1
воробей: 4
ворон (вран): 5
ворона (вороны): 7

выпь: 1
голубь (голубка; голубок): 7
грачи: 1
грифы: 1
дятел: 5
жаворонок: 2
журавль: 1
зяблик: 1
индюк: 1
кукушка (хототогису): 2
куры (кур; петел; петух): 8
ласточка: 1
лебедь: 4
нетопырь: 2
орлан: 1
орёл: 8
павлин (пава): 3
птица (птахи; пташка; птенец; птичка; птицы): 40
сова: 1
сокол: 2
соловей: 5
сорока: 3
стая (стаи): 2
утки (селезень; утёнок): 6
филин: 1
цапля: 2
чайка: 3
чиж: 1

4. Млеконепарнокопытные

конь (зебра; кобыла; лошадь; Пегас; пони; Цилин): 32
носороги: 2
осёл: 1
тапир: 5

5. Насекомые

бабочка: 3
букашки: 2
вши (гниды): 3
жук (жужелицы; жуки водяные): 4
клопы: 1
комар (Кикимор; комары): 5
микробы: 1
муравей (муравейник): 3
мухи (муха): 6
оса: 1
паук (пауки): 5
пчела (пчёлка; пчёлы; шмель): 6
рой: 1
слепень: 1
сороконожка: 1
стрекоза: 3
таракан: 3

6. Парнокопытные млекопитающие

бараны (агнец; барашек; овцы; ягнёнок): 6
бегемот: 6
верблюд: 4

живность: 1
животные: 1
жираф: 2
коза (козёл): 7
корова (бык; коровы; лось; стадо; телёнок;
тельцы; тур; як): 21
олень (олени): 5
свинья (боров; вепрь; кабан; хряк): 10

7. Плавающие-путешествующие

дельфин: 1
карась: 3
кит: 1
кобзда: 1
креветка: 2
моржи: 1
окунь морской: 1
рак: 1
рыба (рыбы): 15
сардины: 1
сельдь (селёдка): 3
сом: 3
треска: 1
щука: 2

8. Хищные звери

барсы: 1
волк: 2
выдры: 1
зверь (звери): 4

лев (львы): 5
лисица: 2
медведь: 1
собака (пёс): 5
хорёк: 1
шакал: 1

Часть третья Представители Флоры

1. Деревья, кустарники, лианы, а также их плоды, детали и сообщества

акации: 1
апельсин: 2
берёзы: 4
ветви (ветка): 13
виноград: 1
вишни: 1
вяз: 1
дебри: 1
дерево (деревá; деревья; древо): 21
дуб (дубрава): 8
ель (ели): 7
заросли: 2
ивы: 4
кактус: 2
кипарис: 1
клён: 2

клюква: 1
корни (коренья): 4
кусты (кусты; кустарник): 14
лавры: 1
лес (лесá): 30
лимоны: 1
липы: 1
лист (иглы; листва; листы; листья): 30
лужайка: 1
малина: 1
мандарин: 2
ольха: 1
осина: 5
папоротник: 1
парк: 2
перелески (пролески): 2
плющ: 4
померанец: 2
поросль: 3
растенья: 2
роща: 3
рябина: 1
сад (сады): 17
сирень: 2
слива: 1
сосна (бор; сосны): 16
ствол (стволы): 3
сучья: 1
тёрн: 1
урочище: 1

хурма: 1
цитрусы: 1
яблони (яблоко): 4

2. Злаковые, корнеплоды и другие овощи

брюква: 1
капуста: 4
картофель (картошка): 5
ковыля: 1
колос (колосья): 3
морковь: 2
мякина: 1
овёс: 1
огурец (огурцы): 9
поле (поля): 18
помидор (помидоры): 4
просо: 1
редиска: 1
тростники: 1
ячмень: 1

3. Трава, цветы и ягоды

арбуз: 5
васильки: 1
водоросли: 1
горох: 1
дыня: 1
завязь: 1
земляника: 1
клубника: 1

лепестки: 1
лилии: 3
луг (лугá): 4
мак (маки): 2
морошка: 1
мох: 2
незабудки: 1
околоплодники: 1
осока: 2
роза: 7
ромашки: 1
семенники: 1
соцветья: 1
соя: 1
стебель: 1
тмин: 1
травá (травка; тра́вы): 44
цветок (цветочек; цветы): 10
чечевица: 1
ягодка: 2

Приложение

Вспомогательный тезаурус

агнец → *бараны* (Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)

ангел Фергус → *Кот* (Часть первая. Высшие существа)

боров → *свинья* (Часть вторая. Парнокопытные)

млекопитающие)

бык → *корова* (Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)

вепрь → *свинья* (Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)

гниды → *вши* (Часть вторая. Насекомые)

Епифан → *Кот Епифан* (Часть первая. Высшие существа)

зебра → *конь* (Часть вторая. Млеконепарнокопытные)

иглы → *лист* (Часть вторая. Деревья, кустарники, лианы...)

кабан → *свинья* (Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)

Кикимор → *комар* (Часть вторая. Насекомые)

кобыла → *конь* (Часть вторая. Млеконепарнокопытные)

Кот Епифан → *Кот* (Часть первая. Высшие существа)

лось → *корова* (Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)

овцы → *бараны* (Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)

Пегас → *конь* (Часть вторая. Млеконепарнокопытные)

пёс → *собака* (Часть вторая. Хищные звери)

петух → *куры* (Часть вторая. Летучие представители)

пони → *конь* (Часть вторая. Млеконепарнокопытные)

селезень → *утки* (Часть вторая. Летучие представители)

собрать Фома → *Кот* (Часть первая. Высшие существа)

сыроежка → *гриб* (Часть вторая. Грызуны и другие звери)

телёнок → *корова* (Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)

тельцы → *корова* (Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)

тур → *корова* (Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)

Фергус → *ангел Фергус* (Часть первая. Высшие существа)

Фома → *собрат Фома* (Часть первая. Высшие существа)

хототогису → *кукушка* (Часть вторая. Летучие представители)

хряк → *свинья* (Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)

Цилин → *конь* (Часть вторая. Млеконепарнокопытные)

шмель → *пчела* (Часть вторая. Насекомые)

ягнёнок → *бараны* (Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)

як → *корова* (Часть вторая. Парнокопытные млекопитающие)

*Составил Э. Шамуэй
Март 1997*

Разъяснения к документальной повести «В поисках за утраченным Хейфом»

– Вчера я думал об одной героине, – продолжал Свистонов. – Я взял Матюринова «Мельмота Скитальца», Бальзака «Шагреновую кожу», Гофмана «Золотой горшок» и состряпал главу. *Послушайте.*

Основные печатные источники:

– романы Евг. Пермяка «Горбатый медведь», Залыгина «Солёная пядь» и то ли Никулина, то ли Котова «Мёртвая зыбь» в журнале «Москва» 1964–1965 годов (в эти же годы увидели свет «Ловушка...» Жапризо и «Соляной амбар» Пильняка);

– рецензия на Франсуазу Саган (или статья о ней) и др. неопознанные материалы в «Молодой гвардии» этого же времени;

– том из двухтомного романа Н. Шпанова «Заговорщики» (или «Поджигатели?»);

– разные разности

Итак:

с. 5–6 «Апрельские тезисы» известного автора (близко к тексту)

с. 6–7 («думается при встречах ~ личности в другом») дословная цитата, приведенная в «Лит.газете» как образец дурного журналистского слога

с. 7–8 «Объяснительная записка» – подлинный документ, дословно (был вложен в машинописный трактат И.С. Попинако – трактат получен от Миронова, каковой

«изъял» его у В. Смирнова, работавшего в 1966 г. в лаборатории при ун-те, занимавшейся человеческой психикой и связанными с ней вопросами: парапсихологией, ясновидением и т.п.)

с. 8–10 – фрагменты письма к Юрию Шмерлингу от его коммунальной соседки; оригинал (именно в виде фрагментов) был предоставлен мне адресатом

с. 11–12 – дадактически (мой термин, предлагаемый для замены слова «дадаистский») отредактированный Пермяк (Зальгин?)

с. 12 – удостоверение (оторванная часть) подлинное; имя и отчество заменены в 1985 г. на имя и отчество его однофамильца, начальника над котельными лен. телефонного узла, где мы работали вместе с Хананом, Лихтенфельдом и его будущей женой Машей

с. 13 – дадактически отредактированный Шпанов

с. 14 – письмо знакомой Хейфа; предоставлено адресатом специально для рассматриваемого произведения (!). – Слово «Героиня» взято из нижеследующего фрагмента; здесь используется как а) ремарка к письму, б) заглавие главы 7 и – впоследствии – с) подпись к рисунку

с 14–15 (два абзаца) – из рецензии на Ф. Саган (кажется, почти дословно)

с. 15 (третий абзац) – точная цитата (то ли из журнала «Москва», то ли из случайно попавшейся книги)

с. 15–16 («Памятка для ученика...») – дословно воспроизведенный текст; оригинал изъят мною весной 1966 г. с доски объявлений в Гор. заочной школе (каковую я тогда оканчивал)

с. 16 (два адреса) – записанные мною на листочках координаты случайных знакомых

с. 17–18 («франсуа филидор ~ непонятна твоя позиция») – дадактически отредактированный фрагмент из Никулина (или композиция из Никулина и Пермяка?)

с. 18–19 (несколько текстов) – композиция. Первые три фразы и «кода» (шесть строк) то ли из «Москвы», то ли из Шпанова, то ли из какой-то напрочь забытой книги. Абзац «ну а что же...», как будто, из какой-то газетки (ср. замечание к страницам 6–7). Два абзаца («лев косенко...» и т.д.) – набор фраз из а) рекламных листов (кажется, о выставке в Публичке?), б) астрономического журнала (выписано в той же Публичке) и с) попавшейся мне в руки поздравительной открытки

с. 19 – *случайно* попавшееся мне письмо («чуть-чуть» отредактированное)

с. 20–21 – страница из воспоминаний адмирала (?) Бутакова. Оригинал (рукопись) в военно-морской биб-ке; страница перепечатана В.О. Петруниным и предоставлена мне (машинописный листок до сих пор находится в одной из папок моего архива)

с. 21–22 – рекламные листки (см. замечания к с. 18–19)

с. 23 – опять о Ф. Саган

с. 24 (и 25?) – вероятно, из «Мол.гвардіи». Может быть, это позднейшая «псевдопамять», но, кажется, из прозы (очерка?) Юрия Визбора

с. 25 – из какой-то книги (пособия?); см. ниже, замечание к с. 31–32

с. 26 – а) из Визбора? (см. выше); б) из какого-то документа

с. 28–29 – подлинное *случайно* попавшееся мне письмо

с. 30 – дадактическая переработка Пермяка (?)

с. 30–31 – три аккуратно воспроизведенных служебных бланка

с. 31–32 – из школьного учебника географии

с. 33–34 («невозможность... ~ заключается в том») – не-
весть откуда (ах, память!)

с. 34–35 («что не удовлетворяет вас ~ на нашем дворе») – выписки из астрономического журнала (конец 65-го года), озаумленные добавлением ряда фамилий, исторгнутых моим личным головным мозгом, и (как будто) цитатой из другого журнала (опять-таки выписки из журналов на открытом доступе в Публичке). – См. также выше, замечание к с. 18–19

с. 35 («исидро фабела...» – три строки) – цитата из газ. «Известия» (или «Правда»?) 1936 года. – NB! Если не ошибаюсь, газета (или её фрагмент) была мне предоставлена Леонидом Аронзоном специально для рассматриваемого произведения. Аронзоном также для этого же произведения (до начала 1966 г. ещё не имевшего «официального» заглавия и условно именовавшегося «роман [в стиле] поп-арт») был написан маленький прозаический фрагмент, остающийся пока неопубликованным: в, условно говоря, «жестко» организованном тексте этот фрагмент выделялся бы своей стилистикой...

с. 38–39 – кажется, из журнала «Звезда Востока» или другого какого-то (по тем временам вполне «провинциального»)

с. 39–42 – школьный (?) конспект Дм.М. (его рукой);
тщательно воспроизведен

с. 43 (глава 24) – включено в текст в 1970 г. Проза
из материалов, относящихся к занятиям Ириной Месс
Державиным (цитаты никак не редактировались); сти-
хи списаны из рекламных листовок, расклеивавшихся
в трамваях

с. 44 – очень сильно сокращенный Пермяк (или всё-
таки Шпанов?)

с. 46 – два фрагмента подлинных писем (первый – из
случайно мне попавшегося, второй предоставлен мне или
одним из друзей Аронзона или самим Аронзоном специ-
ально для рассматриваемого произведения)

с. 47–48 – подлинное письмо брата Н. Федючки, к ней
написанное

с. 48–50 – («она сама не знала...») – дадактически пере-
работанный Пермяк (?)

с. 51 – из «Молодой Гуардии» (но, может быть, и оторва-
но с гвоздика... NB: «сколько оторвал, столько и прочел!»)

с. 52 – опять же таки о Франсуазе Саган

с. 53 – лично мною написанный текст

Процессы работы обозначены на сс. 53 и 4 (впрочем,
и на с. 54 тоже). Подробнее:

В сентябре 1965-го появился (в то время еще вполне
неопределенный) общий замысел, появились и первые ма-
териалы (так сказать, выписки). На протяжении 1966 года
появилось «официальное» название (ещё без *жанрового*
подзаголовка) и вообще всё довольно активно *писалось*.
К ноябрю работа фактически прервалась. В то время текст

представлял собой ряд законченных фрагментов, перепечатанных на отдельных плотных листах (аналогично «корректуре» первой мироновской книги¹). Порядок фрагментов («кусков») определен не был, так что эти листы корректуры (сложенные в приблизительном порядке) не были ни пронумерованы, ни пропагинированы». Долгое время текст рассматривался как законченное *неоконченное* (такой жанр!) произведение и лежал «под спудом». Снова автор вернулся к нему в феврале 1970 г., добавив два фрагмента («в сборник вошли стихи...», с. 38–39 и «раз сатирик лимонов...», с. 43); вся книга была просмотрена, часть фрагментов была отредактирована (например, «заключение: 32») и перетасована. Таким образом, текст превратился из неоконченного в оконченный.

В 1976 г. текст был издан отдельным изданием (Мга: Палата Мер и Весов). Понятно, что при издании вносились мелкие изменения и поправки; в частности, в первом отдельном издании было введено обозначение глав (нумерация – с пропусками – была выстроена не без учета аналогичной в романе «По ту сторону Тулы». Также текст был разделён на две части (см. с. 33) – аналогия: деление беккетовского романа «Molloy» на *One* и *Two* (в англ. версии, – перевод автора и Патрика Боулза). Именно на этот вариант «поисков...» сергеем сигеем была опубликована в «Транспонансе» рецензия (см. с. 62).

В том же 1976 г. отдельные имена (первоначально обозначенные как «д», «ц» и др.) были заменены для внутреннего комизма на **в.к.** и **т.г.** (т.е. В. Кривулин и Т. Горичева, –

¹ В 1970 году Владимир Эрль подготовил первую книгу стихотворений Александра Миронова «Елохлѣ» ([Л., 1970]).

с. 12 и 17–18; там же: **виктор**), а также на **э.н.** (т.е. Эльвира Наумовна – Элла Липпа, – с. 48–50). На с.11–12 можно обратить внимание на нововведение **а, б и ц** (ср.: *a, b, c*), а на с. 51 сами за себя говорящие литеры **в.г.**

В 1985 г. книга ещё слегка-слегка редактировалась. В основном, это опять-таки введение значимых имён: **борис михайлович** и **анна т.** (т.е. б.м. констриктор и а. таршис [ры никонова], – с. 19); **с** и **ры** (т.е. сигей и ры никонова, – с. 30); «ряд волшебных изменений» претерпело письмо (с. 35–37): поскольку изначально в нём значился **сергей**, то введены **анна** (таршис), **надя** (её сестра, вышедшая замуж за констриктора), **борис** и **малыш** (недавно у них родившийся)...

При подготовке типографского макета в 1994 г. также были сделаны (уже совсем мелкие) изменения – в основном, графические, требуемые компьютерным набором. И, конечно, тогда же текст обогатился «смысловыми галлюцинациями» (иллюстрациями).

Июнь 2004

Ответы на вопросы Марко Саббатини (для журнала «eSamizdat»)

1. Владимир Ибрагимович, когда вы начали писать стихи?

– Я написал своё первое стихотворение ровно за два месяца до своего шестнадцатилетия. Это произошло 15 марта 1963 года сразу после того, как я прочёл в хрестоматии для студентов-филологов три стихотворения Хлебникова и «Слово как таковое» Кручёных. Стихотворение было ужасающее, но авангардное! Позже я писал почти целый год очень плохие стихи (и прозу, между прочим!), «разрабатывая руку». А сочинять *по вдохновению* я стал к лету 1964 года. Тогда же я изобрёл свой псевдоним... Ну и так далее.

2. Вы помните в каком году и при каких обстоятельствах Вы стали постоянным посетителем Малой Садовой?

– Осенью 1964 года мой друг Андрей Гайворонский открыл для нас кафетерий на Малой Садовой. Об этом замечательно написано в его воспоминаниях «Сладкая музыка вечных стихов». У меня тоже есть статья о поэтах Малой Садовой (в словаре «Самиздат Ленинграда»).

3. Публичка, Малая Садовая, Сайгон: в двух словах, что значили для Вас эти места в 1960-е и 70-е годы?

– Как в известном анекдоте об англичанине на необитаемом острове, Малая Садовая была для меня моим домом, Публичка – клубом, куда я хожу, а Сайгон – клубом, куда я не хожу. Хотя, конечно, и в Сайгон мы ходили. Но предпочитали Малую Садовую.

4. Когда вы стали писать так называемые игровые произведения, особенно шуточные и «абсурдные» стихи?

– Практически с самого начала! При этом и в «серьёзной» вещи могла встретиться комическая деталь. Но специально произведения на традиционные и нетрадиционные не делились.

5. Можно сказать, что Вы выбрали для себя и для Вашего творчества в целом, «абсурд как приём»?

– Сказать можно, но вряд ли это будет правильно. Вернее, *не совсем* правильно... Хотя абсурд – великое понятие.

6. Среди поэтов ленинградского андеграунда, кого можно назвать настоящим «абсурдистом» кроме Вас?

– Извините, тут я затрудняюсь. Наверное, «настоящих абсурдистов» вообще нет.

7. Абсурд и заумь: возможно для Вас различить эти две тенденции? Или они принадлежат одному общему приему авангарда?

– И абсурд (а вернее, особая, нетрадиционная логика), и заумь принадлежат авангарду. Но также и модернизму. Любопытно, что Дм. Затонский (исследователь немецкой и австрийской литературы XX века) в статье «Что такое модернизм» предложил разделять понятия «авангард» (истинное передовое искусство) и «модернизм» (грубо говоря, его эпигонство). Статья Затонского была напечатана в сборнике «Контекст-1974».

8. До сих пор слово «Хеленуктизм» – изобретенное Вами в 1966 году – для всех (или для большинства читателей) «загадка». Почему Вы решили не расшифровывать его? Какая анаграмма скрывается в нем?

– А вот такое я загадочное существо!

9. **«Вступительная статейка Хеленуков»** это своеобразный манифест в неподцензурной литературе Ленинграда 1960-х годов и, пожалуй, один из редких манифестов в той среде. Почему в ленинградском андеграунде 70-х и 80-х не было продолжения традиции поэтических манифестов (как в начале XX века), несмотря на особую активность и на разные эстетические вкусы деятелей «второй культуры»?

– Ну почему же? Манифесты писали СМОГисты (раньше Хеленуков), метаметафористы (К. Кедров, М. Эпштейн), московские концептуалисты (Б. Гройс, М. Эпштейн), куртуазные маньеристы (В. Степанцов и В. Пеленягрэ). Многие манифесты опубликованы в книге «Литературные манифесты от символизма до наших дней» (М., 2000). Жалко, что сборник изобилует досаднейшими упущениями: нет манифеста Верпы («Приговор Верпы»), нет «Вступительной статейки Хеленуков», нет статьи Гройса «Московский романтический концептуализм» – и т.д.

10. **Несмотря на то что у Хеленуков был свой манифест, своеобразность каждого поэта очевидна. Выделялись очень разные личности: Вы с Мироновым, например, имели уже в начале 70-х годов разные поэтические взгляды и шли по разным путям. Так же как Хвостенко и Дм. Макринов. Что общего осталось между вами после окончания опыта Хеленуктизма?**

– Алёша Хвостенко вообще, строго говоря, был Хеленуком только титулован. Но нашим другом и учителем он, несомненно, был! А с остальными остался общим только опыт Хеленуктизма. Исключить следует только

Немтинова, к которому вполне применимо определение Вагинова – «выпоротый человек». Молодой Миронов дружил с поэтами Малой Садовой и писал замечательные стихи. Но во второй половине 70-х годов отбился от рук и переметнулся ко всякой швали вроде Кривулина... Хотя и поныне у него встречаются иногда вполне достойные тексты (не без когтей Хеленуктизма!)

11. По каким причинам прекратилось существование Хеленуктов в 1972 году?

– С одной стороны, мы поссорились с Макриновым; с другой, – хотелось чего-то нового... Кроме того я считаю, что прежнее моё творчество (до 1970 года) исчерпало себя.

12. В контексте ленинградского андеграунда, можно выделить главное поэтическое течение (или главную поэтику)? Для Вас существует так называемая «петербургская школа» поэзии?

– Для меня – нет! Хотя «петербургский текст» несомненен. Но к *лучшим* представителям «петербургской школы» относятся как раз не ленинградцы, а саратовский поэт Светлана Кекова!

Константин Кузьминский в своей «Антологии новейшей русской поэзии **У Голубой лагуны**» (т. 4А, с. 198) делит петербуржцев «на эрлезианцев и бродскианцев». Приятно, конечно, но разделение не совсем верное. Вернее, по-моему, было бы делить поэзию на сравнительно традиционную (Бродский, Кушнер, Горбовский...) и *другую* (Волохонский, Аронзон, Соснора...)

13. Глубокое «филологическое» изучение поэтики обэриутов, особенно Хармса, Введенского и

Олейникова начиналось только после окончания опыта группы Хеленуктов и это значит – после 1972 года, несмотря на это в 60-е годы явление «ОБЭРИУ» уже прямо влияло на Вас? Когда Вы встретились впервые с искусством обэриутов? Кто, среди обэриутов-чинарей Вам ближе?

– Об этом сказано в моей статье, которую Вы упоминаете в следующем вопросе. Вообще же однажды Николай Иванович Харджиев ответил на вопрос, знал ли Введенский Кришнамурти: «Зачем? Поэту достаточно одного слова, как птичке крохотной капли, чтобы получить всё!»... – Из обэриутов мне сначала был ближе Хармс, а теперь – Введенский.

14. В статье о Хеленуктах (НЛО, № 62) Вы пишете, что «Хеленукты, так сказать, во многом изобретали велосипед, идя более или менее от тех же истоков, что и чинари (обэриуты)»... Вы считаете, что сравнение Хеленуктов с обэриутами возможно только на основе общих эстетических истоков?

– Чинари (обэриуты) принципиально не обращались к западному авангарду, опираясь в основном на Хлебникова и русский футуризм; мы (Хеленукты) очень любили русскую поэзию XVIII века, русских футуристов, но и дадаистов, но и немецкий авангард 60-х годов (К. Бойер, Г. Хайссенбюттель, Ф. Мон, Г. Рюм...). А выводы – Вы уж сами делайте.

15. Для Хеленуктов Вы считаете «верными» такие выражения как «необэриутство», «пост-обэриуты», «неоабсурдизм» и т. д.

– Нет, ни одного! («Хеленуктизм это НАШЕ ВСЁ!»)

16. Когда для Вас были доступные рукописи обзорютов? При каких обстоятельствах?

– В 1968 году Всеволод Николаевич Петров (друживший с Хармсом в конце 30-х годов) познакомил меня с Анатолием Александровым, готовившим официальный сборник Хармса. Александров взял меня в помощники и я занимался текстологической работой (по микрофильмам рукописей, которые Я.С. Друскин не разрешал выносить из дома). К сожалению, Александров переснимал только те произведения, которые собирался включить в книгу. В начале 70-х работа, можно сказать, была закончена и я остался временно «не у дел». В середине 70-х мы познакомились с Мишей Мейлахом, который ангажировал меня заниматься записными книжками Хармса. Мейлаху Я.С. Друскин уже доверял рукописи «на вынос».

17. Вы были знакомы с Я.С. Друскиным и как он повлиял на молодых поэтов Ленинграда?

– С Я.С. Друскиным я виделся всего два раза. Александров предпочитал меня с ним не знакомить да и сам Яков Семёнович вёл замкнутый образ жизни, допуская к себе лишь очень и очень немногих... Так что повлиять на поэтов он никак не мог.

18. Как Вы с Мейлахом решили и смогли опубликовать произведения Хармса в Бремене уже в конце 70-х годов?

– Если издание подготовлено, то почему не издать? Впрочем, организационными вопросами я не занимался. Знал, что издание безгонорарное, – следовательно законов мы не нарушали... Хотя Мейлаха всё же посадили. Но не за заграничные публикации.

19. И произведения Введенского и Вагинова?

– Введенского (двухтомник для «Ардиса») делал Мейлах, я только слегка поучаствовал... А прозу Вагинова мы делали вместе с Татьяной Львовной Никольской в 1989 году для вполне официального московского издательства «Современник». Представил нас издательству Сергей Георгиевич Бочаров. Позже, в 1993 году мы с Мейлахом подготовили новое издание двухтомника Введенского для «Гилеи» с моей текстологией. Потом я участвовал в томе «Поэты группы ОБЭРИУ» в большой серии «Библиотеки поэта». В «Поэтах группы ОБЭРИУ» мы с Мейлахом готовили Введенского и Хармса, а с Т.Л. Никольской – Вагинова... И так далее, и так далее!

20. В те годы (70-е 80-е), Вам было уже ясно, что в ближайшие годы малоизвестное явление обэриутов возбudit такой интерес среди филологов?

– Конечно, ясно! А если нет, – так пускай им хуже будет.

21. И Вам уже представлялось, что Хармса получит такой успех среди читателей?

– Да.

22. Как Вы думаете, на каком уровне творчество обэриутов влияет на современную литературу?

– На глобальном!!!

26 апреля 2007

Пятая проза

1. Где это

...и я подумал: но ведь это я, но в другом виде, это второй я...

«Сайгон», свидетельствует Виктор Леонидович Топоров, открылся 1 сентября 1964 года. Но до апреля 1965-го я ни разу в него не заглядывал. Стен «Сайгона», расписанных (вспоминает художник Михаил Петренко) «треугольными цветными петухами», я тоже не застал. Кстати сказать, кафетерий ресторана «Москва» (ещё безымянный) вскоре после открытия закрылся на косметический ремонт и снова открылся уже в апреле. Но у меня (хотя я жил по соседству, – в Пушкинской улице) были другие маршруты.

Весной 1963 года, на излёте (в марте, разумеется) 9-го класса я начал писать стихи, а осенью того же года обзавёлся первым литературным другом – Андреем Гайворонским (тогда ещё не носившим псевдонима). Строго говоря, первым литературным знакомым был мой одноклассник Геннадий Несис (сейчас он известный шахматист; его фамилию я даже встретил несколько лет назад в кроссворде!). Вместе с Андреем (не понятно, зачем?) мы поступили в «Дерзание» при Дворце пионеров. Занятия вела Наталья Иосифовна Грудина, а «ударной группой» были Вензель, Топоров, Гурвич («Мяснов»), Беляк (Тиль), Марк Мазья и Волькенштейн. Там мы познакомились с Романом Белоусовым и Тamarой Козловой (впоследствии

Буковской, а тогда предпочитавшей называться m-me Грицацовой). К весне 1964 года мы с Андреем полюбили там и сям читать стихи на публике, и (за это) Грудинина попросила нас покинуть «Дерзание».

Мы стали искать себе *уличное* пристанище и решили собираться на «Орбите», т.е. площади Искусств. Напомню, что «Сайгона» ещё не было в природе. А пока я продолжал ездить на автобусе в школу (№ 195, на ул. Воинова) или слоняться по Невскому, но чаще сидел дома в одиночестве и читал. На лето меня пристроили по благу в пионерский лагерь в Лисьем Носу, где я жил отдельно от пионерчиков на веранде и упражнялся на взятой напрокат пишущей машинке. Именно там я изобрёл свой псевдоним; это произошло 20 июля. Псевдоним был образован по аллитерации с именем, а также был навеян городом Арлем («Кафе в Арле») и, наверное, новеллой Мопассана «Орля». Время от времени меня навещали друзья из города. Часто наезжал Роман Белоусов, и я издал первый сборник его стихов под названием «Конец начала». Однажды вместо Романа приехал Саша Прокофьев, который познакомил меня со своим одноклассником – Дмитрием Борисовичем Макриновым. О том, как именно произошло это знакомство (и другие детали), написано в моём рассказе «Писатель у себя дома».

Когда в конце августа я вернулся в город, меня ждал приятный сюрприз. Андрей Гайворонский набрёл на кафе-терий (собственно, «кулинарию» Елисеевского магазина) на Малой Садовой. В «кулинарии» стояли два кофейных аппарата «Эспрессо», а к кофе продавались замечательные пирожки и волованы. В соседнем отделе продавались со-лидные пироги, от которых можно было купить половину

или четверть... Выпечка поставлялась знаменитой кухней ресторана «Метрополь» (не путать с «МетрОполем», появившемся позже!). Завсегдатаями кафетерия были сотрудники Русского музея, Театра комедии, других соседних предприятий и просто «праздношатающиеся». Довольно подробно об этих людях написано С. Савицким, Гайворонским и мною. Чтобы не повторяться, отсылаю читателей к этим трудам.¹ Жалко, что в кофейном отделе было всего два или три высоких столика, и посетители пили кофе, стоя за ними или (иногда) выходя на улицу и располагаясь у уличного подоконника. Очень несправедливо о нашем кафетерии вспоминает то ли режиссёр Стефанович, то ли Сергей Андреев, записавший его рассказ: «Молодые ленинградцы, интересовавшиеся искусством, собирались в *маленькой грязной забегаловке* на Малой Садовой»².

Тогда же (в августе) на Малой Садовой появился Коля (Николай Иванович) Николаев, одноклассник Романа Белоусова, а в сентябре 1964 года я совершенно неожиданно познакомился в Публичке с А. Мироновым и привёл его на Малую Садовую (об этом знакомстве написано всё в том же рассказе «Писатель у себя дома»). Почти сразу Малая Садовая стала для меня вторым домом. Хотя с неко-

---

¹ С. Савицкий. Андеграунд: История и мифы ленинградской неофициальной литературы. М., 2002. – Ср. первоначальный вариант в журн. НЛЮ, № 30 (1998). Оба варианта страдают ошибками и искажённо понятыми фактами; 2) А. Гайворонский. Сладкая музыка вечных стихов. Малая Садовая: Воспоминания. Стихотворения. СПб. 2004; 3) Вл. Эрль. Поэты Малой Садовой // Премия Андрея Белого: 1978–2004: Антология. М., 2005.

² Газ. «Смена», 18 дек. 2007, с. 6. – С негодованием подчёркнуто мной.

торыми её завсегдатаями отношения у меня не сложились и остались (если остались) прохладными, как я ни старался. Многие старшие справедливо относились ко мне иронически; иронически воспринимали меня и девушки Малой Садовой (эти – несправедливо). Дружил я – тоже дискретно – со своими ровесниками (старше на год был Макринов, младше — Миронов). По-настоящему друзьями остались только мы с Николаем Ивановичем Николаевым, хотя порой тоже случались шероховатости. Также вполне дружеские отношения остались у нас с Андреем Гайворонским и прозаиком (тогда – поэтом) Евгением Звягиным. Но вначале мы ходили стайкой: Белоусов – Макринов – Миронов – Николаев – и я (перечисляю не в порядке появления на экране, а в алфавитном порядке). Примыкали к нам Тамара Козлова и Прокофьев. Тамара Козлова некоторое время фигурировала под псевдонимом Алла Дин (придумал Гайворонский), а позже вышла замуж за художника Валерия Мишина, стала называться Тамарой Буковской (по псевдониму мужа) и исчезла с Малой Садовой... Из Миронова и Прокофьева сложился *особый* тандем неразлучников, – «Саша большой и Саша маленький», как они были названы в фильме А. Стефановича «Все мои сыновья», снимавшемся в 1966, наверное, году. Прокофьев всегда был по натуре провокатором и ставил над Мироновым психологические (и не только психологические) эксперименты. В 1967 или 1968 году Прокофьев женился и подался в священники, а Миронов завёл новый тандем с Серёжей Танчиком...

Но я немного забегаю вперёд. В феврале 1965 года меня познакомили с Леонидом Аронзоном. С ним мы

как-то сразу подружились и даже перешли на ты. Я стал постоянно у него бывать и часто приходил к нему вместе с друзьями; существенно, что я познакомился и с друзьями Аронзона – Юрием Шмерлингом, Леонидом Ентиным и Юрием Галéцким. Лёню Ентина я поначалу побаивался (как младший старшего), но потом от всей души полюбил. Галéцкий, художник и когда-то талантливый литератор, тоже умел произвести впечатление³. К апрелю Александр Чурилин предложил собрать альманах «кофейного общества» – «Fioretti», в который дали свои подборки стихотворений и Аронзон, и его ближайший и самый верный друг Александр Альтшулер (Аронзон один или два раза заходил на Малую Садовую, Альтшулер в 1965-1966 бывал часто). Тогда же – в начале апреля – у меня произошло что-то вроде творческого кризиса, я бросил 11-й класс школы, обнаружил вновь открывшийся «Сайгон» и впервые переступил его порог. «Сайгон» был почти безлюден, – была первая половина дня. Перед столиками стояли, если не ошибаясь, кресла. Я взял себе кофе, сел и принялся то ли писать, то ли переписывать – уже не помню – в записную книжку свои сочинения. Понятно, совсем недавно был прочитан гемингвеевский «Праздник...», что не мешало немногочисленным посетителям иронически меня рассматривать.

Позже «Сайгон» стал совершенно значимым местом и официальным бельмом на глазу компетентных товарищей. Тогда в целях обострения классовой борьбы были

---

³ NB! Художника Юрия Иосифовича Галéцкого (р. 1944) часто путают, к сожалению, с более молодым литератором Юрием Васильевичем Гáлецким (собственно Ушаковым, р. 1954).

удалены кресла. Рассказывают, что, впервые обнаружив неожиданное отсутствие сидений, одна из посетительниц воскликнула: «Ба! Из-под интеллигенции выбили стулья!..». Забавно, что после этого кафетерий стал вместительнее, а посетителей едва ли не втрое больше. Впрочем, за Малой Садовой тоже, по слухам, был глаз да глаз...

...В апреле 1965 года мы с Мироновым, неожиданно, «с бухты-барахты» махнули *на перекладных* в Москву и пробыли там около двух недель. В Москве мы познакомились со смогистами, и Володя Батшев включил наши стихи в машинописный альманах «Сфинксы», который был воспроизведён в *страшном* журнале «Грани» (№ 59) и переиздан отдельным изданием мельчайшим шрифтом на папиросной бумаге, – словно партийные издания начала века. Наши стихи в «Сфинксах» (как и в «Fioretti») были очень плохие, – мои, по крайней мере. В Москве мы заявили к Алексею Елисеевичу Кручёных, который сначала нас не пускал и потребовал прочитать по памяти хлебниковские «Трущобы», которые я благополучно прочёл. В результате Алексей Елисеевич отнёсся к нам вполне благожелательно и даже сводил пообедать в молочный буфет.

Осенью, чтобы закончить 11-й класс, я записался в вечернюю школу в Щербаковом (кажется) переулке, где, между прочим, русский язык и литературу для более младших классов преподавал Леонид Аронзон. Но в вечерней школе мне было совсем невмоготу, и я перешёл в Городскую заочную школу (ул. Союза Печатников), в которой наконец благополучно закончил своё образование. Весной, кажется, 1966 года мне повезло: я купил за 90 рублей «контрибуционную» (немецкого производства)

портативную пишущую машинку «Olympia Progress» и, следовательно, перестал быть «безлошадным». Хотя моё издательство «Польза» *действовало* уже полтора года. Летом после какого-то отсутствия в доме Аронсона появился легендарный Алексей Хвостенко, а немного позже его друг и соавтор Анри Волохонский. Очень скоро их произведения стали основной продукцией «Пользы». И видел я, что *это* хорошо.

Осенью 1966 года мы с Макриновым основали Хеленуктизм (название *образовано* мной) и написали манифест группы. Тогда же в ряды Хеленуктов вступил Миронов, а зимой на Малой Садовой появился Виктор Немтинов, который также был удостоен высокого звания. Кроме того некоторое время мы работали вместе с Немтиновым музейными рабочими в музее этнографии (народов СССР).

23 ноября я читал, думая для понта туда поступить, в лито Союза писателей. Тогда им руководил Лев Мочалов. На обсуждении меня почти единодушно разгромили. Особенно старались, свидетельствует Кузьминский, Нина Королёва и Бродский. Королёву совсем не помню, а Бродского тогда я видел первый раз, но запомнил. Между Бродским и Аронсоном разгорелся жаркий спор. Собственно говоря, спор шёл об искусстве вообще, а я и мои стихи были только предлогом.

В феврале 1967 года я совершенно зря первый (но не последний) раз женился, а в марте устроился рабочим по чистке книг в резервно-обменный фонд Университетской библиотеки (рядом со Смольным). Через три дня меня за таланты повысили до младшего библиотекаря. По со-

седству заканчивал аспирантуру Анри Волохонский, и мы часто вместе пили кофе в свои обеденные перерывы. В начале лета я поссорился с Аронзоном и больше у него не бывал... В августе я уволился из библиотеки, надеясь поступить в пединститут им. Герцена, но не поступил и продолжил службу младшим библиотекарем: сначала два месяца в Публичке, потом почти год в Университетской библиотеке (на этот раз в главном здании). Отмечу, что в Университетской библиотеке (и опять за таланты) я был повышен из младшего в библиотекари просто. Между прочим, за стенкой трудился библиографом Макринов, а через некоторое время был принят на работу экспедитором Н. Николаев. Надо ли говорить, как мы им помыкали!

В 1968 году я разъехался с родителями, с которыми проживал до этого времени, а через год (слава Богу!) развёлся. Позже, с января до октября 1969 года, работал организатором экскурсий в музее этнографии (опять народов СССР) и летом познакомился на Малой Садовой (NB!) с зашедшими туда Кузьминским, Куприяновым и Чейгиным. В октябре 1969 года я поступил в ЛПО «Автотехобслуживание» контролёром-приёмщиком (т.е. сторожем) автостоянок и сторожил их семь лет. На автостоянках работало много знакомых: А. Миронов, Б.И. Дышленко, А. Ник, А.М. Гиневский и Немтинов... В те времена «автолюбителю» получить место на автостоянке даже на ночь было *проблемно*, и однажды Немтинов потребовал взятку с приехавшего в его дежурство главного директора «Автотехобслуживания». Взятку Немтинов получил, но на следующий день со службы был изгнан с позором и «изрядно накостылёванным затылком».

После автостоянок я служил три месяца секретарём (*на бумаге* – «старшим лаборантом») Комиссии комплексного изучения художественного творчества, около полутора лет сторожил водно-моторную станцию на Малой Невке (не путать с лодочными стоянками!), столько же работал инструктором пожарной охраны на Охте и шесть с половиной лет оператором газовой котельной на Мойке. Водно-моторную станцию окружал сад имени Дзержинского с его хорошеньким бюстиком при входе; в этом саду я *трудился* вместе с А. Антоновым (сыном известного писателя) и Борисом Ванталовым (Аксельродом, двоюродным братом А. Ника). Моим коллегой по пожарной охране был Игорь Владимирович Бахтерев, – правда, на другом заводе, так что по службе мы не пересекались. Слаще всего было в котельной, хотя начальство было подловатое. Зато коллектив подобрался неплохой: левантийский по темпераменту Ханан, желающий всё знать (но не понять) Лихтенфельд, его будущая жена Маша и я. Всех вместе нас со службы и погнали. Это произошло в июне 1986 года, уже в так называемую перестройку.

Следующие четыре года (1986-1990) мне пришлось работать киоскёром «Союзпечати» (никуда больше уже не брали). Из моих семнадцати работ эта была самой тяжёлой, хотя начальство относилось ко мне хорошо...

Важно сказать, что в 1967 году я познакомился с Всеволодом Николаевичем Петровым, а в 1968 с А.А. Александровым и стал – можно сказать, профессионально – заниматься творчеством Хармса. По Малой Садовой я был знаком с Татьяной Никольской, вместе с которой мы позже готовили к печати прозу К. Вагинова. Мы были зна-

комы раньше, но с 1969 года стали постоянно видеться с Элликом (Леоном Леонидовичем) Богдановым. Иногда часто виделись, но чаще ссорились с Мироновым, позволявшим себе безобразные выходки. Тем не менее к 1970 году я подготовил и издал первую книгу его стихотворений – «Еλοҳӣ». В 1970 году (26 мая) я присутствовал на свадьбе К.К. Кузьминского и подарил ему вешалку из оленьих рогов (по-моему, очень хороший подарок, но ККК злонамеренно о нём не вспоминает)... В 1970-е годы я часто бывал у ККК, где, как ни странно, познакомился с Ольгой Седаковой и видел однажды Аллу Минченко. Опять же у ККК я познакомился с замечательным писателем А. Ником (= Аксельродом Николаем) и прозаическим фотографом Кудряковым. Можно сказать, что там же я познакомился и с Мейлахом, хотя, кажется, нас с ним и Бродским уже знакомил на Малой Садовой Владимир Марамзин (с Марамзиным мы были знакомы по литобъединению при издательстве «Детская литература»).

Однако я забежал далеко вперёд. Летом 1967 или, скорее, 1968 года кофеварочные аппараты впервые не занимались своим делом, так как девушек, варивших кофе, отравили, по слухам, «на подшефную турбазу». Что делать? Приходилось идти в «Сайгон», где кофе был хороший и даже крепче (там варили тройной, а на Малой только двойной)... Кое-кто покинул Малую Садовую и навсегда ушёл в «Сайгон» – например, Вензель. Но для меня «Сайгон» всегда был *чужим домом*, а Малая Садовая *своим*. По словам Андрея Гайворонского, «Малая Садовая в то время была местом в некотором роде элитарным, в отличие от открывшегося чуть позже истинно демократичного,

но всеядного “Сайгона”. В конце концов можно было просто заходить сюда, чтобы выпить кофе, но без малейшей надежды попасть в “свой” круг». – Действительно, Малая Садовая – это ведь не только маленькая «кулинария» и даже не только улица, но и «собачий садик» напротив, но и площадь перед Домом кино, но и студенческие читальные залы Публички, но даже и Кленовая аллея⁴, и окрестности Михайловского замка... А что «Сайгон»? Сам кафетерий, мороженица за углом да двор по соседству...

Раньше (сначала) мне не нравилось предложенное Петром Брандтом определение «уличная культура» (из-за слова «уличная»), но теперь я думаю, что оно *правильное*.

2. Что это (было)

Серое небо, серая даль, наполненная скитающимися серыми призраками. В сероющем окрест болоте кишат и клубятся

---

⁴ Названная так, вероятно, оттого, что вместо клёнов там стоят каштаны.

*серые гады; в сером воздухе беззвучно
реют серые птицы; даже дорога словно
серым пеплом усыпана...*

Как бы то ни было, но подо всем был второй «культурный слой».

На смену дивным шестидесятым явились *уточнённые* семидесятые, неминуемо перешедшие в мерзостные восьмидесятые. Одновременно «уличная культура» превращалась в «неофициальную культуру», или *вторую* (но не культуру, а действительность). О том, во что всё вылилось, написал в своём «Путешествии нигилиста» Василий Кондратьев: «Я даже убеждён, что непреодолимое желание *печататься, как все*, помешало русской “неофициальной культуре” шестидесятых-восьмидесятых годов, — а точнее сказать, тому её передовому отряду, который Владимир Эрль называет *неофициальным неофициальным искусством*, — перейти в следующее десятилетие в качестве реальности, а не сомнительного мифа; хотя тут тоже бывали исключения»⁵.

Не менее существенно поминает мою персону Кузьминский: «...участники того самого литературного процесса, центральной фигурой которого был Эрль. <...> Я их так и делю: на эрлезянцев и бродскианцев. <...> Странно, что мало кто любил Эрля: от его сотоварищей по середине 60-х – слова доброго не дождешься»⁶.

Разумеется, всё не так, – в центре я жил (см. выше), но центральной фигурой никогда не был; я даже подчеркнул

⁵ Митин журнал. № 63 (2005). С. 285-286.

⁶ У Голубой лагуны. Т. 4А, 1983. С. 198 и 200.

о себе, чтобы не было кривотолков: «Буддой не является»⁷. С другой стороны, причины меня не любить были у многих, а вина в том – моя... Детство у меня было сугубо домашним, а от детского сада я был избавлен и время проводил в одиночестве за чтением. Я научился читать рано, может быть, года в три. По крайней мере, к шести годам уже был прочитан двухтомный «Давид Копперфильд»... В результате вырос я воспитанным книгами и очень наивным. Немного позже, уже в отрочестве, меня поразил рисунок в отрывном календаре: по снегу идут, беседуя, два мужика в тулупах и валенках. Текст беседы был в подписи: «Снежок-то хрустит!» – «А под ним капуста...». То, что это была сатира на бесхозяйственного председателя колхоза, мне стало ясно многие годы спустя. А *тогда* навсегда запала в душу восхитительно *иная* логика и я стал инакомыслящим в подлинном смысле слова! Моё «традиционное» инакомыслие подкрепил опять же отрывной календарь, с опять же рисунком, – молодой человек стоит с девушкой у окна, а отец девушки сидит в креслах и *хохочет, читая газету*. В подписи приводился диалог молодых людей: «Какой у тебя весёлый отец!» – «Да нет, просто у него зубные протезы не того размера». Разумеется, моё инакомыслие многие чувствовали и негодовали. Иногда негодование принимало вполне ощутимые формы. Счастливым исключением был Вася Кондратьев. Наверное, он тоже был бы недоволен, но для меня важнее не «вандализм дада и одухотворенность сюрреалистов» (С. Дубин), а «вандализм сюрреалистов и одухотворенность дада»! Хотя я опять забегая вперёд...

---

⁷ Там же. С. 200.

В начале 1975 года по примеру «Горожан» (и впоследствии «МетрОполя») был затеян сборник «неофициальных» поэтов «Лепта». Заседания инициативной группы проходили на квартире Юлии Вознесенской; там я впервые увидел Б.И. Иванова. На одном из заседаний Кривулин объявил о намерении издавать поэтический журнал, на что Иванов ответил аналогичным прозаическим проектом. «Лепта», разумеется, не вышла⁸, но журнал «37» начал выходить в январе, а альманах «Часы» летом 1976 года. «Часы» Иванов издавал при участии В. Долиннина (недолго, – до ареста) и Б. Останина (постоянным). Элла Липпа, остроумная Алла Пугачёва неофициальной культуры, сказала как-то про Иванова: «такой *поживший* мужичок, немного посидевший, где его научили тому-сему... журнал издавать...»; она же определяла психологический склад Останина «маниакально-репрессивным психозом». Если первая характеристика – *внешняя* (Борис Иванович человек по натуре вообще-то не вредный, скорее недалёкий), то вторая замечательно точна. Останин, сделавшийся ленинградцем в 1961 году, остался провинциалом (в плохом смысле слова) с непомерными амбициями и повадками *советского* редактора. Мне приходилось несколько раз с ним сталкиваться, за что я был им трижды обворован (обворован Останиным был и поэт Владимир Алейников)⁹...

После скандала с «бульдозерной» выставкой власти открыли две «официальные» – сначала в ДК им.

---

⁸ Конечно! чего ради? Вспомним, что сказал ещё летом 1926 года запрещённый до 2014 года поэт: «Сделай, он говорит, крестная мать мне подарок? А та ему не хочет никакого подарка делать».

⁹ В. Алейников. Довлатов и другие. М., 2006. С. 151-154.

Газа, потом в ДК «Невский». Рассказывают, что к отдельным уклоняющимся от участия художникам приходили соответственные товарищи и настоятельно им указывали. Однако после художников последователи С.В. Зубатова взялись за литераторов, создав «Клуб-81». Сейчас «начали распространяться слухи о том, что “Клуб-81” создан органами КГБ, – говорит Э. Шнейдерман. – Слухи эти, выгодные самому КГБ и от него исходившие, абсолютно лживы. В конечном итоге мы использовали КГБ»¹⁰. Подобное говорил Б.И. Иванов в передаче радио «Свобода» и, кажется, верил, что так и было. Однако сказано: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых»... Я помню, как с несколькими авторами, заранее отказавшимися вступить в Клуб, встретились его сторонники. Встреча прошла в «нашей» котельной. От нас были Буковская, Вензель, Ю. Колкер, Ханан и я; соблазнять и искушать нас пришли Б.И. Иванов, Э. Шнейдерман (кажется), С. Стратановский и кто-то ещё. Присутствовал я и 30 ноября на «установочном» общем собрании в зале музея-квартиры Ф.М. Достоевского. Вёл собрание куратор от Союза писателей Ю.А. Андреев и отчасти Останин, предложивший считать членами Клуба всех присутствующих. Интересно, сколько он рассчитывал получить от Коршунова/Кошелева (или от г-на Черкесова)? по 30 копеек за душу? К счастью, предложение не прошло, и мы остались свободными...

В 1979 начал выходить «Транспонанс», а в 1985 «Митин журнал». С обоими изданиями я активно сотрудничал. Для «Транспонанса» я придумал второй (для «авангардных»

---

¹⁰ «НЛО», № 14 (1995). С. 248.

сочинений) псевдоним Б. Ванталову (Аксельроду) – *б. констриктор*, превращённый им позже в «Б. Констриктора» и даже «Б.М. Констриктора». Псевдоним, однако, был позаимствован у Саши Соколова: «кашель трамвайного констриктора» в «Школе для дураков», которую Ванталов брезгливо обругал. В мае (точнее, в апреле) 1986 года мне присудили премию им. Андрея Белого, но не за творчество, а за текстологию, – «за многолетнее беззаветное служение *тексту и автору*... за участие в издании сборника «Памяти Леонида Аронзона». О всей моей литературной жизни можно сказать (немного переиначив известные слова): «вплоть до 1993 писал, подготавливал и служил, служил, подготавливал и писал. К 1994 году совсем оставил службу и исключительно отдался литературе».

В 1985 году (спасибо Елене Шварц) я познакомился с замечательным поэтом Светланой Кековой. Её первую книгу я подготовил в 1991, но издать удалось только в декабре 1995 года.

25 февраля 1987 скоропостижно умер Леон Богданов, а через два года, 13 апреля, мой папа. Это были первые потери моих близких...

Осенью 1992 года я познакомился и подружился с Василием Кондратьевым и Александром Скиданом. Душа рванулась навстречу Васе (как раньше к Эллику), но 25 сентября 1999 года Кондратьев погиб.

Следующие события происходили уже в следующем, XXI веке.

Малая Садовая, сначала всеми покинутая, превратилась в квази-Арбат, а родной садово-парковый «эдипов комплекс» в «собачьем садике» заменили на поганое идо-

лище. «Сайгон» закрывался, открывался, *меняя ориентацию*, переезжал (!) и наконец снова открылся как кафе. Но это, увы, уже не «Сайгон»...

Что добавить? Когда-нибудь я встану и опять далеко пойду. Пойдёт дождь. Дождя не будет.

Апрель-май 2008

Первые публикации

♥ Curriculum vitae // «Неофициальная Столица». М.: GIF, 2000. С. 211 (в сокращении). — Здесь с дополнениями, которые будут и впредь

♦ Вступительная статейка Хеленуктов // Вл. Эрль. Хеленуктизм (Книга Хеленуктизм). СПб., 1993. С. [75-76]. — Печатается с незначительными сокращениями

♦ Обуздать бздунов и обманщиков! // Там же. С. [41]

♦ К выходу 1-го выпуска «Альманаха Могучей Кучки» // Там же. С. [76-77]

♦ А. Хвостенко (Вступительная заметка) // Часы: Альманах. № 8. — Л., 1977. С. 184-185

♦ Предыстория (Ю.А. Дубасов, Поэт) // Митин журнал. № 3. — Л., 1985 (май-июнь). С. 185-186. — С болью в сердце опускаем переписку и стихотворения (Там же. С. 187-199)

♦ Маргиналии к истории новой русской литературы // Магази́нник, № 3/4 (New York: Koja Press, 2003). С. 8

♦ А.Н.Миронов. Его авторский вечер // 1) Обводный канал. № 4 (1983). С. 263–264; 2) «Транспонанс». № 15 (1983, № 2). С. 124–125. — Обе публикации с цензурными вмешательствами редакторов

♦ Отрывок из письма другу, жительствовавшему в Китайске // Транспонанс. № 21 (1984, февраль-март). С. 173–175. — Дополнение (ответ) написано С. Сигеем

♦ Два поэта // Там же. С. 162-164. Недавно найденное стихотворение — «когда ужаленный пчелою...» (Л. Аронзон. Собрание произведений. Т. 1. С. 105)

◆ Вокруг Хармса // Транспонанс. № 21 (1984, февраль-март). С. 99–129

◆ Даниил Хармс в трёх неосуществлённых изданиях // Транспонанс. № 28 (1985, май-июнь). Семь нenum. страниц

◆ Письмо другу, жительствовавшему в Китайске // Транспонанс. № 27 (1985, март-апрель). С. 145–148

◆ Выступление на Хлебниковской конференции // Черновик. Альманах. 1. Нью-Йорк, 1989 (весна). С. 20.

◆ Речь при получении премии имени Андрея Белого // 1) Митин журнал. № 9/10 (1986, май–август). С. 441–442; 2) Часы, № 63 (1986, сентябрь–октябрь). С. 222–223.

◆ Дм. М. Три поэмы // Митин журнал. № 11 (1986, сентябрь–октябрь). С. 288–289. Публикация полностью: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj11/dmitr.shtml>

◆ Дм. М. Буффон. *Трагедия* // Митин журнал. № 12 (1986, ноябрь–декабрь). С. 156. Публикация полностью: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj12/buffon.shtml>

◆ ВНЕ. Рассказы и повести // Митин журнал. № 13 (1987, январь–февраль). С. 205. Публикация полностью: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj13/vne.shtml>

◆ Беккет // Митин журнал. № 31 (1990, январь–февраль). С. 2

◆ Коротко об авторе // Вл. Эрль. Трава, Трава. СПб., 1995. С. 94–95

◆ От составителя // Л. Аронзон. Стихотворения. Л., 1990. С. 76–77

◆ Даниил Хармс о Сталине // 1) Равноденствие. № 4. М., 1990 (июль); 2) Невское время. Л., 1991. 27 июля

◆ Леон Богданов // Вестник новой литературы. № 3. Л., 1991. С. 3-4

◆ Замечательный новогодний подарок // Нива: Иллюстрированный еженедельник. СПб.–Пг.–Л. 1991, февраль. С. 4. – В изложении

◆ Л. Богданов. Изранней прозы. — Не принятая публикация для журнала «Лабиринт/Эксцентр» (Л.; Свердловск)

◆ У книжного прилавка // Невское время. СПб., 1992. 21 марта

◆ Поэтика чтения как театральный жест // Премия Андрея Белого: 1978–2004: Антология. М., 2005. С. 225

◆ 10 × 10? // Русско-французские поэтические встречи 10 × 10, имевшие место в Санкт-Петербурге с 9 по 14 мая 1993 года. СПб., 1994. С. 40

◆ Вместо предисловия (*Дополнение*) // иностранец, 1995, № 9, 15 марта. С. 30. — Предисловие к интервью А. Хвостенко «Уехав, я спасся»

◆ Рисунки русских писателей. *Вечно живое наследие*: О Хеленуктах // НЛО. № 62 (2003). С. 283–285. — Предисловие к всё ещё не изданной публикации стихотворений, прозы и рисунков Хеленуктов

◆ *Статьи для энциклопедического словаря* // Написаны для литературной энциклопедии «Самиздат Ленинграда. 1950-е–1980-е». М., 2003. — Все, однако, опубликованы с неоправданным редактированием

◆ Из воспоминаний о Леониде Аронзоне // Критическая масса. 2006. № 4. С. 60-61. — Интервью записано *Максимом Гликиным* на диктофон летом 2001 года

♦ Кузьминского прописьмо // К. Кузьминский. Не столько о поэтике, сколько – об этике: Книга писем. СПб., 2003. 4-я с. обл.

♦ Письмо беспартийным московским читателям. — Оглашено (для чего, собственно, и было написано) на московской презентации двухтомного Собрания произведений Леонида Аронзона

♣ Карниз. *Равновесие* // Транспонанс. № 22 (1984, апрель-май). С. 29

♣ Про то, как Коля Николаев в каше сидел. *Рассказ пионера Саши Миронова* // Обводный канал. № 6. Л., 1984 С. 69-74

♣ Гишторические наблюдения и наставления благодарные, подчерпнутые из моря житейского и записанные Огурцовым Феррапонтом Аристарховичем (*Отрывки*) // Транспонанс. № 22 (1984, апрель-май). С. 91-94

♣ Гибель сливочного мороженого // Митин журнал. № 4 (1985, июль-август). С. 275-276

♣ 8 июля. *Автобиографическая повесть* // Обводный канал. № 6. Л., 1984. С. 74-76

♣ Рассказ о газе // Там же. С. 76

♣ Послеобеденное приключение // Там же. № 6. Л., 1984. С. 77

♣ Тимирязев и его бегемот // Там же. № 6. Л., 1984. С. 76

♣ Бикарбонат Римский // Митин журнал. № 4 (1985, июль-август). С. 277

♣ Миша в Зоосаде // Обводный канал. № 6. Л., 1984. С. 78-80

♣ Август 114-го. *Литературный сценарий* // Митин журнал. № 4 (1985, июль-август). С. 278

♣ Ирония судьбы // Обводный канал. № 6. Л., 1984. С. 81

♠ После шестого урока // Там же. № 6. Л., 1984. С. 82-84
♠ Судьба атеиста Сысоева // Там же. № 6. Л., 1984. С. 85
♠ В гостях // Там же. № 6. Л., 1984. С. 86
♠ Приусадебный участок // Там же. № 6. Л., 1984. С. 87-89

♠ Писатель у себя дома (*Отрывки*) // Там же. № 6. Л., 1984. С. 90-93

♣ *Miscellanea earliana (1970–1981)* // Транспонанс. № 25 (1984, ноябрь-декабрь). С. 129-139

♦ Несколько слов о Леониде Аронzone (1939–1970) // 1) Историко-литературные чтения на 1980-1981 годы: Н.С. Гумилев. [Л., 1982]. С. 304-317; 2) Часы. № 56 (1985, июль-август). С. 154-170

♠ Приключение // Петербург-2004. Ежегодная выставка новых произведений петербургских художников. СПб., 2005. С. 69

♦ Перечень существ и растений... // АКТ: Литературный самиздат. Вып. 10. СПб., 2003 (май-август). С. 5

♦ Разъяснения к документальной повести «В поисках за утраченным Хейфом» // НЛО. № 81 (2006). С. 285–287 и 290-291. — В составе исследования Н.И. Николаева «О подлинности Виктора Хейфа в повести Владимира Эрля»

♦ Ответы на вопросы Марко Саббатини // eSamizdat. 2007 (V), N 1/2. P. 186-188 [на итальянском языке]; <http://www.alestep.narod.ru/earl/interview.htm> [русский оригинал]

♥ Пятая проза // Сумерки «Сайгона». СПб., 2009. С. 25-31. — С цензурными купюрами и другими «редакторскими» искажениями.

... и опять далеко пойду. — Возможно, на концерт друзей — «АукцЫона»... Фёдорова/Волкова. — P.S. 2010 г.

Содержание

Curriculum vitae.....	3
I. Эстетика и критика	
Вступительная статейка Хеленуктов.....	7
<i>К вопросу о Хеленуктизме</i>	
Долой арендаторов!	9
Обуздать бздунгов и обманщиков!	10
К выходу 1-го выпуска «Альманаха Могучей Кучки»	11
А. Хвостенко (<i>Вступительная заметка</i>)	12
Предыстория (Ю.А. Дубасов, Поэт).....	14
Маргиналии к истории новой русской литературы ...	17
А.Н.Миронов. Его авторский вечер.....	18
Отрывок из письма другу, жительствовавшему в Китайске	23
Два поэта	27
Вокруг Хармса	30
Даниил Хармс в трёх неосуществлённых изданиях ..	44
Письмо другу, жившему в Китайске.....	50
Выступление на Хлебниковской конференции	57
Речь при получении премии имени Андрея Белого ...	58
<i>К 20-летию развития Хеленуктизма в России</i>	
Дм. М. Три поэмы	61
Дм. М. Буффон. <i>Трагедия</i>	64
ВНЕ. Рассказы и повести	65
Беккет	66
Коротко об авторе.....	67

От составителя.....	70
Даниил Хармс о Сталине.....	72
Леон Богданов.....	74
Замечательный новогодний подарок.....	77
Л. Богданов. Из ранней прозы.....	79
У книжного прилавка.....	81
Поэтика чтения как театральный жест.....	82
10 × 10 (Сто тридцать дней спустя).....	83
Вместо предисловия (<i>Дополнение</i>).....	84
Рисунки русских писателей. <i>Вечно живое</i> <i>наследие: О Хеленуктах</i>	86
<i>Статьи для энциклопедического словаря</i>	
Поэты Малой Садовой.....	91
Верпа (Литературная группа).....	94
Транспонанс: Журнал теории и практики.....	96
Хеленукты (Могучая Кучка).....	98
Из воспоминаний о Леониде Аронзоне.....	101
Кузьминского прописьмо.....	105
Письмо беспартийным московским читателям.....	106

II. Рассказы шестидесятых годов

Карниз. <i>Равновесие</i>	109
Про то, как Коля Николаев в каше сидел. <i>Рассказ</i> <i>пионера Саши Миронова</i>	110
Гишторические наблюдения.....	118
Гибель сливочного мороженого.....	122
8 июля. <i>Автобиографическая повесть</i>	124
Рассказ о газе.....	127
Три пьесы в стиле поп-арт.....	128
Послеобеденное приключение.....	129

Тимирязев и его бегемот.....	130
Бикарбонат Римский	131
Миша в Зоосаде.....	132
Август 114-го. <i>Литературный сценарий</i>	135
Ирония судьбы.....	137
После шестого урока.....	139
Судьба атеиста Сысоева.....	143
В гостях	144
Приусадебный участок	146
Писатель у себя дома (<i>Отрывки</i>).....	150
III. Miscellanea earliana (1970–1981)	157
IV. Дополнения	
Несколько слов о Леониде Аронzone (1939–1970)...	169
Приключение	189
Перечень существ и растений.....	191
Разъяснения к документальной повести «В поисках за утраченным Хейфом».....	203
Ответы на вопросы Марко Саббатини	209
Пятая проза	216
Первые публикации	233

